

МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 12

Казань 2017

МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 12

Казань 2017

УДК 33(06)

ББК 65я431

Н34

**Н34 Научные труды Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. Выпуск 12. – Казань: Издательство «Артифакт», 2017 – 204 с.
ISBN 978-5-905089-48-0**

Сборник научных трудов сотрудников, аспирантов и соискателей посвящен целому ряду актуальных проблем экономической и социологической науки. Включенные в данный сборник материалы представляют как научный, так и практический интерес и могут быть использованы в учебном процессе.

УДК 33(06)

ББК 65я431

© Министерство экономики Республики Татарстан, 2017

© Академия Наук Республики Татарстан, 2017

© ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», 2017

ISBN 978-5-905089-48-0

© Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, 2017

Оглавление

ЭКОНОМИКА

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Зайнуллина М.Р.</i> Итоги экономического развития 2016 года Республики Татарстан.....	6
<i>Сайфудинова Н.З.</i> Региональное планирование: российский и зарубежный опыт	14
<i>Сафиуллин М.Р., Даутов Р.М.</i> Изменение модели регионального развития на основе межмуниципальной кооперации на примере Республики Татарстан.....	22
<i>Хайрутдинова Ю.В.</i> Оценка зависимости индикаторов эффективности развития региона от структурных сдвигов в секторах экономики Республики Татарстан	33
<i>Кадыров Д.Р.</i> Ключевые показатели эффективности реализации государственных программ.....	39

ЭКОНОМИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

<i>Иштирякова Л.Х.</i> Особенности применения экономики совместного потребления	45
<i>Мингазова Ю.Г.</i> Роль и актуальные задачи системы образования в развитии человеческого капитала региона	53
<i>Мингазов З.Ф., Прыгунова М.И.</i> Особенность применения комплексного подхода к автоматизации решения задач по управлению персоналом в корпорациях.....	61

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

<i>Шарипова Р.А.</i> Промышленные кластеры Республики Татарстан	66
---	----

<i>Шакиров А.Р.</i> Опыт зарубежных стран в организации промышленных площадок и их интеграции в экономику региона и государства.....	71
<i>Ахмадишина А.А.</i> Нефтегазохимический комплекс Республики Татарстан	80
<i>Вьюков М.Г.</i> Проблемы и перспективы цифровизации как технико-организационно-экономического изменения деятельности нефтедобывающей компании	87

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Купцова А.И., Ермолаева П.О.</i> Анализ чувствительности населения к изменениям в реальной экономике	101
<i>Ситдиков Ш.И.</i> Законодательные и нормативно - правовые акты Российской Федерации и Республики Татарстан, регулирующие осуществление мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Структуры, наделенные полномочиями регулирования мер поддержки МСП.....	113

СОЦИОЛОГИЯ

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

<i>Ильдарханова Ч.И.</i> Пчеловодство как механизм адаптации пожилых на селе	128
<i>Княгинина К.И., Хайруллина Ю.Р.</i> Формирование регионального человеческого капитала как функция института высшего образования....	134

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

<i>Хайруллин Р.М.</i> Теоретико-методологические основы изучения религиозной толерантности (систематизация подходов)	141
<i>Мартынова О.А., Хайруллина Ю.Р., Тюленев А.И.</i> Средний класс и предпринимательство: особенности и взаимосвязь	147

Михайлов А.Ю. Гуаньси и российская действительность: сравнительный анализ социальных практик (к вопросу об институте дарения в российском бизнесе) 154

Махиянова А.В. Роль безработицы в формировании социально-психологического портрета населения (теоретико-методологический аспект)..... 161

Баскаков-Будайли Э.Н. Проблема символического капитала в организациях 166

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Смирнова А.В. Информационное обеспечение деятельности организаций социального обслуживания..... 171

Германова Л.В. Репродуктивное поведение: теоретико-методологические подходы к ее изучению 176

Корунова В.О. Пожилые люди в контексте информационного общества: теоретический обзор проблемы освоения пожилыми людьми современных информационных технологий..... 182

ГОРОД КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Пепеляев А.А. Общий город: социальные предпосылки развития экономики совместного потребления. Глобальный опыт внедрения 193

Соныгина А.Р. Тенденции развития городской инфраструктуры: особенности урбанизации 199

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Зайнуллина Миляуша Рашитовна

к.э.н., заведующий отделом микро и мезоисследований

Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан,

доцент кафедры общего менеджмента Института управления экономики и

финансов Казанского (Приволжского) федерального университета

milyausha-zainul@list.ru

M.Zaynullina@tatar.ru

ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 2016 ГОДА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

THE RESULTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN 2016 IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Аннотация: Статья посвящена анализу основных макроэкономических показателей Республики Татарстан. Представлены причины отклонений некоторых показателей. Приведены рекомендации по развитию экономической сферы на период 2016 год.

Ключевые слова: Индекс промышленного производства. Доля прибыльных и убыточных крупных и средних предприятий и организаций. Индекс потребительских цен. Среднемесячная номинальная и реальная начисленная заработная плата.

Abstract: This article analyzes the main macroeconomic indicators of the Republic of Tatarstan. Presented reasons for deviations of some parameters. The recommendations for the development of the economic sphere for the period 2016.

Keywords: Index of industrial production. The share of profit and loss of large and medium-sized businesses and organizations. Consumer Price Index. Average monthly nominal and real wages.

Посткризисный 2016 год нам запомнился следующими основными характеристиками: уровень инфляции закрепился на весьма низком уровне (105,5%); ключевая ставка Центрального Банка РФ составила 10%; продолжали действовать санкции по отношению к России; цена на нефть колебалась от 40-55 долларов за баррель; промышленность начала демонстрировать небольшой восстановительный рост; сельское хозяйство продолжает показывать позитивную импортозамещающую динамику, инвестиционная активность стабилизировалась и чуть подросла (объем инвестиций в основной капитал за первое полугодие 2016 составил 219,1 млрд. руб., в 2015 – 207,0 млрд. руб.¹); рынок труда продемонстрировал увеличение нерегистрируемой безработицы, в тоже время в государственных учреждениях зарегистрировано неадекватно сложившиеся реалиям количество безработных². Доходы населения также начали демонстрировать некоторую активность.

Согласно таблице 1 индекс промышленного роста в 2016 году составил 103,6, тогда как в 2015 году 100,4%, что свидетельствует о некоторой активизации темпа роста промышленности. Однако объем отгруженных товаров собственного производства составил 106,4 %, тогда как в 2015 году 112,7%.

Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство» и ввод в действие жилья сохранили такие же тенденции развития как в 2015 году (101,1-100,0%). Однако продукция сельского хозяйства в 2016 году

¹ Тезисы выступления министра экономики Республики Татарстан А.А. Здунова на двадцать втором заседании Государственного Совета Республики Татарстан по прогнозу социально-экономического развития Республики Татарстан на 2017-2019 годы. По оценке Министерства Экономики РТ в 2016 году объем инвестиций в основной капитал составит 654,2 млрд. руб.

² На конец декабря 2016г. в государственных учреждениях службы занятости зарегистрировано в качестве безработных 14,6 тыс. человек, или 0,71% (по оценке) рабочей силы (экономически активного населения республики), на конец декабря 2015г. – 0,80%. Источник: Социально-экономическое положение Республики Татарстан (комплексный информационно-аналитический доклад) январь-декабрь 2016 г / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан 2016 г. 82 с.

продemonстрировала рост 105,0%, а в 2015 году 104,7%. Темп роста грузооборота автотранспорта демонстрирует схожую динамику - в 2016 году 108,3, в 2015 году 108,1%. Оборот розничной торговли в 2016 году продемонстрировал снижение 98,0%, также как в 2015 году 87,2%. Объем платных услуг населению снизился 98,0%, тогда как в 2015 году 101,5%. Индекс потребительских цен составил 105,5%, тогда как в 2015 году 112,8%. Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата одного работника на предприятиях и в организациях республики увеличилась и составила 105,9%, тогда как в 2015 году 106,1%. Реальная же среднемесячная заработная плата осталась на том же уровне и составила 100,2%, а в 2015 году 93,9 %. (табл.1).

2016 год продемонстрировал некоторое оживление экономики. Однако, данное оживление обусловлено санкциями и высоким уровнем валютных курсов.

Кроме того, снижение уровня жизни населения продолжается, поскольку уровень цен значительно увеличился за последние два года, а уровень заработной платы остается прежним или снижается.

Таблица 1

Основные показатели социально-экономического развития в 2016 году
в Республике Татарстан [1]

	Январь-декабрь 2016г.	В % к январю-декабрю 2015г.
Индекс промышленного производства	х	103,6
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, млн. рублей	1966484,8	106,4
Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство», млн. рублей	286567,8	101,1
Ввод в действие жилья, тыс. кв. м. общей площади	2406,5	100,0
Продукция сельского хозяйства, млн. рублей	238575,0	105,0
Грузооборот автотранспорта предприятий всех видов деятельности, млн. ткм выполненный на коммерческой основе	3470,7	108,3

	Январь- ноябрь 2016г.	В % к январю- ноябрю 2016г.
Оборот розничной торговли, млн. рублей	801642,4	98,0
Объем платных услуг населению, млн. рублей	267274,3	98,0
Индекс потребительских цен	x	105,5
Индекс цен производителей промышленных товаров	x	102,1
- в том числе реализуемых на внутреннем рынке	x	103,8
Численность официально зарегистрированных безработных, (на конец периода), тыс. человек	14,6	x
Реальные денежные доходы	x	96,7
Реальные располагаемые денежные доходы	x	97,1
Начисленная среднемесячная заработная плата одного работника на предприятиях и в организациях республики, включая малое предпринимательство номинальная, рублей	29665,0	105,9
реальная	x	100,2

Темпы роста сальдированного финансового результата достаточно оптимистичны. Увеличение прибыльности можно отметить в большинстве видах деятельности (табл.2). Но снижение доходности показали следующие отрасли: оптовая и розничная торговля; сельское хозяйство; строительство; операции с недвижимым имуществом; образование.

На наш взгляд такая ситуация связана с внешнеполитическими факторами, которые сложились в 2016 году. Высокий уровень курса валют, введение санкций привело к возможности активизировать внутренний спрос по средствам импортозамещения и это отразилось на прибыльности отечественных предприятий.

Таблица 2

Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) по видам экономической деятельности за январь-ноябрь 2016г. [1]

	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млн. рублей	Темп роста (снижения) в % к соответствующему периоду 2015г.
Всего	295398,73	114,5
в том числе:	3139,11	78,5
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		
рыболовство, рыбоводство	-	-
добыча полезных ископаемых	149199,60	104,1
обрабатывающие производства	98605,19	146,2
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	11982,61	105,9
строительство	4229,73	84,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	928,83	16,7
гостиницы и рестораны	-16,81	-
транспорт и связь	16561,82	154,3
финансовая деятельность	402,45	147,0
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (включая деятельность, связанную с использованием вычислительной техники и информационных технологий, научные исследования и разработки)	8274,74	97,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	3,27	343,6
образование	117,28	99,4
здравоохранение и предоставление социальных услуг	434,64	168,3
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1536,27	107,6

Доля прибыльных организаций составила 78% в 2016 году, тогда как в 2015 этот показатель был равен 77,2%. Это на 0,8% больше чем в 2015. Распределение видов экономической деятельности по прибыльности отражает положительную прибыльность большинства видов экономической деятельности. Большая доля убыточных организаций в общем числе организаций в следующих видах деятельности: производство и распределение электроэнергии, газа и воды; гостиницы и рестораны; транспорт и связь; образование; предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (табл. 3).

Таблица 3

Прибыль и убыток организаций по видам экономической деятельности
за январь-ноябрь 2016 г. [1]

	Сумма прибыли, млн. рублей	Доля прибыльных организаций в общем числе организаций, %	Сумма убытка, млн. рублей	Доля убыточных организаций в общем числе организаций, %
Всего	334359,93	78,0	38961,21	22,0
в том числе:	4569,48	89,8	1430,37	10,2
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство				
рыболовство, рыбоводство	-	-	-	100
добыча полезных ископаемых	149267,61	95,1	68,01	4,9
обрабатывающие производства	108140,72	80,0	9535,53	20,0
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	13426,68	58,2	1444,07	41,8
строительство	5134,07	81,3	904,34	18,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	21374,81	78,1	20445,98	21,9
гостиницы и рестораны	121,28	62,5	138,08	37,5
транспорт и связь	18537,68	69,2	1975,86	30,8

финансовая деятельность	1100,22	82,4	697,77	17,6
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (включая деятельность, связанную с использованием вычислительной техники и информационных технологий, научные исследования и разработки)	9659,21	77,5	1384,47	22,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	3,27	100	0,00	-
образование	140,92	66,7	23,66	33,3
здравоохранение и предоставление социальных услуг	496,71	84,4	62,07	15,6
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2387,27	64,3	851,00	35,7

Таким образом, в целом можно сделать вывод по основным показателям макроэкономики: индекс цен стабилизировался в этом году по сравнению с прошлым годом; индекс промышленного роста немного увеличился; номинальная среднемесячная заработная плата увеличилась, а реальная осталась на прежнем уровне; прибыльность большинства секторов экономики выросла из-за политики импортозамещения. Пока ситуация экономического развития демонстрирует незначительный рост.

Позитивным экономическим фактором в 2016 году явилось увеличение цены на нефть и сокращение ее добычи основными игроками. Кроме того, необходимо отметить и тот факт, что США оказывает сильное влияние на рынок нефти по средством увеличения или снижения добычи сланцевой нефти. Если США снова как достаточно сильный игрок рынка нефти решит увеличить добычу, то можно ожидать падение цены нефти. Иначе говоря, оптимистические прогнозы делать рано. В любом случае курс на

импортозамещение и наращивание реального сектора экономики является стратегически более важным. Объективным же показателем роста в промышленности и сельском хозяйстве является показатель энергопотребления, который в 2016 году вырос на 3,9%.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Социально-экономическое положение Республики Татарстан (комплексный информационно-аналитический доклад) январь-декабрь 2016 г / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. - 2016 г. - 82 с.
2. Социально-экономическое положение Республики Татарстан: устойчивость, тенденции, развития Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Мингазова Ю.Г., Зайнуллина М.Р., Прыгунова М.И., Демкина Е.П. Казань: Издательство «Артифакт», 2016.-82 с.
3. Мингазова Ю.Г. Основные тенденции изменения валового регионального продукта Республики Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. 2002. № 3. С. 26-36.
4. Сафиуллин М.Р., Мингазова Ю.Г., Зайнуллина М.Р., Ельшин Л.А. Итоги социально-экономического развития республики Татарстан и Российской Федерации с учетом мировых тенденций в 2015 году // Экономический вестник Республики Татарстан. 2016. № 2. С. 5-21.
5. Сафиуллин М.Р., Зайнуллина М.Р. Системно-функциональное макроэкономическое моделирование развития российской федерации // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2012. № 5. С. 206-226.
6. Сафиуллин М.Р., Мингазова Ю.Г., Иштирякова Л.Х. Итоги социально-экономического развития республики татарстан и российской федерации в 2016 году в контексте мировых тенденций. Часть 1. Экономическая ситуация // Экономический вестник Республики Татарстан. 2017. № 2. С. 5-20.
7. Сафиуллин М.Р., Мингазова Ю.Г., Иштирякова Л.Х. Итоги социально-экономического развития республики татарстан и российской федерации в 2016 году в контексте мировых тенденций. Часть 2. Социальная сфера // Экономический вестник Республики Татарстан. 2017. № 3. С. 12-26.

Сайфудинова Назиля Зарифовна

Аспирантка Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

Nazilya_sf@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

REGIONAL PLANNING: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Аннотация. На сегодняшний день практически во всех передовых и многих развивающихся странах налажено государственное регулирование территориального развития. Оно существует в различных формах и видах. К примеру, это: законодательное регламентирование, планирование и прогнозирование, а также программирование экономики, государственные заказы (закупка вооружения и пр.), проведение целевой региональной политики - налоговой, кредитно-финансовой и т.п., контроль за ценами, доходами, занятостью, состоянием окружающей природной среды и многое другое. Данная статья посвящена обзору контроля и регулирования вышеперечисленных форм и видов государственного территориального развития в мировой практике, включая Российскую Федерацию.

Ключевые слова: региональное планирование, индикативное планирование, государственное регулирование, региональное планирование территориальных экономических систем.

Abstract. Today, almost all advanced and many developing countries established state regulation of territorial development. It exists in various forms and types. For example, it is: legislative regulation, planning and forecasting, and programming of the economy, government orders (purchasing weapons, etc.), targeted regional policies - fiscal, financial, etc., the control of prices, income, employment, natural environment and much more. This article provides an overview of control and regulation of the above forms and types of state territorial development in the world, including the Russian Federation.

Keywords: regional planning, indicative planning, state regulation, regional planning of territorial economic systems.

Региональное управление и территориальное планирование оказывают влияние на экономический рост регионов, стимулируют концентрацию или децентрализацию развития промышленности, осуществляют охрану окружающей природной среды и принимают определенные меры при необходимости, проводят освоения необжитых территорий, создают проекты реконструкции городов.

В экономике существует понятие индикативного планирования, которое практически синоним региональному планированию. Однако является лишь составной частью регионального планирования, поскольку оно гораздо шире и включает в себя и территориальное планирование.

Итак, индикативное планирование (от лат. «indicator» - указатель) - это недирективное (советующее, ориентирующее) планирование на государственном уровне. Это способ регулирования экономических процессов с помощью определения рекомендуемых целей развития производства и создания государством финансовых и других стимулов для тех коммерческих фирм, которые соглашаются действовать в соответствии с государственными рекомендациями. Индикативный план включает формулировки среднесрочных целей развития экономики, прогнозные показатели и тенденции, концептуальные алгоритмы преобразования структурных пропорций [3].

Ключевые разделы плана касаются экономического роста, инвестиций, финансовых потоков, сбалансированности экономики, инфляции и конкуренции. Главное содержание плана составляет определение роли государства, в том числе [2]:

- а) определение основных задач государства в области экономики на плановый период;
- б) детализацию этих задач применительно к инвестированию и перераспределению государственных доходов с указанием источников финансирования капиталовложений и соответствующих государственных

мероприятий (предоставление бюджетных субвенций, госкредитование, льготное финансирование и т.д.) [1].

Территориальное планирование направлено на развитие территорий, данный план устанавливает функциональные зоны, а также те зоны, на которых планируется размещение объектов капитального строительства для государственных или муниципальных нужд, и зоны с особыми условиями использования территорий.

Таким образом, региональное планирование – это планирование на правительственном уровне в масштабах какого-либо конкретного региона или всей страны, которое носит рекомендательный характер развития среднесрочных целей социально-экономического и территориального направлений.

В настоящее время практически все экономически развитые страны имеют сформировавшуюся систему разработки стратегий регионального развития.

Зарубежная практика территориального планирования и регулирования имеет много общего. Например, в большинстве зарубежных стран создано специальное законодательство, программы регионального планирования (программирования), законодательно оформленные процедуры планирования, фонды государственной поддержки "проблемных" регионов, выбор приоритетов национального социально-экономического развития, механизмы их реализации. Опыт органов по территориальному регулированию показывает, что региональное развитие за рубежом и его успех невозможен без сильной государственной помощи, поскольку зачастую требуются очень большие капиталовложения.

Существуют и различия, которые сводятся к особенностям функционирования механизма и определяются масштабами планирования. Индивидуальными являются и основные задачи, и функции стратегических планов, применяемые подходы к их разработке и воплощению [1].

Механизм стратегического планирования экономического развития в Германии представлен в таблице 1. Данный механизм подразделяется на четырехуровневое территориальное планирование, т.е. использует децентрализованную систему административно-территориального устройства.

Таблица 1

Механизм территориального планирования в Германии

№ п/п	Субъект административно-территориального устройства	Уровень территориального планирования	Полномочия субъекта
1	Земли («субъекты Федерации»)	Федеральный	Устанавливаются рамочные условия пространственного развития экономики для территории ФРГ [1]. Ответственность за их разработку несет Федеральное министерство территориальной организации, строительства и градостроительства.
2	Округи	Уровень федеральных земель	Разрабатывается земельная программа территориальной организации, в которой закрепляются основные положения пространственной организации и развития федеральной земли.
3	Административные районы	Региональный	Планирование на данном уровне осуществляется с помощью региональных плановых союзов, имеющих широкие хозяйственные и общественные связи. Конкретизируются главные цели, сформулированные плановыми органами, на уровне земель, а решения, принятые отдельными общинами в их составе, координируются и приводятся в соответствие с целями земельного планирования.
4	Города	Местное самоуправление	Планирование развития муниципальных образований и перспективное развитие градостроительства.

Территориальное планирование в Германии, как видно из таблицы, четырехуровневое и, в свою очередь, каждый уровень имеет определенное количество субъектов: земли («субъекты Федерации») – 16, округа - 29, административные районы - 324, города – 110.

Механизм стратегического планирования экономического развития в Германии опирается на достижение консенсуса экономических интересов основных стратегических игроков в регионах [3]. Это позволяет консолидировать усилия общества в достижении стратегических целей.

Приоритеты экономического развития США излагаются в докладах главы государства, однако, формально целостных стратегических планов экономического развития нет. Сеть специализированных прогнозных центров и комиссий разрабатывают прогнозы по контрактным заказам. На их

основе реализуются программы экономического развития, сейчас их существует и выполняется свыше 6 тысяч.

Стратегическое планирование регионального экономического развития осуществляется на основе комплексного подхода к регулированию регионального развития, ответственность за реализацию которого возложена на специализированное учреждение – Администрацию экономического развития. Данная организация занимается «депрессивными» регионами, контролирует их развитие в соответствии с национальной стратегией. Полномочия центра заключаются в предоставлении налоговых скидок и прямого государственного финансирования отдельных проектов, и размещении правительственных заказов [7].

Слаженный механизм работы целевых программ, государственных закупок, институтов развития, специально создаваемых организаций, оценка деятельности различных министерств и ведомств позволяет реализовывать национальные приоритеты. Все это стимулирует интеграцию различных сфер общества, отраслей экономики, связывает воедино их интересы.

Планирование территории в Великобритании началось с крупнейшего градостроительного эксперимента - мероприятия по ограничению развития Большого Лондона и сооружению новых городов. Результатом этих мероприятий стало строительство городов-спутников.

В 60-е годы XX века появилась необходимость единой национальной политики в области территориального планирования и ее более тесной связи с региональной политикой.

В 1965 г. создается бюро по планированию, и территория Великобритании была разделена на 10 метропольных районов с региональными центрами. В планах развития страны впервые разработан раздел регионального планирования и указано, что региональная политика является неотъемлемой частью государственного планирования [6].

Потребность в региональном планировании и прогнозировании во Франции сформировалась к 1960 году, когда возник вопрос регулирования

роста Парижа. Добиться поставленной цели можно было только в общенациональном масштабе на территории всей страны. Проекта территориального планирования отдельных районов оказалось недостаточно. В соответствии с этим появилась концепция всеохватывающей системы планирования по 21 экономическому району. Так же в то время была сформирована система институтов и организаций, осуществляющих разработку проектов и контроль за их реализацией.

На сегодняшний день региональная составляющая во Франции в формировании и реализации стратегии экономического развития носит постоянный характер. Упор делается на реструктуризацию регионов, максимальное использование их внутреннего потенциала развития, поддержку малого и среднего бизнеса.

Механизм стратегии экономического развития страны позволяет координировать интересы государства и других субъектов экономики и объединять их усилия в решении важных экономических проблем: актуальные региональные проблемы и перспективы; специфика частного сектора в пространственном экономическом развитии; принципы пространственного планирования; пространственное развитие в масштабе европейских территориальных категорий; направления по укреплению сотрудничества между государствами членами Совета Европы.

В целом механизм формирования стратегий экономического развития обеспечивает эффективное функционирование французской системы планирования.

Вопрос территориального планирования в Италии появился еще в XVI веке. Тогда, в эпоху Возрождения, Леонардо да Винчи разработал первую в истории районную планировку Тосканы.

Сегодня существует серьезная региональная проблема, связанная с отставанием в развитии южной части страны. Из-за этого развивающийся север Италии спонсирует подъем своей противоположной части.

Если рассматривать региональное планирование и развитие в России, то основным вопросом и проблемой является несовершенство законодательной базы. Например, отсутствие единой системы государственного планирования, которая позволяла бы координировать действия федеральные и региональные органы власти. Подобный пробел снижает эффективность государственного управления.

В настоящее время в стране проводятся крупномасштабные реформы в различных сферах общественных отношений - федеративной, административной, политической, избирательной, социально-экономической [2]. Во многих субъектах появляются среднесрочные и долгосрочные программы развития. К примеру, во многих крупных регионах значительно улучшилась инфраструктура, поскольку они выстроили определенный вектор, направленный на улучшение благосостояния; с каждым годом появляется все больше различных конкурсов и олимпиад (допустим, универсиада или чемпионат мира по футболу) и пр. Подобные мероприятия позволяют привлечь инвестиции, улучшить благосостояние региона и модернизировать устоявшееся градостроительство. Яркими примерами могут быть Татарстан и Краснодарский край. Подобные изменения инфраструктуры влекут за собой и улучшение социально-демографического климата, больше людей берутся за здоровый образ жизни.

Также стоит отметить, что в последние годы появились программы поддержки малого и среднего предпринимательства. Они позволяют снизить налоговую нагрузку, получить финансирование государства и многое другое. Все это значительно влияет на положительную динамику благосостояния регионов.

Рассмотрев зарубежный и российский опыт регионального планирования можно сделать вывод, что система каждой страны имеет свои достоинства и недостатки – идеального подхода на сегодняшний день просто не существует. Но, мне кажется, значение несовершенства можно снизить путем обмена опытом между государствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ельшин Л.А. Механизмы идентификации циклов деловой активности региональных экономических систем на базе кросс-корреляционного анализа. Статья в журнале - научная статья/ Ельшин Л.А. – Москва: ООО "Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ", 2017. – 1540 с.
2. Колясников В.А. Современная теория и практика градостроительства: территориальное планирование городов: Учеб.пособие. – Екатеринбург: Архитектон, 2016. – 406 .
3. Кукина И. В. Тенденции развития агломераций. Зарубежный опыт: монография / И.В. Кукина. – Красноярск: Сиб.федер.ун-т, 2014. – 144 с.
4. Лапаева М.Г. Теории пространственного и регионального розвития: учебное пособие / М.Г. Лапаева, С.П. Лапаев, Т.В. Кузаева; Оренбургский государственный университет. – Оренбург: ОГУ, 2015. – 141 с.
5. Райзберг Б.А. Целевые программы в системе государственного управления экономикой: Учебник. – М.: Лаборатория книги, 2017. – 332 с.
6. Региональная экономика = Regional economics: теория и практика: научно-практический и аналитический журнал. 2015. № 32(407)
7. Русинова О.С. Региональное управление и территориальное планирование: учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 243 с.
8. Сафиуллин М.Р. О некоторых тенденциях социально-экономического развития Республики Татарстан и Российской Федерации в 2016 году в контексте мировых тенденций.Марат Рашитович Сафиуллин, Юлия Георгиевна Мингазова, Лейсан Хабировна Иштирякова. - Электронный экономический вестник Татарстана.2017. № 1. 4 с.
9. Фомичев А.Н. Стратегический менеджмент: Учебник для вузов / А.Н. Фомичев. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014. – 468 с.

Сафиуллин Марат Рашитович
Доктор экономических наук, профессор,
Директор Государственного бюджетного учреждения
«Центр перспективных экономических исследований
Академии Наук Республики Татарстан»
Marat.Safiullin@tatar.ru

Даутов Рустем Максудович
Аспирант Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан,
Заместитель директора Государственного бюджетного учреждения
«Центр экономических и социальных исследований
Республики Татарстан при Кабинете Министров Республики Татарстан»
Rustem.dautov@tatar.ru

**ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ
МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

**CHANGE THE REGIONAL DEVELOPMENT MODEL BASED ON THE
INTERMUNICIPAL COOPERATION**

Аннотация: в статье описаны ключевые определения межмуниципальной кооперации, обоснование необходимости использования соответствующего подхода. Статья отражает существующую систему процессов взаимодействия органов власти различных уровней в процессе формирования и развития инфраструктуры муниципальных образований на примере Республики Татарстан. Предлагается концептуальный подход к изменению сложившейся системы в условиях формирования агломераций и органов их управления, иллюстрируется одна из возможных схем.

Определяется актуальная ключевая проблема, препятствующая на сегодняшний день внедрению предлагаемой схемы.

Ключевые слова: муниципальные образования; межмуниципальная кооперация; агломерация; местное самоуправление.

Abstract: this article describes the key definitions of the inter-municipal cooperation, the rationale for the use of an appropriate approach. Article reflects the existing system of processes of interaction of authorities at various levels in the process of formation and development of infrastructure of the municipalities of the Republic of Tatarstan. Conceptual approach to change the existing system in the conditions of formation of agglomerations and their management bodies, illustrates one possible schemes. Is determined by the actual key issue impeding the implementation to date of the proposed scheme.

Keywords: municipalities; intermunicipal cooperation; agglomeration; local government.

Современное состояние экономики регионов свидетельствует о том, что путь автономного развития муниципальных образований, который был ранее оправдан во многом исчерпал себя. Где-то бездействие на муниципальном уровне из-за отсутствия стимула к развитию, все-таки дотационность так или иначе ведет к некой аморфности аппарата управления, где-то нежелание местных руководителей терять концентрацию всех возможных инфраструктурных, инвестиционных проектов на территории муниципального образования, постоянная внутренняя конкуренция между муниципалитетами за ресурсы приводят к деструктивной модели конкуренции. Территориальное развитие было актуально во все времена, поскольку государство как общественно-политический институт должно учитывать различные интересы общества. Оно должно балансировать разнонаправленные интересы 18 различных социальных групп, что позволило бы обществу гармонично развиваться. Менялись исторические эпохи и общественно-политические порядки. [1]

Дисбаланс ресурсной и инфраструктурной обеспеченности муниципальных образований, начиная от изношенности инженерных сетей заканчивая человеческим капиталом, в совокупности с необходимостью оптимизации бюджетных расходов и повышения эффективности дотаций местным бюджетам, приводит к тому, что муниципальные образования уже не в состоянии решать весь спектр проблем, стоящих перед ними большей частью за счет бюджета региона. Все это не позволяет в полной мере внедрить и использовать механизм межмуниципальной кооперации, который по сути своей может обеспечить ключевые точки роста.

Межмуниципальное взаимодействие является весьма важной и относительно малоисследованной функцией местного самоуправления, призванной эффективно использовать потенциал межтерриториальной интеграции и кооперации для достижения стратегических целей социального и экономического развития муниципальных образований - субъектов сотрудничества. Потребность в отмеченной интеграции и кооперации возникает в достаточно распространенных ситуациях, когда муниципальные образования испытывают дефицит ресурсов для достижения намеченных целей своего социально-экономического развития, стремятся усилить и расширить конкурентные преимущества. В настоящее время в России в основном создана правовая база межмуниципального сотрудничества. В то же время интеграционные и кооперационные процессы в российском межмуниципальном пространстве идут достаточно медленно и не эффективно, причем одним из существенных факторов торможения выступает здесь недостаточная степень научно-методического обеспечения решения проблем межмуниципального взаимодействия [2].

Отдельные аспекты проблемы межмуниципального взаимодействия рассмотрены в работах Гринчеля Б.М., Знаменской К.Н., Костылевой Н.Е., Литовки О.П., Межевича Н.М., Павлова К.В., Рохчина В.Е. и др.

На наш взгляд межмуниципальная кооперация на сегодняшний день должна стать важнейшим инструментом экономической политики, позволяющим нивелировать разницу в развитии муниципальных образований

регионов [3]. Межмуниципальная кооперация позволяет создавать новые точки роста наиболее эффективные с точки зрения мезо- и макроэкономической отдачи. Затраты на реализацию инфраструктурного, инвестиционного, социального проекта могут быть разделены между стейкхолдерами в лице муниципальных районов.

Вопросы межмуниципальной кооперации регулярно поднимаются ведущими как отечественными, так и зарубежными, учеными.

Е.Е. Петрова в своих работах описывает проблемы и перспективы развития межмуниципальной кооперации, выделяя такие плюсы как:

- межмуниципальная кооперация создает возможности для обмена опытом между муниципальными образованиями. Поскольку муниципальные районы и городские округа имеют одинаковые полномочия, они сталкиваются с одними и теми же проблемами, и очевидно, что для их решения необходим обмен знаниями;

- межмуниципальная кооперация позволяет органам местного самоуправления небольших муниципальных образований полноценно выполнять большинство своих полномочий по решению вопросов местного значения. В отношении многих полномочий поселения, муниципальные районы и малые города не имеют достаточного количества населения и средств для экономически рационального их выполнения. Объединение усилий муниципалитетов позволяет существенно снизить стоимость издержек в расчете на душу населения и, следовательно, обеспечить более высокое качество предоставляемых услуг;

- межмуниципальная кооперация позволяет достичь экономических преимуществ. Двум муниципальным образованиям дешевле иметь одно общее учреждение, чем два маленьких. Межмуниципальная кооперация же позволяет переводить средства из одного муниципального образования в другое в том объеме, в каком это необходимо для решения того или иного вопроса, не обязательно в результате необходимости достижения вертикальной сбалансированности [4].

Авторы Волчкова И.В. , Подопригора Ю.В. , Уфимцева Е.В. в своей научной работе «Управление агломерационными процессами в России: содержание и специфика» говорят о необходимости изучения теоретических и практических аспектов функционирования агломераций результатами и приходят к выводу о том, что в силу невысокого уровня агломерированности территорий в России, необходимо акцентировать внимание на развитии механизмов взаимовыгодного сотрудничества и кооперации поселений, входящих в состав агломерации. В этой связи, необходимо создать условия и стимулы для развития и расширения масштабов, форм и механизмов межмуниципального сотрудничества и кооперации, уплотнения взаимодействия поселений агломерации [5].

Для понимания основ механизма кооперации необходимо ответить на вопрос: «Что же такое межмуниципальная кооперация или по-другому - сотрудничество?».

Большинство авторов считает, что межмуниципальное сотрудничество – это система взаимодействия органов местного самоуправления, одно из важных направлений их функционирования.

Так, А.С. Серебрянникова дает следующее определение межмуниципального сотрудничества: «Это одно из направлений функционирования органов местного самоуправления смежных территорий, призванное способствовать выражению и защите общих интересов муниципальных образований, эффективному решению задач местного значения и осуществлению прав граждан на местное самоуправление, обеспечению взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти субъекта РФ, в ближайшей перспективе императивного характера (в отношении советов муниципальных образований субъекта), требующее наличия собственной финансовой и организационной основ, проявляющееся в создании специальных структур публично- и частно-правового характера (союзы, ассоциации общероссийского, межрегионального и регионального уровней, коммерческие и некоммерческие организации, координационные органы) и использовании особых методов взаимодействия (например,

заключение договоров о сотрудничестве, разработка и реализация совместных проектов социально-экономического, политического, правового, научного и кадрового характера, изучение, обобщение и распространение позитивного опыта других муниципальных и межмуниципальных единиц)» [6].

А.В. Негодуйко так определяет межмуниципальное экономическое сотрудничество: «совместную деятельность муниципальных образований и их органов местного самоуправления, направленная на достижение общих для них целей социально-экономического развития, решение общих экономических задач, предполагающая наличие специфических организационно-правовых структур, особых форм и методов взаимодействия, финансового обеспечения, осуществляемая в целях координации социально-экономического развития территорий, обеспечения экономической интеграции и хозяйственной кооперации муниципальных образований с учетом интересов населения» [7, с. 9].

М.В. Зинченко считает, что межмуниципальное сотрудничество следует понимать «как систему взаимодействия муниципальных образований, которая осуществляется с учетом социальных, политических. экономических интересов, формируемую с целью эффективного управления развитием территории на основе межмуниципальных связей» [8].

Л.Ю. Падилья-Сороса ставит определенный знак равенства между межмуниципальным сотрудничеством и проектным менеджментом, подчеркивая важность последнего при исполнении полномочий по обеспечению жизнедеятельности территорий в условиях, когда между ними существуют кардинальные различия в уровне развития и степени обеспеченности ресурсами [9].

Однако, не смотря на множество научных трудов, пока не сформулированы предложения по механизму внедрения межмуниципальной экономической кооперации.

В «Концепции экономического человека», одной из теорий экономического учения Адама Смита (теория развития общества), главным мотивом хозяйственной деятельности человека является своекорыстный

интерес, но при этом он должен оказывать услуги другим людям, предлагая в обмен свой труд и его результаты. Богатство общества зависит от доли населения, занятого производительным трудом, от производительности труда. А главный фактор роста производительности — экономическое разделение труда — всеобщая форма хозяйственного сотрудничества людей в интересах финансового преуспевания. Предполагается, что получение любой выгоды объектом «А» от объекта «Б» неизменно связано с получением выгоды объектом «Б», при этом речь идет не только о прямом получении прибыли по схеме «товар-деньги», но и взаимовыгодном бартере и др. Данная теория соответствует также ситуации, когда есть возможность создания экономической точки роста на территории одного муниципального образования с использованием ресурсов для реализации и дальнейшего развития прилегающих муниципальных образований, то есть понимание экономического интереса, его формализация.

Между тем, в Республике Татарстан отсутствует актуальная программа размещения производительных сил, которая по сути своей и должна являться ориентиром для внедрения межмуниципальной экономической кооперации. При изучении развития и размещения производительных сил существует необходимость анализа институциональных особенностей развития системы в тот или иной исторический период, в том числе и государственных институтов. В связи с этим представляется целесообразным в дальнейшем, при изучении перспектив развития производительных сил, подвергать оценке и анализу институциональный капитал, присущий той или иной территории. При этом под институциональным капиталом необходимо понимать совокупность институтов, обеспечивающих основы рационального размещения и развития производительных сил в целях создания, накопления и воспроизводства физического и человеческого капиталов в условиях, ограниченных и исчерпываемых природно-экологических и иных ресурсов, при этом соответствующих прогрессирующим фазам технологических сдвигов [10].

Кроме того, существующая модель формирования программы капитальных вложений и развития общественной инфраструктуры на

сегодняшний день не учитывают возможности кооперации муниципальных образований, рассматривая необходимость в тех или иных объектах, их ремонта или реконструкции применительно к границам одного района, поселения, населенного пункта.

Основанием, на сегодняшний день, для формирования реестра объектов как общественной, так и инженерной инфраструктуры, для дальнейшего финансирования их строительства, являются заявки органов местного самоуправления о соответствующей потребности. Обеспеченность услугами социокультурной сферой населения Республики Татарстан ежегодно оценивается и на ее основе корректируются программы развития отраслевой сети объектов.

Схематически данный процесс и его результаты отражены на рисунке 1.

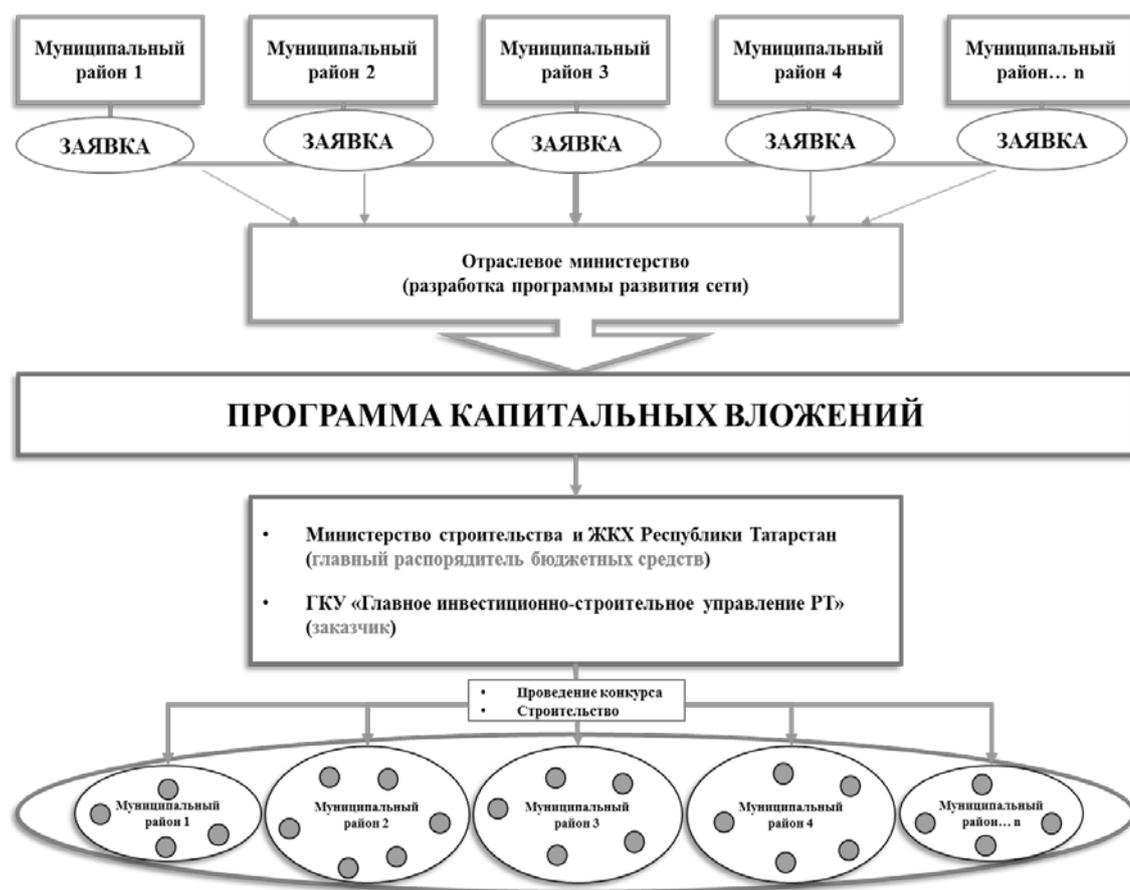

Рисунок 1 Действующая схема взаимодействия органов местного самоуправления, органов исполнительной власти в процессе создания и развития инфраструктуры в муниципальных районах (на примере Республики Татарстан)

Из рисунка 1 можно сделать вывод об отсутствии взаимосвязи в обеспечении кооперационного развития муниципальных районов не только на муниципальном уровне, но и на региональном. При этом необходимо отметить, что на основании соглашений, заключаемых между Кабинетом Министров Республики Татарстан и отраслевыми министерствами Российской Федерации, на строительство инфраструктурных объектов в муниципальных образованиях Республики Татарстан в том числе выделяются финансовые средства из Программы капитальных вложений Российской Федерации на условиях софинансирования. Заявки в этом случае также формируются органами местного самоуправления Республики Татарстан, направляются в отраслевые министерства Республики Татарстан, которые в свою очередь направляют их в отраслевые министерства Российской Федерации.

В целях повышения эффективности системы управления схема могла бы трансформироваться следующим образом:

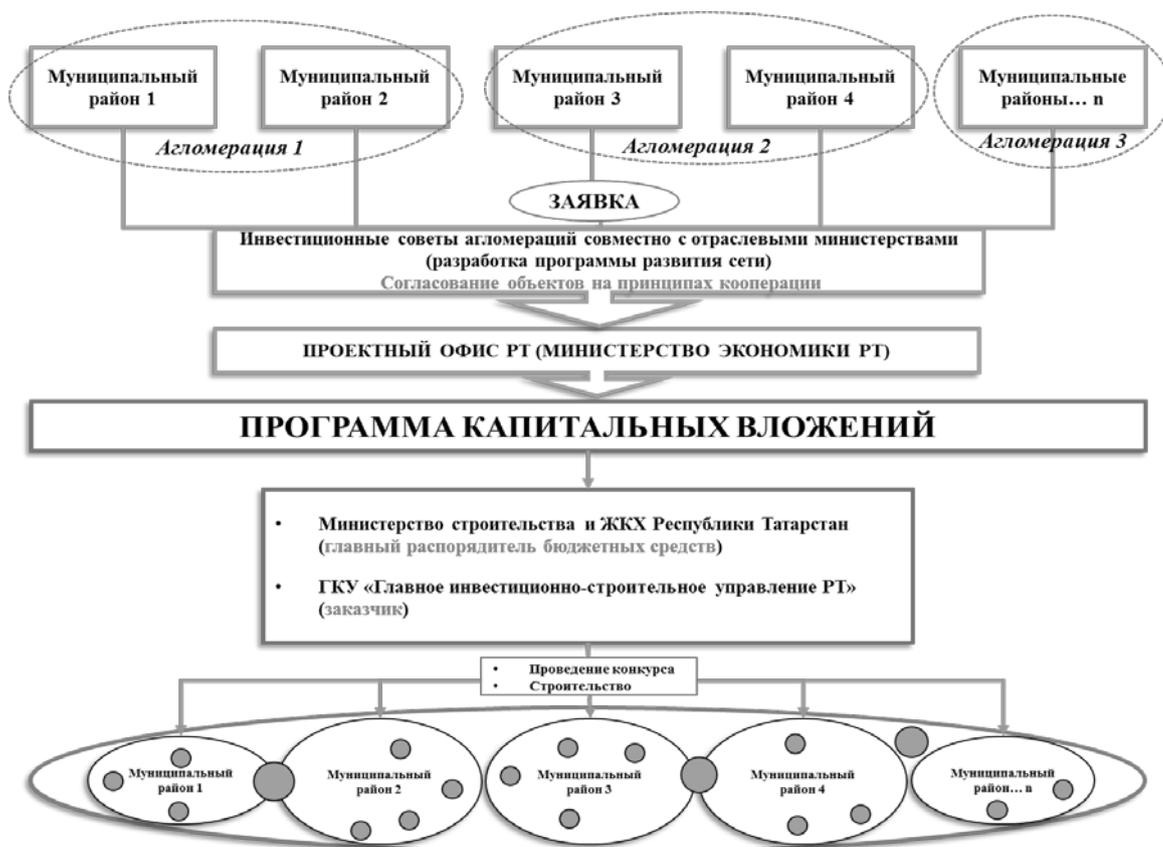

Рисунок 2. Вариант организации схемы взаимодействия органов местного самоуправления внутри агломерации, агломерационных органов, органов исполнительной

власти в процессе создания и развития инфраструктуры в муниципальных районах (на примере Республики Татарстан)

Внедрение механизма межмуниципальной кооперации требует пересмотра взглядов и системы управления не только на муниципальном уровне, но и на региональном. На рисунке 2 отражено каким образом можно было бы в рамках агломерации на базе изменений в существующий механизм распределения объектов социокультурного и инфраструктурного назначения оптимизировать финансовые ресурсы используя межмуниципальную кооперацию на стадии формирования потребностей. Также необходимо отметить, что заявки на софинансирование строительства объектов, направляемые в отраслевые министерства Российской Федерации также должны проходить через проектный офис Республики Татарстан, то есть Министерство экономики Республики Татарстан. Безусловно, возможному эффективному изменению существующей схемы в республике способствует процесс формирования агломераций в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Республики Татарстан на период до 2030 года.

Однако, эффективной трансформации данной схемы в разрезе обеспечения социальной инфраструктуры препятствует отсутствие механизма финансирования таких межмуниципальных проектов. Финансирование образовательного учреждения определяется нормативами финансовых затрат, рассчитанных на одного обучаемого. Каким же образом определять как финансировать содержание объекта, когда обучаемые относятся к разным муниципальным районам? На чьем же балансе будет находиться объект? Таким образом, первым шагом, который позволил бы эффективно реализовывать кооперационные межмуниципальные проекты должна стать разработка концепции механизма, определяющего порядок их финансирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зайнуллина, М.Р., Анализ подходов к территориальному развитию на современном этапе // «Научные труды Центра перспективных экономических исследований», 2015, № 9. С. 17-22
2. Шураев В.В., диссертация «Стратегическое управление межмуниципальным взаимодействием в условиях современной России тема диссертации по экономике», 2005 г.
3. Чернова Т.В., журнал «Вестник Таганрогского института управления и экономики». Выпуск № 2 (16) / 2012
4. Ёлохова И.В. (ред.) «Актуальные проблемы современной финансово-экономической системы России», сборник статей. — Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2011. — 171 с. — ISBN 978-5-398-00601-8.
5. Волчкова И.В., Подопригора Ю.В. , Уфимцева Е.В., «Управление агломерационными процессами в России: содержание и специфика», научно-информационный журнал «Вопросы управления», ISSN 2304-3369 (<http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/06/9/>)
6. Серебренникова А.С. Межмуниципальное сотрудничество: проблемы дефиниции и организационно-правовых форм // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2.
7. Негодуйко А.В. Управление межмуниципальным экономическим сотрудничеством в регионе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Иркутск, 2008.
8. Зинченко М.В. Межмуниципальная интеграция как фактор управления развитием экономической системы территории. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Хабаровск, 2008.
9. Падилья-Сороса Л.Ю. Межмуниципальное сотрудничество – перспективы развития // Городской альманах. Вып. 3. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. С. 125–131.
10. Ельшин Л.А., Галявов А.А., Прыгунова М.И.. Перспективы и механизмы организационно- экономического развития и размещения производительных сил // «Научные труды Центра перспективных экономических исследований», 2016, № 10. С. 38-43

Хайрутдинова Юлия Владимировна
аспирант Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан,
ассистент каф. БСМЭ Казанского национального исследовательского
технологического университета
julia-814@mail.ru

**ОЦЕНКА ЗАВИСИМОСТИ ИНДИКАТОРОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА ОТ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В СЕКТОРАХ
ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

**EVALUATION OF INDICATORS OF INDICATORS OF
EFFICIENCY OF DEVELOPMENT OF THE REGION FROM
STRUCTURAL SHIFTS IN ECONOMIC SECTORS OF THE REPUBLIC
OF TATARSTAN**

Аннотация: В статье рассматривается структура экономики республики Татарстан по секторам, в качестве которых берутся виды деятельности региона. Рассматривается динамика валового регионального продукта, как показатель эффективности развития региональной экономики. Приводится оценка влияния отдельных секторов и структурных сдвигов на валовый региональный продукт.

Ключевые слова: структурные сдвиги, региональная экономика, валовый региональный продукт.

Abstract: The article examines the structure of the economy of the Republic of Tatarstan by sector, based on the types of activities in the region. The dynamics of the gross regional product is considered as an indicator of the efficiency of the development of the regional economy. The estimation of influence of separate sectors and structural shifts on the gross regional product is given.

Keywords: structural shifts, regional economy, gross regional product.

Специфичность регионального развития зависит от изменений, происходящих в экономике страны в целом, в отдельных отраслях ее экономической деятельности, и от сдвигов в структуре региональной экономики. Региональные структурные сдвиги представляют собой необратимые изменения соотношений и границ секторов, отраслей, сегментов, сфер, территориально-производственных комплексов, районов и зон хозяйственной региональной системы. Необходимость исследования структурных проблем региональной экономики состоит в определении возможностей целенаправленной перестройки ее структуры для повышения эффективности реализации стратегических и текущих задач социально-экономического развития региона. Процентная структура позволяет выявлять отрасли-лидеры в регионе по масштабам производства, накопленным фондам, численности работающих и отрасли, не получившие развития в регионе. Источник структурных сдвигов в региональной экономике – общественное территориальное разделение труда, эволюционно меняющееся состав и взаимосвязи элементов экономического пространства региона.

Формирование аргументированной государственной политики в сфере управления региональными экономическими системами должно основываться на контроле динамики и анализе взаимосвязей между системообразующими факторами, а также на результатах определения основных направлений структурных сдвигов в секторах экономики регионов [2].

В ходе выполненного исследования была поставлена задача оценки зависимости динамики величины ВРП от структурных сдвигов в секторах экономики Республики Татарстан.

Предпосылкой необходимости реформирования сложившейся социально-экономической системы является замедление темпов роста или возникновение других проблем в экономике. Тогда требуется реализация комплекса мер по воздействию на отраслевую и секторальную структуры

экономики с целью изменения их внутренних пропорций таким образом, чтобы это в результате привело к появлению нового качества или новых свойств этой системы.

Для проведения исследования была проведена работа по сбору статистических данных показателей отраслевой структуры валовой добавленной стоимости за период с 2004 года по 2015 год, а также показателя валового регионального продукта, взятого в качестве базового индикатора динамики социально-экономического развития региона.

Следующим этапом был выполнен расчет темпов прироста ВРП, исходные значения которых представляют собой стоимостную оценку данного показателя.

В целях количественной определенности структурных сдвигов были рассчитаны такие показатели, как масса структурного сдвига, индекс структурного сдвига и скорость структурного сдвига

По полученным данным проведен графический анализ взаимосвязи индексов структурных сдвигов по наиболее значимым видам экономической деятельности и темпа прироста ВРП Республики Татарстан (рис. 1).

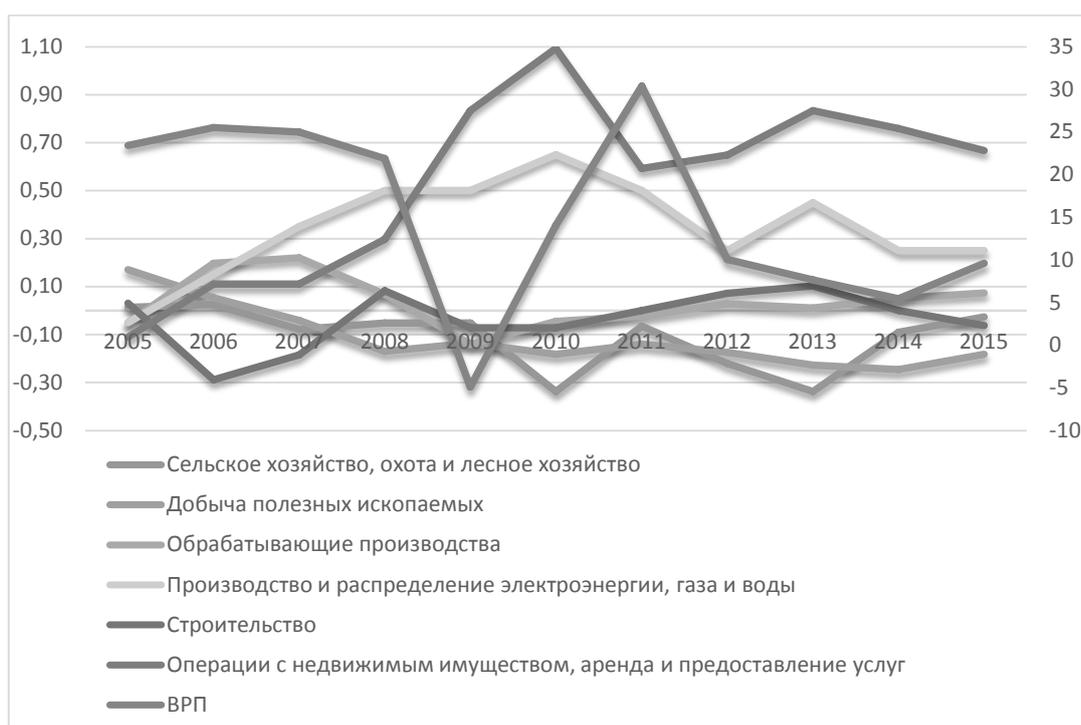

Рис. 1.

Анализ показателя скорости структурных сдвигов индексов валовой добавленной стоимости по основным видам экономической деятельности показал, что в долгосрочном периоде с 2004-2015 гг. наибольшими темпами росла деятельность следующих секторов экономики: государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование, экономическая деятельность гостиниц и ресторанов, операции с движимым и недвижимым имуществом. Наибольшими темпами сократилась финансовая деятельность, деятельность сектора транспорта и связи.

В целом положительный тренд изменения индексов наблюдается лишь по семи видам экономической деятельности из четырнадцати, среди которых обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, образование, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

Анализ выявил негативные тенденции в динамике валового регионального продукта, приходящиеся на период 2008-2009 гг. В данный период достигли своего максимального значения индексы структурных сдвигов по видам деятельности операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование. Максимальное снижение индекса структурного сдвига наблюдается в секторах экономики добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства. Данные структурные сдвиги привели к замедлению процессов роста в экономике и не могут интерпретироваться как положительные.

Росту ВРП в 2011 году сопутствует заметное уменьшение доли добычи полезных ископаемых в общей структуре валовой добавленной стоимости и увеличение доли секторов по предоставлению услуг населению. Однако нельзя рассматривать, как прогрессивную тенденцию преобладание отраслей сектора услуг в формировании и поддержании устойчивых темпов экономического роста. Данную ситуацию можно интерпретировать как преимущественную лишь с учетом более низкой капиталоемкости, низких

барьеров вхождения в бизнес, низкого уровня монополизации по сравнению с секторами производственной сферы.

ВРП в республике Татарстан имел темп снижения в период с 2011-2014 гг., что сопровождалось значительными структурными сдвигами в секторе добычи полезных ископаемых, а также в секторе оптовой и розничной торговли.

В различные эпохи экономики по-разному можно трактовать происходящие изменения в пропорциях структурных сдвигов. Сдвиг в сторону промышленного роста в эпоху развития индустриального общества можно считать положительным, но в эпоху экономики постиндустриального общества его можно рассматривать как отрицательный. Оценка качества структурных сдвигов на сегодняшний день во многом носит субъективный характер.

Сдвиги в секторах экономики регионов могут не только увеличивать или снижать эффективность экономической системы, но и никак не влиять на ее изменение. В целом структурные сдвиги являются индикатором качественных преобразований в экономике и контроль за динамикой структурных сдвигов необходим, поскольку они раскрывают некоторые особенности функционирования экономической системы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральная служба государственной статистики: <http://www.gks.ru/>
2. Русскова Е. Г., Прибыльский В. В. Инновационный фактор структурных сдвигов в региональной экономике // Пространство экономики. 2008. №1-2.
3. Ковалева Т.Ю. Статистическое изучение зависимости доходов бюджета и населения от величины ВРП и взаимосвязь его динамики со структурными сдвигами в секторах экономики регионов РФ // Проблемы современной экономики. 2015. №2 (54).

4. Демченко Светлана Капитоновна, Юдина М. А. Структурные сдвиги и проблемы экономического роста национальной экономики // Проблемы современной экономики. 2014. №2 (50).
5. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Галявов А.А., Прыгунова М.И. Методические подходы прогнозирования социально-экономического развития регионов (на примере регионов Приволжского федерального округа)//III международная научно-практическая конференция "Актуальные вопросы развития социально-экономических систем в современном обществе", г. Саратов, 27 сентября 2013 г.
6. Оценка структурных сдвигов социально - экономического развития региона / А.В. Аксянова, Ю.В. Хайрутдинова // Вестник Казанского технологического университета.Т.17. №15. – 2014

Кадыров Диаз Радикович

Аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан,

Начальник административного отдела

Межрегионального филиала

Федерального казенного учреждения

«Центр по обеспечению

Казначейства России» в г. Казани

Diaz.Kadyrov@tatar.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

KEY PERFORMANCE INDICATORS IMPLEMENTATION OF STATE PROGRAMS

Аннотация: Не секрет, что в современном мире, в мире бизнеса и государственного управления, основополагающим моментом является эффективность. В статье рассмотрены основные показатели эффективности и их история и характеристики, а также необходимость их внедрения. Автор считает, что данный материал будет полезен тем, кто занимается внедрением ключевых показателей эффективности.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности, показатели результативности, производственные показатели, сбалансированная система показателей, сельскохозяйственная продукция, Государственная программа.

Abstract: it is no secret that in today's world, in the world of business and public administration, the fundamental point is efficiency. The article describes key performance indicators and their history and characteristics, as well as the need for their implementation. The author believes that this material will be useful to those involved in the introduction of key performance indicators (KPIs).

Появление инструмента КРІ обусловлено методологией управления по целям (management by objective, сокращённо МВО). Впервые эти термины были введены Питером Друкером в 1954 году [3].

Данная методология позволяет оценивать достижения организации по критериям достижения поставленных целей.

То есть для правильного использования ключевых показателей эффективности нужно понимать методологию «Управление по целям».

Автор книги «Ключевые показатели эффективности» Д. Парменгер управляющий директор компании Waymark Solutions в своей книге решает проблему подбора правильных бизнес-метрик для оценки и повышения эффективности организаций [1].

Он предложил три показателя деятельности организации:

- ключевые показатели результативности (Key Result Indicators - KRI);
- производственные показатели (Performance Indicators - PI);
- ключевые показатели эффективности (Key Performance Indicators - KPI).

Каплан и Нортон предложили шесть составляющих сбалансированной системы показателей (ССП): финансы, взаимоотношения с клиентами, внутренние бизнес-процессы, окружающая среда/сообщество, обучение и развитие персонала, удовлетворенность сотрудников [2]. Хоуп и Фрейзер утверждали, что принятие модели управления без бюджета только усилит эффективность СПП, так как бюджетирование является дорогостоящим, трудоемким и малополезным. Уходя от бюджетов, предприятия предоставляют больше полномочий своим работникам, имеющим дело непосредственно с клиентами, то есть делают именно то, что требуют КРІ [4].

В настоящее время одним из передовых инструментов управления, активно внедряемых за рубежом, является ключевой показатель эффективности управления персоналом в государственных структурах. Однако практика деятельности органов государственной власти в России далека от общепринятого понятия высокоэффективной организации.

В отсутствие повышения эффективности управления на всех уровнях государственной власти вряд ли возможна успешная реализация государственной стратегии развития. В этой связи создание системы (Balanced Scorecard сокр. BSC) сквозных сбалансированных показателей эффективности деятельности министерств, ведомств, конкретных чиновников (персональных критериев успеха) является важнейшей задачей, которую необходимо интегрировать в стратегию развития государственной службы.

Основные цели внедрения в государственном секторе ключевых показателей эффективности заключаются в следующем:

- стимулирование качества и эффективности работы органов, их подразделений, отдельных служащих;
- необходимости повышения прозрачности деятельности государственных органов;
- анализ соответствия функций служащих общественным потребностям;
- необходимости создания системы обратной связи чиновников с потребителями государственных услуг - "клиентами".

Ключевые показатели результативности (Key Result Indicators - KRI) говорят о положении дел в целом. Примеры таких показателей: удовлетворенность потребителя, прибыльность сельхозтоваропроизводителей, удовлетворенность сотрудников, доходность оборотного капитала. Показатели этого типа дают ясное представление о результатах и правильности движения участника рынка, но ничего не говорят о том, как улучшить эти результаты, валовые показатели.

Производственные показатели (Performance Indicators - PI) говорят о том, что надо делать. Они уже погружены в производственную (операционную) деятельность и показывают «внутренний мир», из которого, в конечном счете, выходят показатели результативности.

Ключевые показатели эффективности (Key Performance Indicators - KPI) отражают наиболее важные для сегодняшнего и завтрашнего успеха

аспекты организационной деятельности. Они говорят о том, как можно кардинально повысить производительность.

Но на практике данные показатели часто путают и сейчас мы попробуем это проанализировать на примере Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы (далее – Государственная программа) [9].

Государственная программа определяет цели, задачи и основные направления развития сельского хозяйства и регулирования агропродовольственного рынка, финансовое обеспечение и механизмы реализации предусмотренных мероприятий и показатели их результативности; предусматривает комплексное развитие всех отраслей и подотраслей, а также сфер деятельности агропромышленного комплекса с учетом членства России во Всемирной торговой организации (далее – ВТО), ее участия в Евразийском экономическом союзе и других региональных объединениях на экономическом пространстве СНГ.

Данная Государственная программа основана на использовании программно-целевого метода, который должен обеспечить сбалансированность и комплексность развития сельских территорий и расстановку приоритетов в целях выбора оптимального варианта позитивной трансформации ситуации и создания предпосылок для устойчивого развития сельских территорий.

Рассмотрим ключевые показатели эффективности Государственной программы:

1. Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) (типичный производственный показатель);
2. Валовая добавленная стоимость, создаваемая в сельском хозяйстве (в основных ценах) (производственный показатель);
3. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства (производственный показатель);

4. Индекс производительности труда (показатель результативности);
5. Рентабельность сельскохозяйственных организаций (с учетом субсидий) (показатель результативности);
6. Количество высокопроизводительных рабочих мест (производственный показатель);
7. Располагаемые ресурсы домашних хозяйств (в среднем на 1 члена домашнего хозяйства в месяц) в сельской местности (показатель результативности);
8. Темп роста экспорта продукции агропромышленного комплекса (производственный показатель);
9. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства (без субъектов малого предпринимательства) (производственный показатель).

Проанализировав «ключевые показатели эффективности» Государственной программы, можем сказать, данные показатели легко поддаются учету и подходят для определения процентного исполнения Государственной программы, но на самом деле ни один из вышеуказанных показателей не является показателем эффективности – это ключевые показатели результативности (KRI) либо производственные показатели (PI). В этом и есть основная проблема внедрения KPI в Государственную программу. На этапе формирования Государственной программы нет понимания самого определения KPI. А что мы должны понимать под KPI в Государственной программе – достижение целей, поставленных высшим руководством (республики, страны) от реализации Государственной программы, удовлетворение потребности в получении качественной (способы и методы сертификации сельхозпродукции) и в особенности доступной национальной сельхозпродукции конечным потребителем. Под доступной сельхозпродукцией мы должны понимать, какую долю продовольственная корзина занимает в бюджете каждого потребителя сельхозпродукции.

Надеемся, что данный материал будет полезным и применим теми, кто занимается решением данных проблемных вопросов, освещенных в статье.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Parmenter, D. Key Performance Indicators / D. Parmenter // John Wiley and Sons, Ltd. – 2010.
2. Kaplan R.S. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action / R.S. Kaplan , D.P. Norton // Harvard Business School Press. – 1996.
3. П. Друкер. Эффективное управление предприятием / П. Друкер // Вильямс. – 2000.
4. Дж. Хоуп. Бюджетирование, каким мы его не знаем. Управление за рамками бюджетов. / Дж. Хоуп, Р.Фрейзер // Вершина. Бизнес: неизвестное об известном. – 2005.
5. Сафиуллин М.Р., Сафиуллин А.Р. Региональные конкурентные преимущества. – Казань, 2011.
6. Сафиуллин М.Р. Применение рыночного (конкурентного) профиля в процессе стратегического выбора. / Д.Н. Сабирава. – Казань: Казан.ун-т, 2013. – 52 с.
7. Сафиуллин М.Р. Подходы к оценке конкурентоспособности на основе методов анализа эффективности / М.Р. Сафиуллин, О.В. Демьянова. – Казань: Центр информационных технологий, 2009. – 312 с.
8. Кадыров Д.Р. Государственный финансовый контроль как инструмент обеспечения целевого и эффективного использования средств на поддержку агропромышленного комплекса Республики Татарстан / Д.Р. Кадыров // Электронный экономический вестник. – 2016. – № 4. – С. 10-16.
9. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы (с изменениями на 13 декабря 2017 года): постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 года № 717.

ЭКОНОМИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Иштирякова Лейсан Хабировна

Аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

Leysan.Ishtiryakova@tatar.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

FEATURES OF COLLABORATIVE CONSUMPTION ECONOMY

Аннотация: Предметом данной статьи является определение основных сфер применения экономики совместного потребления.

Актуальность данной темы заключается в том, что стремительное развитие данной модели экономики, основанной на одноранговой системе взаимодействия агентов, существенно меняет формы данного взаимодействия, а также влечет за собой изменения в соответствующих секторах экономики.

Ключевые слова: экономика совместного потребления, долевая экономика (экономика обмена), объединенная экономика, совместная экономика, совместное потребление.

Abstract: The subject of this article is to highlight the basic forms of implementation of collaborative consumption economy.

The relevance of this topic lies in the fact that the rapid development of this model, based on a peer-to-peer interaction between agents, significantly changes the forms of this interaction, and also lead to changes in the relevant sectors of the economy.

Keywords: collaborative consumption economy, sharing economy, peer economy, collaborative economy, collaborative consumption.

В течение последних десятилетий основой капиталистической экономической системы выступало потребление, ключевым фундаментом которого рассматривался институт собственности. Мировой экономический кризис 2008 года, проблемы экологии, ограниченность ресурсов, развитие технологий, растущая бездуховность общества, рассматривающего потребление в качестве основной цели своей жизни и, как следствие, острая необходимость в переоценке ценностей в обществе – все это подтолкнуло человечество к поиску альтернативных методов потребления, одним из которых выступила экономика совместного потребления.

Цифровое пространство предлагает множество вариантов совместного потребления. PricewaterhouseCoopers International Limited в своем отчете «The Sharing Economy: Consumer Intelligence Series» выделил пять основных секторов экономики совместного потребления: путешествия, совместное пользование автомобилями, финансы, рекрутинг персонала, музыкальный и видео стриминг [12].

Согласно Докладу Европейской Комиссии «Assessing the Size and Presence of the Collaborative Economy in Europe» пятью ключевыми секторами экономики совместного потребления являются: «жилье, бытовые услуги, профессиональные услуги, финансы, транспорт» [11].

По мнению автора, в данный перечень можно включить также такие направления как сельское хозяйство; туризм; имущество, например, книги, одежда и т.д.; технологии; цифровая информация.

Преобладающие направления применения экономики совместного потребления:

1. Равноправное кредитование

Платформы равноправного кредитования предоставляют возможность частным лицам осуществлять транзакции, в основном, в части кредитования, минуя посредничество кредитных организаций. Как правило,

платформа, выступающая в качестве посредника между двумя сторонами, устанавливает процентную ставку, основываясь на кредитной истории заемщика. Необходимо отметить риск невозврата денежных средств для кредиторов, сами платформы не несут ответственность за убытки в случае невозврата займов.

2. Краудфандинг

В данном, как и в случае с равноправным кредитованием, платформы связывают потенциальных заемщиков и кредиторов, готовых инвестировать в интересные идеи либо предоставить средства под определенные цели, без участия кредитных организаций. Однако, краудфандинг имеет существенные отличия от равноправного кредитования. Во-первых, средства предоставляются под конкретные идеи и проекты, заявленные и представленные в открытом доступе посредством платформ. Во-вторых, не во всех случаях обязательным условием является прямой возврат предоставленных средств.

Данный вид финансирования значительно облегчает получение средств и стимулирует реализацию потенциально успешных проектов и целей, кредитование которых традиционные структуры находят рискованным, либо финансово неоправданным ввиду социальной направленности.

3. Предоставление площадей в аренду

В настоящее время наблюдается широкая вариативность сервисов, стыкующих владельцев недвижимости с потенциальными арендаторами. С помощью данных сервисов возможно предоставление в аренду любого пространства, от квартиры или дома до места на парковке. Центральную роль во взаимодействии сторон на рынке аренды площадей P2P играет рейтинговая система и система рекомендаций.

- Аренда квартир/домов

Платформы для обмена домами и/или квартирами, комнатами и т.д. соединяют домовладельцев с людьми, которым нужно место на время поездки или путешествия. Помимо традиционной системы аренды помещения на платной основе, платформы также предоставляют

возможность бесплатного обмена помещениями, например, на время отпуска либо путешествия. Некоторые платформы с целью обеспечения безопасности пользователей в процессе обмена жизненным пространством либо его аренды устанавливают протоколы безопасности, включающие различные требования, например, указание своей предыстории либо составление договора аренды помещения и оплата депозита и т.д.

- Аренда парковочных мест

Благодаря платформам возможно предоставление в аренду как парковочных мест на паркинге, так и на придомовых территориях.

- Аренда огородов

Благодаря данным платформам владельцы огородов, дачных и садовых участков могут сдать в аренду неиспользуемую часть земельного участка, а арендаторы воспользоваться им для выращивания культур.

- Каучсерфинг

Особую популярность набирает концепция каучсерфинга, которая подразумевает безвозмездную помощь друг другу участниками группы. Объединение людей в рамках каучсерфинга может осуществляться по совершенно различным направлениям: объединение для поездок, организация совместного отдыха, предоставление жилья и т.д.

4. Совместное пользование транспортными средствами (аренда транспортных средств и предоставление автомобиля с водителем)

Появление таких прорывных технологических решений, как приложения для смартфонов, подвергли рынок серьезной трансформации. С приходом платформ пользование услугой значительно упростилось, достаточно один раз зарегистрироваться в системе либо подписать соглашение, после чего возможно пользование услугой через мобильное приложение в любой точке зоны покрытия данной системы.

5. Коворкинг

Использование офисного либо любого другого пространства для организации рабочего пространства и взаимодействия людей и/или

организаций, работающих независимо друг от друга. Данная система организации рабочего места позволяет специалистам и компаниям, для которых традиционные рабочие места недоступны ввиду их высокой стоимости, работать в офисной среде по относительно низкой цене.

6. Перепродажа и торговля

Платформы, позволяющие покупать, продавать товары без личного контакта. Присутствуют платформы, позволяющие торговать широким спектром товаров, тогда как другие сосредоточены на конкретных нишах.

7. Обмен знаниями и талантами

В данном случае платформы помогают людям делиться широким спектром навыков и квалификаций, начиная с уборки дома или выполнением отдельных поручений, заканчивая оказанием психологической консультации. Данный сервис является не заменой традиционных рабочих мест, но дополнением к ним, так как с одной стороны позволяет людям зарабатывать на неиспользуемых на основных рабочих местах навыках и талантах либо обеспечивать себе дополнительный доход в свободное время, а с другой стороны, позволяют работодателям делегировать по необходимости работу по требованию.

В данном пункте можно также отметить и нишевые услуги, востребованные небольшими группами населения, например, найти приют для домашнего животного на время отъезда из своего населенного пункта. Как правило, стоимость данных услуг посредством платформ гораздо ниже традиционных коммерческих питомников. Кроме того, людям предоставляется возможность получить доход посредством своего хобби.

Достаточно популярны такие интересные услуги, как доставка посылок, обмен медицинским оборудованием, обмен коммунальной техникой.

В качестве конкретных примеров платформ экономики совместного потребления можно отметить такие платформы, как Uber, предлагающая услугу найма автомобиля с водителем, RelayRides, предоставляющая людям

возможность арендовать автомобиль друг у друга, SideCar, позволяющая взять в поездку платного пассажира при наличии свободного места в автомобиле, Fon, являющаяся самой большой Wi-Fi-сетью в мире, Airbnb, предлагающая услуги аренды жилья и т.д.

Таким образом, термин «экономика совместного потребления» охватывает различные виды экономической деятельности, но в данном случае, в отличие от традиционных форм предоставления товаров/услуг, все они осуществляются посредством онлайн платформ и требуют от людей взаимного доверия. При этом сама специфика организации деятельности существенно отличается от привычных нам традиционных моделей, как заметил Том Гудвин, вице-президент по стратегии медийного агентства Navas Media: «Крупнейшая в мире компания такси, Uber, не владеет автомобилями. Самая популярная медийная площадка в мире, Facebook, не создает контент. Самый крупный ритейлер в мире, Alibaba, не имеет товарных запасов. Крупнейший поставщик жилья в мире, Airbnb, не владеет собственностью... Единственный путь, при котором наша экономика, и естественно любая развитая экономика, может быть богатой – стать более эффективной. Что делают эти технологии – это позволяют существующей инфраструктуре использоваться более эффективно» [6].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антипин Д.М., Садовская Т.Г. Особенности и проблемы регулирования деятельности предприятий экономики совместного потребления, Экономика и предпринимательство, № 6, 2016 г. Стр. 879-885
2. Зайнуллина М.Р. Анализ подходов к территориальному развитию на современном этапе. Научные труды Центра перспективных экономических исследований, 2015, № 9. С. 17-22.

3. Иштирякова Л.Х. Вызовы экономики совместного потребления. Международная (заочная) научно-практическая конференция «Современное инновационное общество: от стагнации к развитию: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные закономерности», 27 июня 2017 г. – В 3-х частях. - Часть 2 – Саратов: Изд-во «Академия управления», 2017.- с. 53-59.
4. Махиянова А.В. Социально-экономическая активность жителей мегаполиса (на материалах г.Казани). Электронный экономический вестник Татарстана, 2014, № 3. С.53-59.
5. Мингазова Ю.Г., Прыгунова М.И. Особенности развития и адаптационные механизмы Российской экономики в условиях изменяющейся конъюнктурной среды. В сборнике: Проблемы внедрения результатов инновационных разработок. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 211-215.
6. Safiullin M.R., Elshin L.A., Prygunova M.I. Methodological specifics of forecasting the development of the industrial sector of a region's economy factoring in the impact of shock “impulses” on it (through the example of the Republic of Tatarstan). Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 7. С. 82-90.
7. Бахмин Вячеслав: Что такое sharing economy? URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2931/>.
8. Brian Martucci «What Is the Sharing Economy – Example Companies, Definition, Pros & Cons» URL: <http://www.moneycrashers.com/sharing-economy/>.
9. Rachel Botsman, «The Sharing Economy Lacks a Shared Definition», URL: <http://rachelbotsman.com/work/the-sharing-economy-lacks-a-shared-definition-fastco-exist/>.
10. Facebook, Airbnb, Uber, and the unstoppable rise of the content non-generators», 5 мая 2015, [Электронный ресурс], URL:: <http://www.independent.co.uk/news/business/comment/hamish->

mcracrae/facebook-airbnb-uber-and-the-unstoppable-rise-of-the-content-non-generators-10227207.html.

11. Robert Vaughan, Raphael Daverio «Assessing the Size and Presence of the Collaborative Economy in Europe», апрель 2016 [Электронный ресурс], Режим доступа: http://ec.europa.eu/growth/single-market/services/collaborative-economy_en.

12. [Stefan Hall](#), [James Pennington](#), How much is the sharing economy worth to GDP, 28.10.2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/10/what-s-the-sharing-economy-doing-to-gdp-numbers>.

13. The Sharing Economy: Consumer Intelligence Series, URL: <https://www.pwc.com/us/en/technology/publications/assets/pwc-consumer-intelligence-series-the-sharing-economy.pdf>

Мингазова Юлия Георгиевна,
кандидат экономических наук,
главный научный сотрудник
Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан
yuliya.mingazova@tatar.ru

**РОЛЬ И АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В
РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА**

**THE ROLE AND CHALLENGES OF EDUCATION SYSTEM IN HUMAN
CAPITAL DEVELOPMENT REGION**

Аннотация: В статье изложены основные проблемы, ключевые принципы и актуальные задачи развития системы образования региона

Ключевые слова: человеческий капитал, рынок труда, образование

Abstract: The article presents the main problems, the key principles and current problems of development of the education system of the region

Keywords: Human capital, labour market, education

Решающая роль в развитии человеческого капитала принадлежит образованию. Образование выступает одной из важнейших сфер государства, призванной обеспечивать непрерывный процесс получения человеком знаний и компетенций с целью их эффективного использования, в том числе в профессиональной деятельности. Одной из задач современной системы образования является задача по усилению коммуникативной функции между различными уровнями образования и между участниками рынка образовательных услуг и рынка труда, формированию площадок взаимодействия представителей бизнеса, гражданского общества, педагогов, ученых и экспертов.

Проблемы в системе образования региона, во многом характерны и для российского образования в целом:

- Недостаточное взаимодействие образовательных дошкольных образовательных учреждений с учреждениями среднего образования, особенно в области обеспечения преемственности программ дошкольного и начального школьного образования, создания сквозных образовательных программ;

- Отсутствие единой системы выявления, мониторинга индивидуальных образовательных достижений и работы с одаренной молодежью;

- Ограниченность ресурсов для развития программ дополнительного образования;

- Отсутствие сбалансированности предложения образовательных услуг с потребностями рынка труда;

- Недостаточное взаимодействие и согласованность различных уровней системы профессионального образования в решении стратегических задач социально-экономического развития субъекта, что приводит к наличию деформированной структуры и объемов подготовки кадров по уровням образования;

- Недостаточно активное участие и уровень заинтересованности работодателей в адаптации образовательным программам к особенностям их деятельности, участии в определении направлений и тем научных исследований, курсовых и дипломных работ, в организации раннего трудоустройства, создании базовых кафедр и пр.;

- Время, затрачиваемое на открытие новых специальностей и подготовки по ним специалистов, в системе среднего профессионального образования составляет от 2-3 лет, в системе высшего профессионального образования – от 3-5 лет, что не позволяет оперативно реагировать на быстро изменяющиеся потребности рынка труда;

- Образовательные интересы абитуриентов не всегда соответствуют потребностям рынка труда;

- Низкая престижность среднего профессионального образования при росте запроса на профессиональные технические компетенции высокого уровня;

- Несмотря на, как правило, широкий выбор направлений профессиональной подготовки, часть выпускников школ предпочитает поступать в инорегиональные образовательные учреждения;

- Недостаточный уровень материально-технического, особенно информационно-технологического обеспечения учреждений профессионального образования;

- Существуют определенные проблемы в обеспеченности учебных заведений педагогическими кадрами, особенно инженерными.

Одним из направлений повышения конкурентоспособности образовательной системы региона должно выступать повышение качества школьного образования через построение модели инновационного развития системы общего образования. Главные составляющие и направления инновационного развития — это создание и развитие на базе образовательных учреждений экспериментальных площадок, расширение спектра инновационных образовательных технологий, развитие системы профориентации и профобучения. Реализация указанных направлений позволит обеспечить целостность и в тоже время гибкость образовательного процесса, основанного на выявлении и развитии индивидуальных способностей ребенка, формировании умений и навыков самостоятельной образовательной и исследовательской деятельности учащихся.

Ключевые принципы развития системы образования региона:

– Усиление внимания к личности каждого обучающегося. Возможность реализации индивидуальных образовательных маршрутов, в том числе для одаренных детей;

– Раннее развитие и формирование начальных профессиональных компетенций;

- Обеспечение благоприятных условий для усиления интеграции различных уровней образования, обеспечения их преемственности;
- Согласованность системы профессионального образования с приоритетами социально-экономического развития региона, округа и страны в целом, ее адаптивность к изменяющимся потребностям рынка труда;
- Расширение практики участия работодателей в образовательной и научной деятельности учреждений профессионального образования региона;
- Создание благоприятных условий для развития способностей каждого человека;
- Обеспечение профессионального и творческого развития работников профессиональных образовательных организаций.

Для достижения целей по развитию системы образования, обеспечивающей формирование человеческого капитала, соответствующего потребностям рынка труда и созданию благоприятных условий для развития способностей каждого человека в субъекте должны быть решены следующие задачи:

- Повышение качества и доступности дошкольного образования;
- Повышение качества школьного образования через построение модели инновационного развития системы общего образования;
- Повышение доступности и качества дополнительного образования и воспитания детей;
- Повышение привлекательности обучения в учреждениях профессионального образования субъекта за счет создания системы (структуры и объемов) подготовки кадров, оперативно реагирующей на изменяющиеся потребности рынка труда субъекта, округа и страны в целом;
- Повышение участия и уровня заинтересованности работодателей в образовательной и научной деятельности учреждений профессионального образования субъекта;

– Повышение уровня материально-технического, особенно информационно-технологического, обеспечения образовательных учреждений;

– Повышение обеспеченности учебных заведений региона высококвалифицированными педагогическими и научными кадрами.

Основные направления действий и мероприятия для решения вышеназванных задач:

– Усиление взаимодействия образовательных дошкольных образовательных учреждений со учреждениями среднего образования. Обеспечение преемственности программ дошкольного и начального школьного образования, создание сквозных образовательных программ;

– Совершенствование форм и способов взаимодействия детского сада и семьи. Развитие службы консультативной помощи семьи в вопросах предшкольного образования;

– Повышение профессионального уровня кадрового потенциала дошкольных образовательных учреждений;

– Сохранение и расширение сети дошкольных образовательных учреждений;

– Создание системы выявления и развития способностей и достижений учащихся, работы с одаренной молодежью;

– Создание на базе учреждений общего образования и развитие деятельности инновационных центров нового поколения, в задачи которых входит формирование инновационных площадок интеллектуального досуга и практической деятельности обучающихся и условий для развития индивидуальных способностей и интеллектуального потенциала каждого ребенка через практическую деятельность;

– Развитие системы профориентации и организация трудоустройства школьников на временные рабочие места в летнее время;

- Развитие инновационных технологий обучения, направленных не только на освоение предметных знаний, но и на развитие компетенций (включая способности самостоятельно строить и корректировать свою учебно-познавательную и исследовательскую деятельность, умение вести поиск, отбор, обработку и анализ информации);
- Развитие образовательных программ организаций дополнительного образования;
- Повышение профессиональной компетентности работников системы дополнительного образования;
- Мониторинг состояния и разработка прогнозных оценок рынка труда: сбор, обработка и анализ данных статистической отчетности в области содействия занятости населения, мониторинг трудоустройства выпускников профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, расположенных на территории субъекта, мониторинг увольнения работников в связи с ликвидацией организаций либо сокращением численности работников, а также их неполной занятости, мониторинг трудовой миграции, анализ спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, разработка прогнозных показателей состояния рынка труда;
- Усиление взаимодействия органов исполнительной власти субъекта, работодателей по вопросам определения текущей и перспективной потребности отраслей экономики субъекта в целом в трудовых ресурсах; создания рабочих мест в рамках создания новых производств и инвестиционных проектов;
- Регулярная инвентаризация перечня программ профессиональных образовательных организаций, и актуализация в соответствии с запросами работодателей;
- Совершенствование системы развития карьеры, создание базы индивидуальных образовательных траекторий выпускников профессиональных образовательных организаций, в том числе создание

электронной базы данных выпускников профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования региона. Поддержка деятельности Центров содействия трудоустройству выпускников, функционирующих на базе образовательных организаций высшего образования;

– Развитие деятельности многофункциональных центров прикладных квалификаций на базе профессиональных образовательных организаций;

– Организация трудоустройства учащихся учреждений профессионального образования региона на временные рабочие места;

– Поддержка фундаментальных и прикладных научных исследований по проблемам, представляющим интерес для субъекта и округа, в том числе совместных научных исследований с работодателями;

– Повышение уровня материально-технического обеспечения образовательных учреждений;

– Информатизация образования: развитие телекоммуникаций и внедрение информационных систем в сфере образования, развитие системы методической и кадровой поддержки процессов информатизации, расширение информационной открытости системы образования;

– Развитие кадровых ресурсов системы педагогического образования региона (привлечение ведущих ученых и специалистов, организация регулярной переподготовки и стажировки руководящих и педагогических работников);

– Организация профессионального и творческого развития руководящих и педагогических работников профессиональных образовательных организаций;

– Поддержка молодых ученых и аспирантов стимулирование результативности их научной деятельности и закрепления в образовательных организациях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мингазова Ю.Г. Ключевые направления политики региона и муниципального образования в области накопления человеческого капитала. Электронный экономический вестник Татарстана. 2017. № 3.
2. Махиянова А.В., Мавлюдов А.А. Социально-экономический портрет населения через призму качества жизни: по итогам социологического исследования в Республике Татарстан. Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 7. С. 10-14.

Мингазов Зульфат Фаргатович
магистрант кафедры Экономики производства
Института управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета,
z.mingazov@bk.ru

Прыгунова Мария Игоревна
ведущий научный сотрудник отдела качественных исследований
Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан,
mariya.prigunova@tatar.ru

**ОСОБЕННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К
АВТОМАТИЗАЦИИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПО УПРАВЛЕНИЮ
ПЕРСОНАЛОМ В КОРПОРАЦИЯХ**

**FEATURE OF APPLICATION OF AN INTEGRATED APPROACH
TO AUTOMATION OF THE SOLUTION OF TASKS OF HUMAN
RESOURCE MANAGEMENT IN CORPORATIONS**

Аннотация. Управление персоналом предполагает формирование такой системы, которая последовательно приводит к достижению целей, поставленных перед предприятием. Появляется потребность в углубленном планировании трудовых показателей, гибком маневрировании использования персонала, достоверном учете труда и заработной платы, всестороннем анализе трудовых показателей. Усиливается акцент на проблемы подбора и найма сотрудников соответствующей квалификации, определение их компетенций и мотивации труда, аттестации и развития сотрудников. В рамках данной статьи приводятся доводы о необходимости использования

единой информационной базы и внедрении распределенных технологий обработки данных в крупных корпорациях.

Ключевые слова: управление персоналом, кадры, информационные базы, информационные технологии в управлении, корпорация

Abstract. Human resource management assumes formation of such system which consistently leads to achievement of the goals, put before the enterprise. There is a need for profound planning of labor indicators, flexible maneuvering of use of personnel, reliable accounting of work and the salary, the comprehensive analysis of labor indicators. The emphasis on problems of selection and hiring of employees of the corresponding qualification, determination of their competences and motivation of work, certification and development of employees amplifies. Within this article arguments about need of use of uniform information base and introduction of the distributed technologies of data processing for large corporations are given.

Keywords: human resource management, work force, information bases, information technologies in management, corporation

В системе факторов производства ведущая роль отводится трудовым ресурсам. Квалифицированный персонал становится важнейшим элементом повышения эффективности и конкурентоспособности предприятий и организаций. На каждом этапе деятельности необходимо гибко реагировать на изменения внешней среды, динамику развития предприятия, соответственно определять количественную и качественную потребность в персонале, планировать и анализировать затраты на персонал, т.е. персонал должен адекватно соответствовать возложенным на него функциям и объемам выполняемых работ. Контроль достижения поставленных целей осуществляется путем планирования, учета и анализа соответствующих показателей.

Необходимо отметить, что в современной практике функционирования российских предприятий существует проблема синхронизации целей и задач бизнеса, функционального разделения труда и процессов информационного обеспечения управляющих систем. Ряд ученых отмечают, что существует «облако неопределенности» между управлением организацией и обеспечивающей ее ИТ-инфраструктурой для достижения своих целей и задач. Организационная структура, система функционального разделения труда зачастую порождают дублирование однородных задач на разных уровнях иерархии управления персоналом.

Ситуацию усложняет проблема одновременного сочетания противоречивых на первый взгляд явлений: «информационного голода» и «информационной перегрузки» специалистов по управлению персоналом на всех уровнях. Источником и результатом данного явления становится недостаточная достоверность информации по труду, ее неактуальность, нерелевантность и, соответственно, принятие нерациональных, неэффективных решений в сфере управления.

Особое значение информационные технологии приобретают в многоуровневых системах управления, имеющих корпоративные формы деятельности. Чем масштабнее деятельность корпорации, тем сложнее получать информацию, позволяющую динамично оценивать состояние результатов использования персонала на каждом из предприятий и корпорации в целом, сложнее выявлять изменения параметров показателей трудовой деятельности и их влияние на экономику фирмы. Затруднена возможность оперативного регулирования отклонений в системе управления персоналом. При открытии новых региональных структур в корпоративной системе увеличиваются объемы документации, встает вопрос об эффективности управления филиальной сетью.

Исследование систем обработки данных по управлению персоналом в отдельных корпорациях показало значительное разнообразие форм и методов использования информационных технологий. Локальные информационные

технологии решения задач по учету труда и заработной платы, низкий уровень автоматизации задач планирования трудовых показателей затрудняют автоматизацию анализа, препятствуют выявлению внутрипроизводственных резервов по использованию персонала. Искусственный разрыв между задачами управления персоналом и экономики труда в подразделениях компаний осложняет принятие обоснованных решений в системе управления персоналом, что в определенной степени сказывается на эффективности производственно-хозяйственной деятельности корпорации.

Между тем, реализация комплексного подхода к автоматизации решения задач по управлению персоналом базируется на использовании единой информационной базы, внедрении распределенных технологий обработки данных, обеспечивает удовлетворение оперативных запросов, характеризующих состояние трудовых ресурсов, соблюдение трудовой и производственной дисциплины работающих, повышает аналитичность показателей, что сказывается на качестве управления. Сокращаются сроки формирования отчетности по труду и заработной плате для внешней среды.

В связи с этим внедрение и использование современных интегрированных технологий становится осознанной потребностью. В первую очередь, это связано с возрастающими потоками информации, которые необходимо накапливать, хранить и обрабатывать, с потребностями оперативного регулирования отклонений, выявленных в процессе преобразования информации по объектам системы управления.

Анализ практики автоматизированной обработки данных по управлению персоналом в корпорациях показал, что в этой области достигнуты определенные успехи, но многие проблемы не решены или решены недостаточно полно. В частности, существенным недостатком функционирования информационных технологий по управлению персоналом в корпорациях является разрыв в информационных базах, создаваемых службами управления персоналом и службами, решающими финансово-экономические задачи. Для решения отдельных групп задач используются

разные прикладные программные продукты. Такой «лоскутный» подход ведет к несопоставимости отдельных показателей по труду, формируемых в разных подразделениях, дублированию информации, увеличивает затраты труда на формирование и сопровождение баз данных в подразделениях корпорации, на составление отчетности по труду во внешнюю среду, осложняет разработку и принятие рациональных решений по управлению персоналом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гагарина Л.Г. Разработка и эксплуатация автоматизированных информационных систем: Учебное пособие -М.: ИД ФОРУМ: НИЦ Инфра-М, 2013. - 384 с.
2. Иванов А.А. Автоматизация технологических процессов и производств: учеб. Пособие -2-е изд., испр. и доп. -М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2015. - 224 с.
3. Зайдуллина Ч.Н., Иванов Н.Г., Орлов И.Ю. Кооперационный эффект в корпоративном и инновационном управлении: инфраструктурные аспекты. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. Выпуск 2. 2013. с.180-187
4. Информационные ресурсы и технологии в экономике: Учебное пособие/Под ред. проф. Б.Е. Одинцова, А.Н. Романова. -М.: Вузовский учебник: НИЦ Инфра-М, 2013. - 462 с.
5. Прыгунова М.И., Ахметзянов Т.Р. Новые реалии развития региональных экономических систем в условиях неустойчивой экономической среды (на примере Республики Татарстан). В сборнике: Проблемы внедрения результатов инновационных разработок. 2015. С. 208-211.
6. Прыгунова М.И., Сафиуллин М.Р., Сарач Л.В. Концепция оценки экономического горизонта промышленного кластера. Наука и бизнес: пути развития. 2016. № 10. С. 39-44.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Шарипова Рената Азатовна

Аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

Renata.sharipova@yahoo.com

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

INDUSTRIAL CLUSTERS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Аннотация. В статье представлен обзор кластерной политики Республики Татарстан, текущее состояние и перспективы развития. Также в статье анализируется российский опыт реализации программ государственной поддержки кластеров.

Ключевые слова: региональная экономика, инновационное развитие, промышленные кластеры

Abstract. The article presents an overview of the cluster policy of the Republic of Tatarstan, the current state and development prospects. The article also analyzes the Russian experience of implementing state support programs for clusters.

Keywords: regional economy, innovation development, industrial clusters

Согласно Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года (Стратегия-2030) наш регион избрал кластерную модель развития отраслей экономики, как эффективный инструмент комплексного развития региона и включенность предприятий республики в различные региональные, межрегиональные и глобальные контексты. Кластерная активация затронет все сферы экономики, включая промышленное производство. Промышленные кластеры станут основным

инструментом достижения стратегических целей социально-экономического развития Республики Татарстан на ближайшие годы.

Благодаря кластерной активации отраслей экономики предполагается укрепление высокого уровня делового климата для привлечения инвестиций в создание новых продуктов, услуг и технологий.

Следуя Стратегии-2030, на первом этапе кластерной активации предполагается реализация ряда высокотехнологичных проектов и модернизации промышленности, направленных на повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции ключевых кластеров. Второй этап заключается в выстраивании кластерной системы (организационного взаимодействия) для кластеров «умной экономики» и кластеров «современной экономики». Приоритетом на третьем этапе станет сближение кластеров «умной экономики» и кластеров «современной экономики», а также переход к активной фазе реализации проектов; притом продукция кластеров «умной экономики» будет направлена на выпуск радикально новой продукции.

В настоящий момент региональные институты кластерного развития (*Профильные министерства, Центр кластерного развития, Управляющие компании кластеров*) проводят активную работу по формированию и развитию промышленных кластеров на территории Республики Татарстан. Уже сформированы и активно развиваются кластеры в сфере нефтехимии, машиностроения и автомобилестроения, АПК и строительства. Ключевыми показателями эффективности функционирования промышленных кластеров определены количество выпускаемых импортозамещающих и экспортоориентированных товаров, совокупная выручка участников кластера, уровень внутренней кооперации, количество высокопроизводительных рабочих мест и налоговые отчисления в бюджеты всех уровней. Кроме того, большой упор делается на укрепление организационного взаимодействия между бизнесом, наукой и властью с целью создания экосистемы устойчивого развития отраслей экономики.

На сегодняшний день в Республике Татарстан сформированы промышленные кластеры: Пищевой кластер (Приказ № 2857 (Дата включения в реестр Минпромторга России 16.08.2016), Строительный кластер (подана заявка на включение в реестр, ожидает рассмотрения), Кластер строительных технологий и материалов (подана заявка на включение в реестр, ожидает рассмотрения), промышленный кластер производителей медицинского инструмента и медицинской техники, Камский машиностроительный промышленный кластер. Кластер аквабиотехнологий и мебельный кластер находятся на стадии подготовки заявки на включение в федеральный реестр кластеров.

На территории Республики Татарстан промышленные кластеры формируются согласно рекомендациям Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. Основным критерием кластеризации отрасли является наличие высокого уровня кооперации среди производителей промежуточной и конечной промышленной продукции. Кроме того, формирование территориально-отраслевых кластеров сопровождается созданием соответствующей организационной структуры, координирующей деятельность участников кластера и контролирующей выполнение заявленных показателей.

В результате реализации кооперационных инвестиционных проектов в рамках промышленного кластера решаются задачи импортозамещения. Инициаторы проектов владеют информацией о том, какова потребность покупателей продукции с точки зрения качества, функциональных свойств и стоимости, а также объемах потребления импортной продукции внутри кластера. Таким образом, при реализации инвестиционного проекта в рамках кластера инвесторы могут быть уверены в наличии рынка сбыта, поддержки со стороны органов государственной власти и ключевых показателей конкурентоспособности промышленной продукции. В то же время, покупатели промышленной продукции могут быть уверены в поставке комплектующих в определенное время по заранее установленным ценам и качеству.

В Татарстане имеется хорошая практика по приглашению иностранных предприятий с целью устранения проблемных участков в технологической цепи. Успешные примеры – резиденты ОЭЗ «Алабуга»: компания Кастамону Интегрейтед Вуд Индастри - якорное предприятие мебельного кластера, Тракья Гласс Русс - участник Машиностроительного и Строительного кластера. Расположенная в ОЭЗ «Алабуга» компания Форд Соллерс в рамках Машиностроительного кластера придерживается стратегии локализации. С момента старта производства, выпускаемые компанией двигатели имеют существенный уровень локализации, получая основные компоненты от российских поставщиков и произведенные из локального сырья.

Формирование промышленных кластеров позволяет обеспечить достижение целей социально-экономического развития региона, так как разрабатывается программа развития кластера, в которой указываются целевые показатели эффективности реализации программы развития. Участники кластера заявляют количество высокопроизводительных рабочих мест, сумму налоговых и таможенных платежей, объемы инвестиций в основной капитал и НИОКР, которые они собираются достичь в ближайшие 3-5 лет. Таким образом, предприятия совместно с инфраструктурой поддержки кластера в виде научно-образовательных центров и объектов технологической инфраструктуры прикладывают всевозможные усилия для достижения заявленных показателей.

Государственная программа поддержки промышленных кластеров является относительно новым, но достаточно эффективным механизмом замещения импорта. Программа позволяет возмещать до 50% затрат на комплексные мероприятия по открытию новых производств, включая затраты на НИОКР, обучение персонала, сертификацию продукцию, проценты по лизингу или кредиту на капитальные вложения и другие технологические и процессные мероприятия. Притом минимизируются бюджетные риски при предоставлении субсидий за счет кластерного подхода к реализации инвестиционных проектов.

Республика Татарстан поддерживает Министерство промышленности и торговли Российской Федерации в части развития данной программы и увеличения финансирования на реализацию кооперационных (кластерных) проектов, направленных на импортозамещение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 г. N 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»
2. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 316 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Экономическое развитие и инновационная экономика" (с изменениями и дополнениями)
3. Ивасенко А.Г., Никонова Я.Д, Каркавин М.В. Управление проектами: Учебник. 2013 г., с.336
4. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации, под ред. Л.М.Гохберга, А.Е.Шадрина, 2013. – 108 с.
5. Агафонов В.А. Кластерная стратегия: системный подход // Экон. наука современной России. — 2014. — с.455.
6. Топленинов Э.О. К вопросу регулирования промышленного развития Российской Федерации на федеральном и региональном уровне // Научные труды центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. — 2012. — с.227.
7. Валеева Э.Н. Анализ зарубежного опыта применения кластерного подхода // Научные труды центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. — 2011. — с.35.

Шакиров Артур Раисович

Аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан»

artshakiroff@gmail.com

**ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПЛОЩАДОК И ИХ ИНТЕГРАЦИИ В
ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА И ГОСУДАРСТВА**

**FOREIGN COUNTRIES EXPERIENCE IN INDUSTRIAL PARKS
ORGANIZATION AND THEIR INTEGRATION TO THE
REGION AND COUNTRY ECONOMICS**

Аннотация: в данной статье рассмотрен опыт организации и развития промышленных площадок в зарубежных странах, их методики размещения площадок и разрешения возникающих проблем эффективности.

Ключевые слова: промышленные площадки, экономика региона, малый и средний бизнес

Abstract: this article describes the experience and development of industrial facilities in foreign countries, their arrangement approaches and effectiveness analysis.

Keywords: industrial facilities, regional economics, small and medium enterprises

Мировой тенденцией развития промышленности является её группирование в рамках специально подготовленных территорий, объединённых общей направленностью, общим доступом к энергоресурсам и общим управлением. Важной составляющей таких территорий является наличие специализированных ресурсов, формирующих бизнес-инфраструктуру.

В настоящее время существует два основных типа таких территорий: технопарки и индустриальные парки (промышленные площадки). Технопарк представляет собой специальную территорию, на которой объединены научно-исследовательские организации, объекты индустрии, деловые центры, выставочные площадки, учебные заведения, а также обслуживающие объекты: средства транспорта, подъездные пути, жилой поселок, охрана. Основная идея технопарка - сконцентрировать на единой территории специалистов общего профиля деятельности.

В отличие от технопарка, индустриальный парк или промышленная площадка – централизованно развитая и управляемая территория с производственными, складскими, офисными зданиями, соответствующими коммуникациями и инфраструктурой, используемыми несколькими пользователями. Этот объект нацелен как правило на традиционную промышленность индустриального типа. Индустриальные парки имеют большую территорию, измеряемую сотнями гектаров, а то и несколькими квадратными километрами, значительное энергопотребление и мощную транспортную инфраструктуру. Резидентами индустриальных парков часто становятся небольшие и средние производственные компании, встроенные в технологическую цепочку создания какой-либо продукции путём производства комплектующих и запчастей, либо каких-либо неосновных продуктов.

Руководство Республики Татарстан также проводит активную работу по организации промышленных площадок и индустриальных парков на территории Республики Татарстан с целью поддержания и развития предпринимательства. Проблема, поставленная в ходе реализации данного проекта, представляет собой определение оптимального расположения данной промышленной площадки исходя из имеющихся на территории ресурсов, инфраструктуры, удаленности от крупных производственных объектов и т.д.

В данной статье мы изучим существующий опыт (как исторический, так и современный) по организации промышленных площадок в зарубежных странах. Формации подобного рода были использованы во многих крупнейших с экономической точки зрения странах и адаптированы под существующую конъюнктуру. В рамках работы будет рассмотрен опыт как западных стран (США, Германия, Дания), так и представителей восточного уклада (Турция, Китай). Изучение уже сложившегося опыта представляет особую ценность с точки зрения анализа эффективности, выявления сфер для дальнейшего развития и выделения ключевых ошибок, которых стоит избегать при оценке оптимального размещения промышленных площадок на территории Республики Татарстан.

Первая в современном понимании классическая промышленная площадка появилась в Манчестере, Великобритания. Ее территория была сравнительно невелика – около 10 га. Ею основал в 1896 г. Эрнест Тера Хулли, который выкупил территорию земли площадью 10 гектар, создал на ней всю необходимую инженерию и транспортную инфраструктуру и начал сдавать в аренду участки промышленным предприятиям. Данная площадка располагалась в Манчестере и носила название Трафффорд Парк. Еще тогда основной идеей, которую преследовал Хулли, было создать для промышленных организаций оптимальные условия для производства и ведения бизнеса, обеспечение их необходимыми ресурсами в достаточном количестве. Проект оказался успешным - там был размещён первый европейский завод компании Ford, который существует и по сей день. Сейчас он управляется местной корпорацией территориального развития и является частным.

С начала XX в. индустриальные бизнес-парки стали активно создавать и в Европе, и в США. Располагались они, как правило, на окраинах городов, вблизи транспортных узлов и аэропортов, на территориях, специально зонированных для промышленно-складского использования. С 1950-х годов начали появляться специализированные инновационные технопарки,

связанные с крупными университетами. Главное и основное различие между индустриальными и технологическими парками в том, что первые обеспечивают предприятия инфраструктурой для осуществления их основной производственной деятельности, а технопарки способствуют разработке и внедрению новых технологий в производство.

На сегодняшний день индустриальные парки как комплексы, сочетающие складские, производственные, офисные и социально-бытовые помещения, достаточно популярны и распространены в мире. В странах Западной Европы их большое количество: только в Германии функционирует более 200 индустриальных парков, а в США – более 400. В последние десятилетия технопарки и индустриальные парки активно развивались в странах Азиатского региона, Восточной Европы и в Прибалтике.

Далее рассмотрим опыт наиболее крупных и успешных индустриальных парков в различных странах, их специализацию и особенности их организации. Оценка сложившегося опыта позволит рационально взвесить имеющиеся ресурсы и необходимость в расположении промышленной площадки именно в выделенной зоне.

Kalunborg eco-industrial park, Калуннборг, Дания. Экологический индустриальный парк в датском Калуннборге сейчас считается один из первых и самым известным примером промышленного симбиоза. Данная промышленная площадка была организована в 1959 году путем строительства электростанции датской компании Asnaes, к которой позже присоединились нефтеперерабатывающее производство Statoil, цех фармацевтической компании Novo Nordisk и Gyproc — один из крупнейших производителей гипсокартона в Скандинавии.

Изначально основной идеей создания кластера было сокращение расходов и получение выгоды от продажи побочных продуктов, и предприятиям удалось этого достичь. По оценкам Международного института устойчивого развития, Gyproc после перехода на использование поставляемого с нефтеперерабатывающего производства газа сократил

потребление нефти на 90-95%, а использования избыточного тепла Asnaes для обогрева домов помогло отказаться от 3,5 тыс. дополнительных систем. Перенимая опыт датской площадки, в ходе расположения мощностей на территории РТ необходимо оценить потребности резидентов и спрос, по результатам которых их последующая коллаборация может существенно увеличить эффективность деятельности.

Navy Yard, Бруклин, Нью Йорк, США. Бруклинский индустриальный парк, занимающий 120 га территории бывшего морского порта, появился по сложившейся необходимости. Когда в 1980-х годах предприятие Seatrain Shipbuilding прекратило свою деятельность, оставив без работы около 3,3 тыс. человек, местная управляющая компания приняла решение диверсифицировать портфель арендаторов. Огромные цеха, которые занимало судостроительное производство, разделили на небольшие помещения, в которых уже к 1998 году работало примерно 200 различных компаний с 3 тыс. сотрудников. Данный пример ярко характеризует использование имеющихся мощностей (brownfield) для создания промышленных площадок. Проводя анализ территорий, разделение их на greenfield и brownfield является важнейшим аспектом в определении локации будущей промышленной площадки.

The Old Vinil Factory, Hayes, Лондон, Великобритания. данная площадка является одним из ярчайших примеров создания коллаборации в области обслуживания. Новая история площадки, представлявшей ранее звукозаписывающую фабрику, началась в 2011 году, после того как участок с расположенными на нем зданиями выкупила английская компания Purpleplexed. Инвестор решил вложить в редевелопмент комплекса £250 млн. В конце 2012 года компании удалось согласовать разработанный план с местными властями: 550 тыс. кв. м — офисы, 8 тыс. кв. м — музей, коворкинг — 40 тыс. кв. м, автомобильная парковка, кинотеатр, образовательный центр и клуб живой музыки. В планах — создать на территории старого завода как минимум 4 тыс. новых рабочих мест.

Важно отметить, что на основании опыта западных стран мы можем увидеть определенную особенность, объединяющую все перечисленные промышленные площадки – все они являются частными и финансируются частными инвесторами.

В рамках анализа промышленных площадок в странах Востока рассмотрим крупнейший в Индии техно- и индустриальный парк Бангалор, созданный в 1978 г. по частной инициативе. Главными преимуществами Бангалора стали льготные расценки за аренду помещений, возможность создания фирм со 100% участием иностранного капитала, хорошо развитая телекоммуникационная инфраструктура, доступ к спутниковой связи и освобождение от налогов на прибыль, полученную с экспорта программного обеспечения. Схожую стратегию развития имеет и крупнейший мексиканский индустриальный парк Гвадалахара. Государство всячески поддерживает развитие промышленных площадок, формируя целый ряд льгот, которые можно разбить на 4 группы:

- фискальные льготы;
- финансовые льготы;
- административные льготы;
- внешнеторговые льготы.

К фискальным льготам относятся, например, освобождение компаний-резидентов от налогов на фонд оплаты труда и возврат налога с продаж. К финансовым льготам относится, в частности, возмещение 50% расходов на найм персонала. К административным – регулирование арендных отношений, и т.д.

По другому пути развития идут индустриальные парки Китая: здесь государство не только формирует правила игры для резидентов, но и является их крупнейшим инвестором. Государственные предприятия, расположенные в таких индустриальных парках, не только инвестируют в сами территории, но и своим присутствием привлекают смежные предприятия из других стран. Ярким примером является индустриальный

парк площадью около 7 (!) кв. км в городе Сучжоу. Данный индустриальный парк включает в себя множество компаний-резидентов: японских, малайских, индонезийских, а также множество китайских производств. Доступ к энергоресурсам был ограничен только производственной необходимостью и был практически бесплатным.

На данный момент Россия уже фактически определила свой выбор пути развития индустриальных парков: это китайский путь. В исследовании компании ЕУ, посвященном индустриальным паркам РФ, говорится о том, что исходя из оценки существующих промышленных площадок, менее 30% из них являются частными, а остальные – либо государственные, либо в форме государственно-частного предпринимательства.

В качестве наследства от Советского Союза, России досталось множество промышленных площадок, техническое состояние и местоположение которых весьма далеки от современных требований потенциальных резидентов. Основная часть этих площадок, разбросанных по всем городам страны, в свое время была производственной основой оборонных предприятий. Сейчас существенная их часть простаивает, что свидетельствует о неэффективности использования ресурсов в наличии.

Важно отметить также следующий аспект: местоположение площадок таково, что современная логистика зачастую очень затруднена (например, практически отсутствуют автомобильные подъездные пути, а присутствуют мало востребованные сейчас железнодорожные пути), либо они расположены вдали от мест проживания необходимой рабочей силы.

Исходя из проведенного анализа опыта зарубежных стран, видится следующий алгоритм действий в отношении размещения промышленных площадок:

- 1) Провести детальный анализ по уже существующим площадкам (мощностям заброшенных производств, неэффективным предприятиям);
- 2) Провести детальный анализ в части потребностей резидентов (малого и среднего предпринимательства) и разделить их на определенные

пулы, на основании которых можно будет определить их дальнейшее местоположение (к примеру, производство комплектующих материалов для крупных производств, оказание сервисных услуг и услуг по ремонту, самостоятельное независимое производство, и т.д.)

3) Классифицировать существующие и проектные промышленные площадки на: вспомогательно-промышленные площадки, площадки малого предпринимательства; обслуживающие площадки.

4) Построить подробную логистическую карту (с указанием автомобильных дорог, железнодорожных путей, ключевых транспортных узлов);

5) Построить подробную ресурсную карту (обеспечение электроэнергией, газопроводов, водопроводов и т.д.)

6) На основании проведенных действий определить оптимальную локацию для промышленных площадок каждого типа представленной классификации, а также оценить местоположение уже созданных промышленных площадок на территории РТ;

7) Разработать план мероприятий по оптимизации существующих производств в случае выявления существенных неэффективных промышленных площадок.

На основании представленного алгоритма использование промышленных площадок поможет учесть потребности региона в тех или иных видах производств, оценить уже имеющиеся в наличии ресурсы и построить работу таким образом, чтобы эффективность капиталовложений в данный объект превышала бы текущие показатели. При этом изучение опыта зарубежных стран и, возможно, непосредственный обмен опытом с представителями стран, путь развития которых схож с развитием Республики Татарстан, на наш взгляд, окажет положительное влияние с точки зрения учета потенциальных ошибок и применения превентивных мер по их устранению.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Приказ Минэкономразвития России от 23.04.2012 № 223 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации»;
2. Приказ Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан № 185-ОД от 26.07.2017 «О стратегии развития отраслей промышленности Республики Татарстан на период 2016-2021 годы с перспективой до 2030 года»
3. Реестр аккредитованных субъектов инфраструктуры имущественной поддержки малого и среднего предпринимательства по состоянию на 31.12.2016
4. Концептуальные подходы в управлении развитием территории / И.Р. Гафуров, М.Р. Сафиуллин // Маркетинг: теория и практика: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. - Казань, 2005. - С. 14-18.
5. Индустриальные парки как инструмент привлечения иностранных инвестиций в региональную экономику / Мовчан А.А. // Актуальные вопросы функционирования и развития региональной экономики: материалы VII международной научной конференции – Ростов-на-Дону, 2015.
6. Обзор индустриальных парков России 2017 / Борис Сычев // Ассоциация индустриальных парков РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.indparks.ru/materials/analytics/index.php>
7. Прыгунова М.И., Сафиуллин М.Р., Сарач Л.В. Концепция оценки экономического горизонта промышленного кластера. Наука и бизнес: пути развития. 2016. № 10. С. 39-44.

Ахмадишина Алина Арсиновна

Аспирантка Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан,

Экономист финансового отдела ООО «Бахетле»

garifullina_alin@mail.ru

НЕФТЕГАЗОХИМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

PETROCHEMICAL COMPLEX OF REPUBLIC OF TATARSTAN

Аннотация: Предоставлена общая характеристика нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан (НГХК), указано на приоритеты развития секторов в комплексе, рассмотрена программа развития нефтегазохимического комплекса республики. Исследованы перспективы развития и проанализировано состояние НГХК Республики Татарстан.

Ключевые слова: Республика Татарстан, нефтегазохимический комплекс, нефтедобыча, нефтепереработка, нефтехимия

Abstract: given the General characteristics of the NGHК of the Republic of Tatarstan, as indicated on the development priorities of the sectors in the complex, considered the development programme of the Republic of petrolgaschemical. Researched and analyzed the perspectives of development status of NGHК of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Republic of Tatarstan, petrochemical complex, oil production, petroleum refining, petroleum chemistry

Республика Татарстан является экономически развитым регионом Российской Федерации, который расположен в центре крупнейшего индустриального района, на пересечении важных магистралей. Имеет

исключительно благоприятное сочетание производственного, научного, ресурсного потенциалов, необходимых для высокотехнологического развития промышленности нефтехимии.

Нефтегазохимический комплекс (далее - НГХК) - это базовый сектор промышленности в Республике Татарстан, который обладает принципиальным значением для функционирования почти всех сегментов экономики как республики, так и многих других регионов РФ.

НГХК – является приоритетом промышленной политики в Республике Татарстан – в него включены такие виды экономической деятельности: нефтепереработка, нефтедобыча, нефтехимия, химия.

В экономике республики удельный вес НГХК составляет: по численности занятых - 7%, по выручке от реализации - 35%, по экспорту - 90%.

Конкурентным преимуществом Татарстана выступает комплексное развитие отраслей комплекса:

- Программа развития НГХК Республики Татарстан на 1999-2003 гг.;
- Программа развития НГХК Республики Татарстан на 2004-2008 гг.;
- Программа развития НГХК Республики Татарстан на 2010-2014 гг.;
- Программа развития НГХК Республики Татарстан на 2015-2019 гг.

В Республике на данный момент действует Программа развития НГХК Республики Татарстан на 2015-2019 гг.

Цель стратегического развития НГХК РТ заключается в сохранении и росте конкурентоспособности комплекса в качестве условия динамичного развития Татарстана, расширение и реализация конкурентных преимуществ предприятий республики в секторах комплекса (нефтепереработке, нефтедобыче, нефтехимии, химии).

Исходя из региональной специфики, задачи технологического развития НГХК РТ на период с 2020 по 2025 гг. таковы [1]:

1. В секторе нефтедобычи:
 - а) повышение эффективности технологий подготовки, добычи,

транспортировки, переработки, использования СПГ и ПНГ; формирование новых мощностей в данных секторах;

б) разработка месторождений природных битумов и сверхвязкой нефти;

в) расширение ресурсной базы для добычи нефти;

2. В секторе нефтегазопереработки:

а) внедрение в область глубокой переработки УВР (углеводородных ресурсов) конкурентоспособных технологий, самыми перспективными из них считаются:

б) повышение качества производимых синтетических масел и моторных топлив;

в) увеличение на нефтеперерабатывающих мощностях глубины переработки нефти;

3. В секторе нефтехимии и химии:

а) создание производства полимерных композиционных материалов;

а) увеличение глубины переработки УВС (углеводородного сырья);

в) создание импортозамещающих производств нефтехимической и химической продукции на территории республики, которые способны снизить себестоимость имеющихся отраслевых производств, а также удовлетворить спросы смежных отраслей на продукты нефтехимии и химии;

г) создание в Республике Татарстан крупнотоннажных газохимических и нефтехимических производств, которые способны нивелировать недостаток базового сырья в целях производства полимеров, а также иных продуктов органической химии.

В Республике нефтедобычу ведет компания «Татнефть» и независимые нефтяные компании.

Наиболее крупные представители области производства нефтепродуктов – это «ТАНЕКО» и «ТАИФ-НК».

Химическое производство Республики Татарстан – «Казаньоргсинтез», «Нижекамскнефтехим», «Хим.завод Карпова Л.Я.», «Нэфис косметикс».

Рисунок 1.

Ввиду реализации в Татарстане политики по увеличению глубины переработки УВС в НГХК доля обрабатывающего сектора достигла 61% (Рисунок 1), включая нефтепереработку - 30%, производство пластмассовых изделий – 7,2%, химическое производство - 24%.

По итогам за 2016 год предприятия НГХК произвели продукции на сумму 1 149,7 млрд. руб., это составляет 58,5% от объема Республики. По важным видам продукции достигли следующих результатов: нефти добыто 35,5 млн. т., это составляет 104,3% на 2015 год; произведено пластмасс в первичных формах 1654,5 тыс. т. (102,7% на 2015 год); синтетических каучуков - 675,8 тыс. т. (103,7% на 2015 год), шин - 12,8 млн. шт. (93,4% на 2015 год).

Вопреки нестабильным условиям на финансовых и товарных рынках, в совокупности предприятия комплекса выполнили собственные планы по реализации инвестиционных проектов и наращиванию промышленного производства.

За 2016 год добыто 35,5 млн. т. нефти, это больше на 4,3%, нежели в предыдущем году. Наряду с этим, крупнейшая республиканская компания «Татнефть» добыла – 28,3 млн. т. нефти.

За 2016 год предприятия нефтеперерабатывающего сектора Татарстана отгрузили продукции на сумму 347,6 млрд. руб., ИПП составляет 100,3%.

На нефтеперерабатывающих заводах Татарстана переработано 17,3 млн. т. УВС.

По итогам за 2016 год химические предприятия республики отгрузили продукции на сумму 278,6 млрд. руб. ИПП составил 102,8%.

За 2016 год по такому виду деятельности, как «производство пластмассовых и резиновых изделий» было отгружено продукции на 84,4 млрд. руб. ИПП составляет 105,8% [2].

В РФ недостаточный уровень развития множества направлений химического производства, технологии, науки на протяжении последних лет повлек формирование устойчивой зависимости предприятий России от импортных поставок относительно широкого спектра химических веществ, технологий, оборудования в сфере переработки и добычи нефти, химического производства.

Чтобы эффективно решить проблему импортозамещения в НГХК, нужно переходить к созданию своих производств реагентов и катализаторов, технологий, оборудования.

В своей деятельности ПАО «Татнефть» предпочитает максимально пользоваться химической продукцией отечественного производства. Этому способствует наличие огромного количества в Республике производителей нефтепромысловой химии, собственных мощностей производства реагентов для нефтедобычи, а также научного института («ТатНИПИнефть»).

В перспективе ПАО «Нижнекамскнефтехим» планирует на базе своего научно-технического центра создать центр разработки импортозамещающих компонентов, включая катализаторы полимеризации пропилена и этилена, гетерогенные катализаторы нефтехимических и нефтеперерабатывающих процессов.

Использование и производство СПГ в качестве энергоресурса является одним из самых перспективных направлений в мировой экономике.

Использование компримированного природного газа (далее - КПГ) и СПГ как моторного топлива на автотранспорте - это также одно из перспективных направлений в деятельности НГХК Республики Татарстан и России.

Мероприятия и направления для решения задач развития использования КПГ и СПГ в Республике Татарстан [1]:

1. Ведутся работы по новому строительству и реконструкции АГНКС в городах Татарстана.

2. Организацией «Газпром газомоторное топливо» Татарстан был определен в качестве пилотного региона для реализации программы по расширению использования природного газа как моторного топлива.

На глобальном рынке конкурентоспособность продукции с каждым годом становится всё зависимее от инновационной составляющей.

В Татарстане стимулирование инновационной активности должно вестись по 3-м основным направлениям - непосредственное стимулирование инновационной деятельности на предприятиях НГХК, совершенствование инновационной инфраструктуры в регионе, активизация общей инновационной деятельности научных учреждений и предприятий.

В пределах Программы развития НГХК РТ будет продолжена политика расширения ассортимента производимого продукта и увеличения глубины переработки УВС. Большая часть проектов, которые заявлены в Программе развития нефтегазохимического комплекса Татарстана на 2015-2019 гг., имеют импортозамещающий характер, но продукция будет являться конкурентоспособной также на мировых рынках.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Программа развития нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан на 2015-2019 гг. // ОАО "Татнефтехиминвест-холдинг", Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан
2. Итоги развития потребительского рынка, промышленности, внешнеэкономической деятельности Татарстана в 2016 г., задачи на

- 2017 г.// Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан
3. Волкова Нина Алексеевна, Набойченко Анна Сергеевна Актуальные аспекты реализации промышленной политики в нефтегазохимическом комплексе // Вестник ГУУ. 2016. №9. С.8-15
 4. Зайнулина М. Р. Прогноз основных макроэкономических показателей на 2017 год Российской Федерации // Электронный экономический вестник № 3 (июль-сентябрь 2017 года).
 5. Райская М.В. Инновационные приоритеты развития нефтехимического комплекса республики Татарстан // Вестник Казанского технологического университета. 2014. №7. С.252-254
 6. Солодова Н.Л., Черкасова Е.И. Тенденции развития нефтепереработки в России // Вестник Казанского технологического университета. 2016. №21. С.57-63
 7. Яо Любовь Маркеловна, Анисимова Елена Владимировна, Лаптева Светлана Валентиновна Ценностные аспекты устойчивого развития региона с доминирующим нефтегазохимическим комплексом (на материале республики Татарстан) // ВЭПС. 2011. №2. С.275-279
 8. Яруллин Рафинат Саматович Перспективы развития нефтегазохимического комплекса республики Татарстан // НефтеГазоХимия. 2015. №4. С.12-16
 9. Сафиуллин М.Р., Сафина А.А. Построение и экономическая оценка производственно-технологических цепочек на примере нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан / Казань, 2013.

Вьюков Михаил Геннадьевич

Аспирант ГБУ «Центр перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан»

vjukovm@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ТЕХНИКО-
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ КОМПАНИИ**

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF DIGITALIZATION AS THE
TECHNO-ORGANIZATIONAL-ECONOMIC CHANGES OF THE
ACTIVITIES OF THE OIL COMPANY**

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции цифровизации нефтедобывающей отрасли Российской Федерации, определяются ее направления, целевые показатели и индикаторы достижения, а также рассматриваются проблемы внедрения данного проекта изменений с учетом его сложности и комплексности.

Ключевые слова: интеллектуальное (цифровое) месторождение, цифровая скважина, управление изменениями

Abstract. This article discusses the trend of digitalization of the oil industry of the Russian Federation, defined its direction, targets and indicators of achievement, as well as a discussion of the problem of introduction of the draft changes, taking into account its difficulty and complexity.

Keywords: intelligent deposit (digital), digital borehole, change management

Около 62% руководителей промышленных компаний, опрошенных Fujitsu, признали, что цифровая трансформация представляет собой самую сложную задачу для промышленного сектора. При этом 77% считают, что их компании должны действовать более оперативно для сохранения

конкурентоспособности в условиях повсеместной цифровизации.

Цифровая трансформация уже затронула многие сектора экономики, и руководители компаний малого и среднего бизнеса согласны с тем, что внедрение ИТ коренным образом изменяет их привычные методы работы. Промышленный сектор демонстрирует самый высокий уровень оптимизма в отношении цифровой трансформации – более двух третей (69%) участников опроса «относятся к ней с энтузиазмом», а 80% согласны с тем, что она окажет положительное влияние на их бизнес и промышленный сектор экономики в целом, 92% опрошенных руководителей предпринимают меры для того, чтобы максимально воспользоваться открывающимися возможностями.

Кроме того, как показало исследование, в промышленном секторе самые большие возможности для развития бизнеса связаны с преобразованием рабочих операций и процессов. Так, более половины респондентов (55%) считают «инвестиции в инновации» основным залогом для будущих успехов, и более 77% также полагают, что информационные технологии лежат в основе возможностей для развития компании [12].

Вместе с тем, промышленный сектор не слишком высоко оценивает свои способности внедрить новые технологии без привлечения сторонних специалистов: 71% руководителей полагают, что сотрудничество с отраслевыми экспертами крайне важно для успешной реализации подобного рода проектов. Совместная работа с другими организациями рассматривается как важное условие для перехода к цифровым технологиям – 36% участников опроса заявили о том, что они уже задумываются о налаживании необходимых партнерских связей.

Однако в отношении возможностей, которые предоставляет цифровая трансформация, компании промышленного сектора чувствуют себя очень уверенно: 54% из них заявили, что на сегодняшний день они более уверены в себе при принятии решений в отношении цифровизации, чем два года назад. При этом такое же количество опрошенных признало, что цифровая трансформация повышает неопределенность будущего, затрудняя принятие стратегических решений.

А как обстоит дело с цифровизацией нефтедобывающей промышленности?

В нефтяной промышленности тенденция коснулась всех направлений – от добычи до сбыта. Современное месторождение, а тем более месторождение будущего, немислимо без постоянного мониторинга состояния скважин и внутрискважинного оборудования, трубопроводов и наземной инфраструктуры. Получаемые данные позволяют отслеживать показатели производства в реальном времени, своевременно реагировать на изменения процессов, предупреждать поломки и аварии, экономить электроэнергию и другие ресурсы. Дальнейшая обработка и анализ информации делают ее пригодной для использования при планировании и принятии качественных управленческих и стратегических решений. Результат внедрения «умной» автоматизации на месторождениях – оптимизация бурения и увеличение нефтеотдачи, экономия на эксплуатационных затратах до 25% [14].

Внедрением технологий интеллектуального управления нефтедобычей мировые лидеры занимаются с 2000-х годов. Применение систем «Цифровое месторождение» позволяет сделать добычу более эффективной и дешевой.

Технологии под названием «Цифровое месторождение», «Интеллектуальное месторождение» начали появляться за рубежом в начале 2000-х годов, и нефтяные компании стали пытаться применять их для оптимизации затрат практически на всех этапах добычи, транспортировки, переработки нефти. Технология «Цифровое месторождение» не означает построение полностью автоматизированного процесса разведки и добычи нефти и газа. Это объединение в систему различных датчиков, сенсоров, мобильных устройств, дронов и так далее, для того чтобы иметь возможность анализировать получаемые с них данные и управлять этой системой из одного оперативного центра, реагируя почти моментально на меняющиеся параметры системы.

Революционность технологии состоит в том, что если раньше все собранные данные обрабатывали спустя какое-то время, то сегодня это может происходить онлайн. Это позволяет оптимизировать деятельность компании практически на любой стадии производства путем моментальной обратной связи

и за счет этого снижать затраты. Например, посредством сенсоров, отслеживающих состояние работающего оборудования, оператор в режиме реального времени может следить за его состоянием, планировать его техническое обслуживание или профилактический ремонт именно тогда, когда это действительно необходимо. В этом случае возможны сокращение периодов простоя оборудования и снижение затрат на плановый или профилактический ремонт.

Также через систему «Цифровое месторождение» компания осуществляет управление удаленными активами: следит за уровнем добычи нефти, за показателями вплоть до характеристик скважины, которые могут меняться в процессе добычи: температурой, давлением и так далее. Поскольку все данные собираются в облачных хранилищах, доступ к управлению работами может осуществляться практически из любой точки земного шара.

В этой технологии важно не столько наличие огромного количества датчиков и сенсоров, сколько то, что большой массив накопленных данных позволяет системе просчитывать и анализировать множество вариантов развития событий и предлагать оптимальные решения для той или иной ситуации. Именно поэтому глобальные нефтегазовые компании стремятся объединить усилия и хранить облачные решения в так называемых озерах данных, которые были бы унифицированными и доступными для целого ряда компаний-участников процесса. Кроме того, хранение информации в одном месте дает существенную экономию средств при весьма высокой эффективности такого решения. По некоторым оценкам экспертов рынка, внедрение системы «Интеллектуальное месторождение» позволило компании Shell повысить общий коэффициент извлечения нефти на 10%, газа – на 5% и ввести в разработку скважины, многие из которых были нерентабельными из-за большой удаленности [11].

В России интерес к технологии «Цифровое месторождение» появился всего несколько лет назад, и ряд компаний занялся ее внедрением. Элементы этой технологии были вполне успешно опробованы «Татнефтью» на Ромашкинском месторождении: на определенном этапе удалось значительно – почти на треть – снизить себестоимость добычи нефти.

Также пилотное внедрение программы «Цифровое месторождение» в 2014 году на своих добычных месторождениях начала компания «Газпром нефть», выбрав стартовой площадкой активы «Газпромнефть-Хантоса». В 2016 году еще на трех предприятиях компании был проведен первый этап программы — целью было определить перечень возможных улучшений и ожидаемый экономический эффект. Главной задачей внедрения этой программы в компании назвали не просто насыщение производства автоматическими решениями, а поиск оптимальных точек их приложения, то есть технологическую и экономическую оптимизацию всего производственного процесса, эта задача особенно актуальна в условиях сложной внешней конъюнктуры.

Внедрением системы «Цифровое месторождение» занимается и ЛУКОЙЛ. Например, в 2015 году на нефтяном месторождении Западная Курна-2 в Ираке, разработку которого ведет «ЛУКОЙЛ Оверсиз» совместно с South Oil Company, было реализовано решение, полностью соответствующее идеологии интеллектуального месторождения. Как отмечали специалисты, внедрение системы позволило сократить сроки принятия управленческих решений, снизить простои скважин, оптимизировать режимы разработки месторождения, повысить коэффициент извлечения нефти, снизить трудозатраты на сбор, обработку и анализ производственных данных и повысить их достоверность и целостность.

Отдельные элементы интеллектуального месторождения были внедрены ЛУКОЙЛом и в Пермской области. На Кокуйском месторождении действующая система позволяет оперативно оценивать основные параметры работы скважин, в частности дебиты скважин, динамические уровни, давление. Кроме того, система держит под контролем все необходимые параметры работы насосного оборудования, а также способна непосредственно с пульта оператора менять длину хода, число качаний гидравлического привода штангового глубинного насоса.

В цифрах ситуацию можно продемонстрировать следующим образом. В РФ на 01.01.2015 количество цифровых месторождений достигло 26, что составило около 12 % от общего их количества в мире: ПАО «Роснефть» –

10; ПАО «Газпром» – 7 (1 морское безлюдное); ОАО «Лукойл» – 4; ОАО «НОВАТЭК» – 2 (1 безлюдное); ПАО «Татнефть» – 1; ОАО «РитЭК» – 1; ОАО «Зарубежнефть» – 1[7].

Количество же цифровых скважин в мире на 1.01.2015 превысило 15 000, из них в России – более 2 000. Внесение изменений в налоговую систему по стимулированию перехода нефтегазового комплекса на цифровой формат производства в режиме реального времени обеспечит внедрение цифровых и интеллектуальных технологий повышения коэффициента извлечения нефти с суммарным приростом запасов около 3 млрд. т. до 2030 г. и порядка 60 млн. т. в год дополнительно добытой нефти при темпах ежегодного отбора на уровне 2 %[7].

«Роснефть» краеугольным камнем своей стратегии «Роснефть-2022», видит ускоренную цифровизацию бизнеса, от скважины до пистолета на АЗС [11]. Татнефть планирует создать цифровые копии всех основных объектов разработки компании к 2020 — 2021 годам [9].

Цель создания цифровой нефтегазовой отрасли экономики РФ – это формирование инновационной концепции ценностей, моделей постановки проблем и их технико-технологических решений, направленных на цифровое развитие и рост капитализации компаний и отрасли в режиме реального времени.

Развитие и внедрение парадигмы цифровой нефтегазовой отрасли экономики РФ возможно путем решения задачи - создание базиса цифрового развития нефтегазовой отрасли. В рамках разрабатываемой Государственной программы по цифровизации нефтегазовой отрасли до 2035 г. предполагается создание трех групп базисов:

- инструментальный базис;
- технический базис;
- технологический базис[5].

Инструментальный базис включает в себя цифровизацию и оптикализацию нефтегазовых систем сбора, передачи, обработки промысловыми данными и системами мониторинга и управления.

Технический базис предполагает:

- создание постоянно действующего оперативного мониторинга нефтегазового производства на Мировом нефтегазовом рынке;

- перевод процессов управления эксплуатационным фондом скважин в режим реального времени;

- распространение опыта строительства 27 цифровых месторождений в Российской Федерации, способствующих значительному приросту запасов «легкой» нефти за счет снижения эксплуатационных затрат на 10-15%.

В основе технологического базиса находятся:

- создание новой цифровой нефтегазовой промышленности для безлюдного освоения углеводородных ресурсов в российской 200-мильной морской экономической зоне и Арктике, Восточной Сибири и Дальнего Востока;

- разработка Государственной программы цифровизации нефтегазовой отрасли и Государственной программы конверсии аэрокосмических и атомных технологий в нефтегазовые;

- переобучение кадров, высвобождаемых при реструктуризации нефтегазовой отрасли, новым высокотехнологичным специальностям – мобильный рабочий, геолог, инженер; оператор цифрового нефтегазового производства; оператор роботизированных скважинных и подводных комплексов.

Целевыми показателями цифровизации нефтегазовой отрасли экономики РФ могут быть:

- перевод всего эксплуатационного фонда скважин в управление режима реального времени к 2035 г.;

- прирост запасов легкой, маловязкой нефти до 3 млрд.т. и добычи нефти на 60 млн.т.;

- эффективный ввод в разработку запасов категории С2 - 10 млрд. тонн предварительно оценённых запасов нефти. Потенциал добычи по ним составляет порядка 100 млн. тонн в год [5];

- «возрождение старых месторождений» и вовлечение в разработку простаивающих запасов 2,1 млрд. тонн с использованием бионических и цифровых скважин, технологий ITPS, Cisco и др., что ежегодно добавит дополнительно до 40-42 млн. тонн добычи (при темпе отбора 2%);

- внедрение цифровых технологий МПН/МУН для увеличения КИН с

суммарным приростом запасов около 3 млрд.тонн до 2030 г., а это порядка 60 млн.тонн в год дополнительно добытой нефти (при темпе отбора 2%).

Все это позволит реализовать принятые проектные уровни добычи с ежегодным приростом добычи до 250 млн. тонн нефти.

В качестве индикаторов цифровизации нефтегазовой отрасли, которые позволят оценить достижимость результатов, ряд авторов предлагает следующие [3,5]:

- прирост капитализации компании за счет цифровизации, млрд.руб.;
- снижение удельных капитальных затрат за счет цифровизации, руб/т;
- снижение удельных эксплуатационных затрат за счет цифровизации, руб/т;
- центр интегрированных операций на цифровых месторождениях, штук;
- эксплуатационный фонд скважин режима реального времени, штук
- площадные (донные) оптоволоконные антенны, тысяч кв.км.;
- скважинные оптоволоконные распределенные сенсоры, тысяч км.
- оптоволоконные точечные сенсоры, тысяч шт.;
- интеллектуальный трубопровод, тысяч км.;
- мобильный нефтегазовый рабочий и ИТР, тысяч человек;
- интегрированная модель месторождения (ГОСТ 56450-2015), шт.

Однако необходимо помнить, что цифровизация деятельности нефтяных компаний – это крайне сложный, комплексный проект технико-организационно-экономических изменений, и как любой проект изменений, таит в себе массу проблем реализации.

В частности, нельзя сказать, что цифровизация распространяется в России масштабно и быстро. Старший советник по консалтингу в нефтегазовой промышленности компании PwC в России Дмитрий Мордовенко полагает, что причина осторожного отношения большинства российских нефтегазовых компаний к новой технологии не только в том, что они не имеют пока точной операционной модели для масштабного ее внедрения. И не только в отсутствии достаточного числа специалистов по внедрению и обслуживанию такой системы. Главное, по его мнению, то, что компании не стремятся тратить время и деньги на создание такой интеллектуальной системы [11].

Также на лицо кадровая проблема реализации данного масштабного изменения. Учебные заведения, как основные поставщики специалистов, не всегда успевают за требованиями времени. К слову, уже сегодня в IT-блоке «Газпромнефти» есть вакансии, специалистов для которых не готовит ни один вуз. По этой и ряду других причин «Газпромнефть» вынуждена была принять на себя все организационные и финансовые аспекты «выращивания» нужных компетенций.

Компании вынуждены менять требования к HR-специалистам, так как принимаемые стратегии кадрового обеспечения в области IT, как часть общей HR-стратегии компании, направленной на достижение ее глобальных целей предполагает четкое понимание сотрудниками HR-подразделений специфики подбора и найма IT-специалистов, подготовки и переподготовки IT-специалистов, адаптации в компании молодых сотрудников IT-подразделений и т.д.

Имеет место ярко выраженная зависимость от импорта оборудования для нефтегазового комплекса, которая снижает скорость реализации данного проекта изменений.

Еще одной существенной проблемой является проблема интеграции данных, сенсоров, процессов, технологий и персонала в единую интегрированную систему управления нефтегазовыми месторождениями, описанная целым рядом исследователей [1,2,3,4,6,8,10,17,19,20,21].

Образно концепцию цифрового месторождения можно представить как совокупность взаимодополняющих подходов, которая представлена на рисунке 1.

Данные подходы можно сгруппировать по шести направлениям:

- уточняемые геологические и инженерные модели;
- оперативное управление производственным процессом и активом на базе автоматизации;
- интеграция между процессами с финансово-экономическими и иными показателями деятельности;
- коллективная работа и совместное принятие решений;
- накопление и использование знаний, опыта и результатов деятельности.

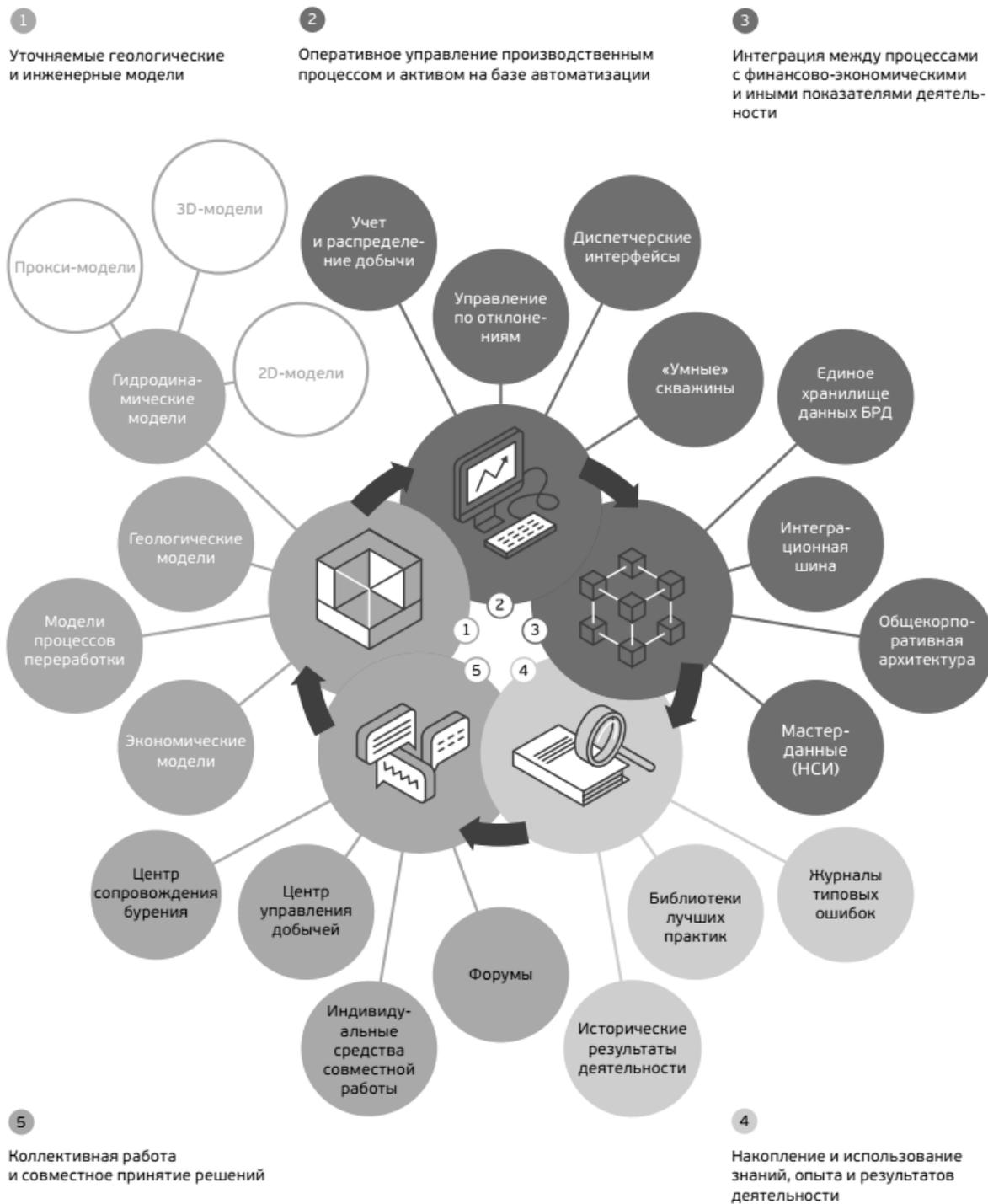

Рис. 1. Концепция цифрового месторождения, как совокупность взаимодополняющих подходов

И здесь уже приходится говорить о традиционных проблемах управления и внедрения изменений в организациях.

Во-первых, технические проблемы [15, 2]:

- отсутствие ресурсов – переоценка реальных возможностей в решении задачи внедрения инноваций, недостаток опыта и средств;
- внутренняя разобщенность – ярко выраженная дифференциация подразделений, характеризующая различие ценностей и норм, что обуславливает развитие социальных конфликтов между группами;
- размытость организационных целей – неопределенность будущего результата, которая сродни страху перед неизвестностью;
- закрепление успеха – возникновение в случае достижения успехов вопроса: зачем что-то менять, когда «лучшее – враг хорошего».

Во-вторых, политические проблемы [18, 1]:

- отсутствие согласия некоторых руководителей с новым способом ведения дел и скептическое отношение к необходимости перемен;
- угроза потери влияния и авторитета – реализация инноваций может привести к изменению характера отношений между руководителями и подчиненными;
- содержание процесса принятия решений – в ходе изменений необходимо осваивать новые (что означает – сложные) методы;
- преобразование источников власти – руководство не в состоянии мгновенно изменить формы воздействия, адаптировать действия под новые источники – экспертной власти или власти примера;
- критическое отношение – в ходе изменений обновляются старые способы управления, а это значит, «что прежде работа выполнялась неправильно».

В-третьих, культурологические проблемы [16, 1]:

- влияние «старых» ценностей – сотрудники не в силах принять новую систему идей, что приводит к состоянию беспомощности;
- сила традиций – утверждение «в старые времена жизнь была значительно лучше» основано на привычках и стереотипах, облегчающих ориентацию людей в социальном окружении;

- нормативный контроль – соблюдение правил обеспечивается посредством неформальных методов, а значит – психологически трудно отойти от соблюдения устоявшихся норм и т.д.

И если топ-менеджмент компании, выражает уверенность в необходимости проводимых изменений, то на местах, картина может выглядеть иначе и для того, чтобы столь масштабный проект концептуального изменения способа действий компании увенчался успехом, в систему управления проектом цифровизации должна быть интегрирована подсистема управления изменениями в компании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вьюков М.Г. К вопросу о причинах неудачных проектов организационно-экономических изменений промышленных предприятий // М.Г. Вьюков // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2016. № 10. С. 55-66.

2. Вьюков М.Г. Подходы к реализации стратегии «непрерывной оптимизации», как формы проекта изменений современной организации // М.Г. Вьюков // Евразийское Научное Объединение. 2016. Т. 2. № 10 (22). С. 102-104.

3. Гаричев С.Н., Еремин Н.А. Технология управления в реальном времени: учеб. пособие. В 2 ч. – М.: МФТИ, 2015. – Ч. 1. – 196 с. (Ч. 1).

4. Гаричев С.Н., Еремин Н.А. Технология управления в реальном времени: учеб. пособие. В 2 ч. – М.: МФТИ. 2015. – Ч. 2. – 304 с. (Ч. 2).

5. Дмитриевский А.Н., Еремин Н.А. Цифровая нефтегазовая экономика // «Мозговой штурм» по направлению "Цифровая экономика", Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2 февраля 2017 г. – электронный ресурс – режим доступа: <http://lib4ipng.ru/PDFs/doklad-2-fevralya-2017-eremin.pdf> - дата обращения 16.06.2017

6. Еремин Н.А. Управление разработкой интеллектуальных месторождений. В 2-х кн.: учеб. пособие для вузов.– Кн. 1. – М.: РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2011. – 200 с.

7. Еремин Н.А., Дмитриевский А.Н., Тихомиров Л.И. Настоящее и будущее интеллектуальных месторождений // Нефть. Газ. Инновации - № 12(182)2015 – с. 44-49

8. Еремин Н.А., Еремин А.Н., Еремин А.Н. Управление разработкой

интеллектуальных месторождений: учеб. пособие для вузов. В 2-х кн.: учеб. пособие для вузов. – Кн. 2. – М.: РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2012. – 165 с.

9. К 2021 году создадут цифровые модели всех скважин «Татнефти» - электронный ресурс – режим доступа: <http://islam-today.ru/novosti-tatarstana/k-2021-sozdadut-cifrovye-modeli-vseh-skvazin-tatnefti/> дата обращения – 13.07.2017

10. Коновалов С. Общемировые тенденции развития нефтегазовой индустрии. Как большие нефтегазовые компании адаптируются в период низких цен на нефть/газ // Партнерский саммит по решениям Cisco для нефтегазового сектора, г. Москва, Бизнес-центр «Крылатские холмы», 19 мая 2016 г.

11. Оцифрованная нефтедобыча – электронный ресурс – режим доступа: <http://nangs.org/news/business/otsifrovannaya-neftedobycha> - дата обращения 25.04.2017

12. Промышленные компании ускоряют внедрение цифровых технологий – электронный ресурс – режим доступа: <http://www.cio.ru/news/1541> - дата обращения 12.04.2017

13. Роснефть планирует ускорить цифровизацию бизнеса - электронный ресурс – режим доступа: <http://rcc.ru/article/rosneft-planiruet-uskorit-cifrovizaciyu-biznesa-60013> - дата обращения 26.06.2017

14. Цифровая эпоха. Приложение к журналу «Сибирская нефть» - электронный ресурс – режим доступа: <http://www.gazprom-neft.ru/files/journal/SNp117.pdf> - дата обращения 17.05.2017

15. Bovey W.H., Hede A. Resistance to organizational change: the role of cognitive and affective processes // Leadership & Organization Development Journal. – 2001. – Vol. 22. – № 8. – P. 375.

16. Buch K., Rivers D. TQM: the role of leadership and culture // Leadership & Organization Development Journal. – 2001. – Vol. 22. – № 8. – P. 365-371.

17. Eremin A.N., Eremin A.N., Eremin N.A. Smart Fields and Wells, Publishing Center of Kazakh-British Technical University (KBTU) JSC, 2013, 320 p., Almaty

18. Ford J.D., Ford L.W., McNamara R.T. Resistance and the background conversations of change // Journal of Organizational Change Management. – 2002. – Vol. 15. – № 2 – P. 106.

19. Garichev S.N., Eremin N.A. Technology of management in real time. The Moscow Institute of Physics and Technology (State University), Part 1, 2013, 228 p.

20. Garichev S.N., Eremin N.A. Technology of management in real time. The Moscow Institute of Physics and Technology (State University), Part 2, 2013, 167 p.

21. Вьюков М.Г. Подходы к реализации стратегии «непрерывной оптимизации», как формы проекта изменений современной организации // М.Г. Вьюков // Евразийское Научное Объединение. 2016. Т. 2. № 10 (22). С. 102-104.

22. Vyukov M.G. (2016) Integrated management of flows in petroleum products supply chains in the field of hydrocarbons deep processing Shinkevich A.I., Farrakhova A.A., Shinkevich M.V., Pavlova A.V., Vyukov M.G. International Journal of Economics and Financial Issues. 6(2). pp. 523-528.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Купцова Алина Ильдаровна

аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

alina.i.kuptsova@gmail.com

Ермолаева Полина Олеговна

Ведущий научный сотрудник

Цentra перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

Polina.Ermolaeva@tatar.ru

АНАЛИЗ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ К ИЗМЕНЕНИЯМ В РЕАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

ANALYSIS OF THE SENSITIVITY OF THE POPULATION TO CHANGES IN THE REAL ECONOMY

Аннотация. Одним из основных факторов обстановки, складывающейся в конкретном обществе, являются ориентации и поведение его членов. Изучение и прогнозирование установок и поведения населения невозможно без исследования и понимания механизмов, побуждающих социальных субъектов к деятельности. Такими побудительными механизмами является социальное настроение, которое выступает как индикатор реакции людей на условия своей жизни и влияния на нее целого ряда факторов. Также данная реакция может с определенным опозданием наложить отпечаток на экономическое развитие региона, следовательно, анализ данного явления

может помочь в принятии своевременных стабилизационных мер со стороны государства.

Ключевые слова: деловая активность, социальное самочувствие.

Abstract. One of the main factors of the situation in a particular society is the orientation and behavior of its members. It is impossible to study and forecast the attitudes and behavior of the population without research and understanding of the mechanisms that induce social actors to operate. Such incentive mechanisms are the social mood, which acts as an indicator of people's reaction to the conditions of their lives and the influence of a whole factor on it. Also, this reaction may with some delay delay the economic development of the region, therefore, the analysis of this phenomenon can help in the adoption of timely stabilization measures on the part of the state.

Keywords: business activity, social well-being.

Одним из основных факторов обстановки, складывающейся в конкретном обществе, являются ориентации и поведение его членов. Изучение и прогнозирование установок и поведения населения невозможно без исследования и понимания механизмов, побуждающих социальных субъектов к деятельности. Такими побудительными механизмами является социальное настроение, которое в практическом смысле выступает как индикатор реакции людей на условия своей жизни и влияния на нее целого комплекса социальных, политических и экономических факторов. [3] Также данная реакция может с определенным опозданием наложить отпечаток на экономическое развитие региона, следовательно, анализ данного явления может помочь в принятии своевременных стабилизационных мер со стороны государства.

В этой связи оценка существующей социальной политики и конкретных социальных программ становится сложной аналитической задачей,

требующей обоснованной разработки методов комплексного измерения результатов такой политики государства.

В исследовании была выдвинута научная гипотеза о наличии опережающих свойств у индекса социальных ожиданий по отношению к динамике экономического развития (за основу был взят индекс промышленного производства, поскольку информация по ежемесячной динамике валового выпуска продукции не предоставляется официальным органом статистики в России).

Основная цель, которая стояла перед нами заключалась в измерении индекса социальных настроений россиян и выявление опережающих свойств по отношению к динамике экономического развития страны. Объектом исследования выступило экономически активное население Российской Федерации в возрасте от 18 до 45 лет.

В данном исследовании нами была применена обновленная методика построения ИСН, разработанная коллективом Левада-Центра, как наиболее комплексная и надежная, основанная на многолетнем опыте проведения подобных исследований. На наш взгляд, выделяемые согласно данной методике четыре частных индекса (Индекс текущего положения семьи, Индекс текущего положения страны, Индекс ожиданий и Индекс оценки власти), отражают наиболее существенные аспекты массовых настроений. Достоинством данной методики построения ИСН является также простота и лаконичность расчета и анализа полученных результатов, а также доступность понимания результатов для широкой общественности.

В работе использовались социологические и экономические подходы. Методом социологического исследования стал метод массового опроса населения Российской Федерации по многоступенчатой стратифицированной случайной выборке (n=1600) в августе 2012 года.

Ошибка выборки составила не более 5%. Анализ данных производился при помощи статистического пакета SPSS (версия 20.0).

В основу экономического исследования был положен метод корреляционного анализа, позволяющий обнаружить зависимость между несколькими случайными величинами и оценить степень тесноты взаимосвязи. В данной работе был использован линейный коэффициент корреляции.

В рамках сбора социологических данных по исследуемой проблеме и для оценки её социального фона нами была применена методика построения Индекса социальных настроений (ИСН), разработанная сотрудниками Аналитического центра Юрия Левады [8]. Для построения данного индекса обычно используется 12 вопросов. В данном исследовании мы использовали 13 вопросов-индикаторов, учитывая оценки деятельности правительства регионов, в которых проживают респонденты. Все используемые вопросы нацелены на выделение положительных или отрицательных оценок текущей и будущей ситуации на личностном и общественном уровне.

На первом этапе расчетов индекса строятся индивидуальные индексы по распределениям ответов респондентов на каждый вопрос. Они отражают разницу положительных и отрицательных ответов (в процентах, %) на отдельные вопросы – индикаторы, учитываемые при расчетах сводного индекса. К этой разнице прибавляется 100, чтобы избежать отрицательных ответов. Совокупный индекс ИСН рассчитывается как средняя арифметическая из индивидуальных индексов. Таким образом, ИСН изменяется в интервале от 0 до 200, причем значения индекса менее 100 означают преобладание отрицательных оценок.

При построении ИСН принято выделять его компоненты – частные индексы, которые объединяют группу индивидуальных индексов, описывающих основные характеристики общественного сознания (Рисунок 1).

Выделяется четыре частных индекса:

- Индекс текущего личного положения (ИЛ), отражающий субъективные оценки материального положения семей респондентов (индикаторы № 1, 2);

- Индекс текущего положения страны (ИС), объединяющий оценки экономического и политического положения страны в целом (индикаторы № 3–5);
- Индекс ожиданий (ИО), отражающий представления людей о своём личном ближайшем будущем и будущем страны (индикаторы № 6–10)
- Индекс оценки власти (ИВ), отражающий уровень одобрения деятельности государственной власти в стране (индикаторы № 11–13).

Возможность использования описанной методики построения сводного показателя социальных настроений формально статистически подтверждается тем, что распределения ответов респондентов на все вопросы ИСН образуют один фактор, в котором все вопросы имеют примерно равные факторные нагрузки.

Данные проведенного нами исследования ³ дают основания для построения описанных выше частных индексов. Согласно разработанной ранее методике, первоначально были построены индивидуальные индексы, рассчитанные по каждому вопросу-индикатору (Рисунок 1). Только три из тринадцати индексов имеют значение выше 100, т.е. имеют больше положительных оценок, чем отрицательных. Интересно отметить, что все три этих индикатора относятся к самооценке настоящей и будущей ситуации в субъективной сфере личной жизни респондентов (настроение, положение семьи в настоящем и в будущем). Все остальные индикаторы, касающиеся политической и экономической ситуации в стране (причем как текущей, так и будущей), имеют индекс со значением менее 100, что свидетельствует о преобладании отрицательных оценок среди опрошенных жителей России. Два наиболее низких индекса присвоено индикаторам экономической ситуации в стране – текущей (вопрос-индикатор №3, индекс равен 59,9) и будущей (вопрос-индикатор №8, индекс равен 64,8).

³ - Исследование, проведенное командой ЦПЭИ АН РТ, июль 2012 г., 45 субъектов РФ, 1600 респ.

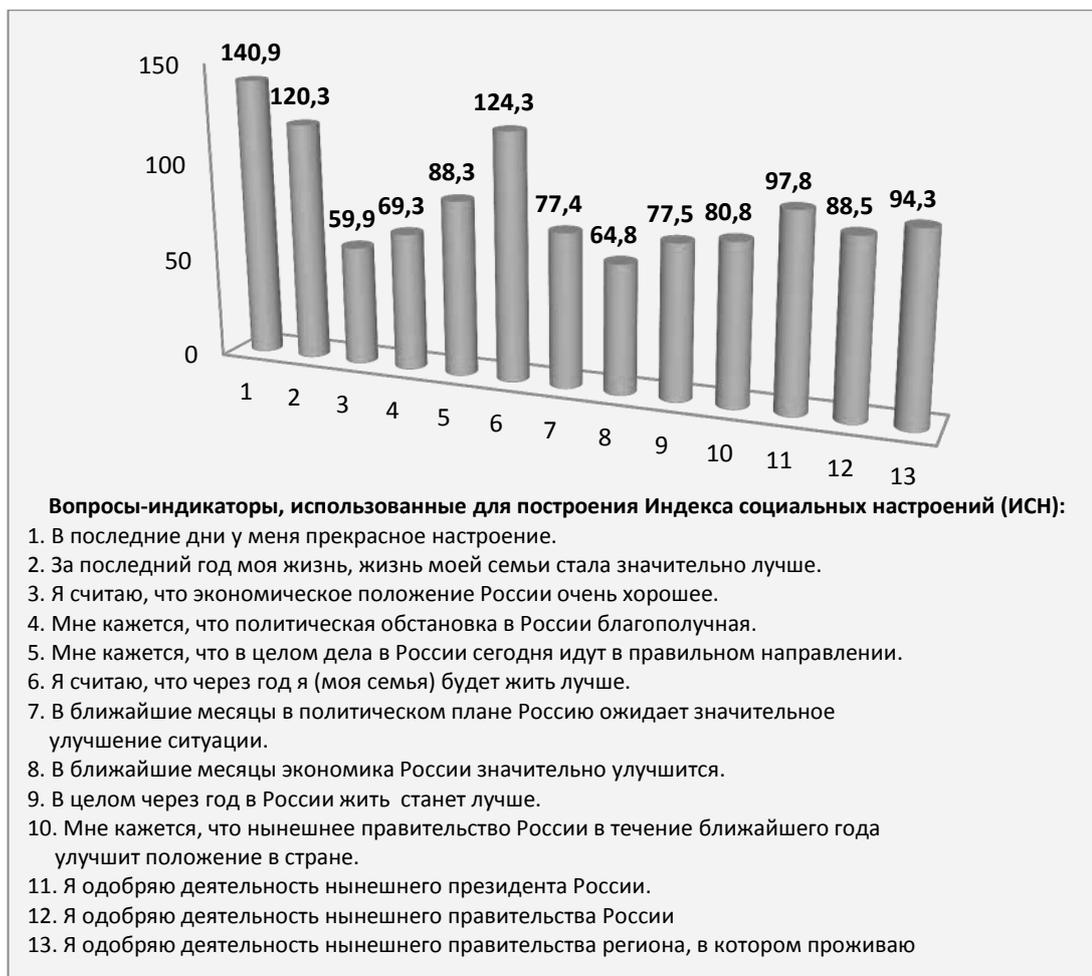

Рисунок 1. Индивидуальные индексы социального самочувствия населения России

На основании индивидуальных индексов и путем разбивки индикаторов на четыре соответствующие группы, были построены четыре частных индекса (Рисунок 2). Наибольшее значение получил индекс текущего личного положения (130,6), причем это единственный индекс, который имеет значение больше 100, т.е. только при оценке личного положения имело место преобладание положительных ответов. Наименьшее значение имеет частный индекс текущего положения страны (72,5), что свидетельствует о преобладании отрицательных оценок актуальной ситуации в России над положительными. При этом особого оптимизма относительно будущего опрошенные также не испытывают: частный индекс ожиданий получил значение также ниже 100 (85).

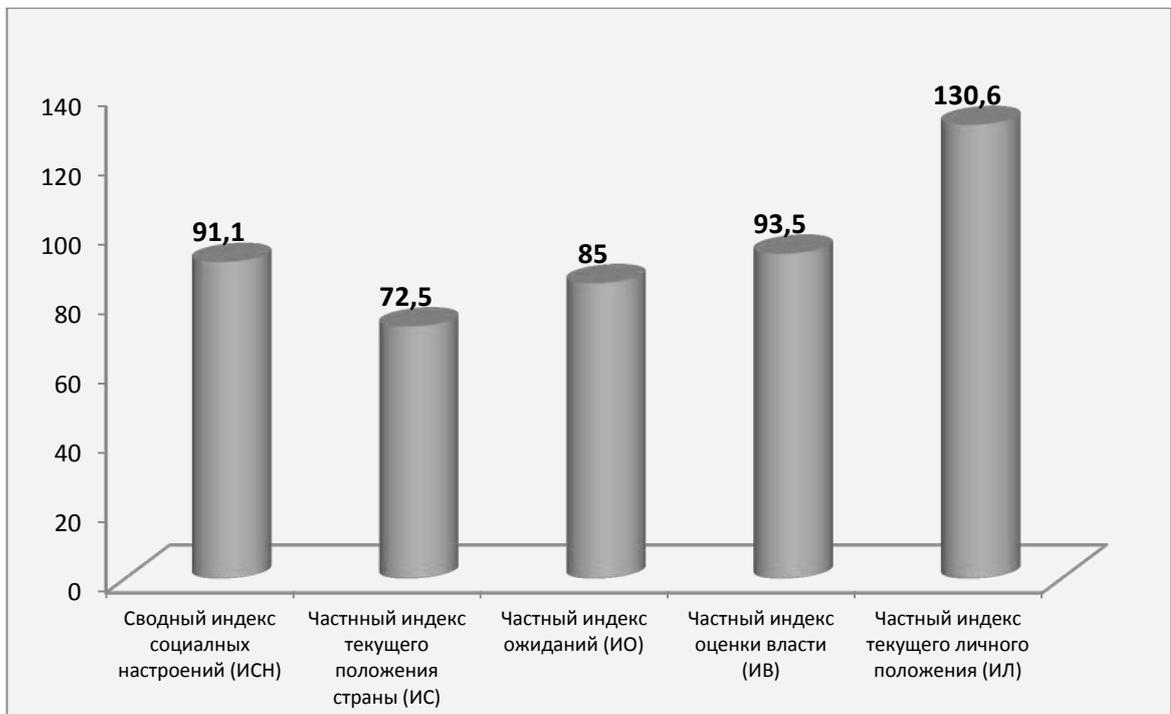

Рисунок 2. Частные и интегральный индексы социальных настроений населения России

Также был построен сводный индекс социальных настроений россиян, который оказался равен 91,1, что свидетельствует об общем незначительном превышении отрицательных оценок над положительными (Рисунок 2).

Согласно данным, полученным сотрудниками Левада-Центра за изучаемый период, индекс социальных настроений также был ниже 100. Его значение оказалось равно 80 (Рисунок 3), что несколько ниже значения, полученного в результате авторского исследования. Выявленные расхождения можно объяснить возрастными особенностями респондентов, составляющих выборку. Методика Левады-Центра предполагает охват всего населения старше 18 лет, в то время как выборка в проведенном нами исследовании включает в себя россиян в возрасте 18–45 лет, т.е. выборка в авторском исследовании «моложе», чем в исследованиях Левада-Центра [7].

Рисунок 3. Индекс социальных настроений россиян по версии Левады-Центра по состоянию на октябрь 2012 г.

Таким образом, результаты измерения индекса социальных настроений россиян показали, что при низких оценках деятельности социальных институтов и агентов (экономических и политических), на микроуровне россияне чувствуют себя вполне благополучно и защищенно. Текущее личное материальное положение россияне оценивают положительно, вместе с тем они неуверенно смотрят в будущее, им сложно строить долгосрочное планирование.

Выявленное в ходе исследования противоречие, с одной стороны, свидетельствуют о низком уровне институционального доверия россиян, страхе к долгосрочному планированию, сложившегося после многочисленных «государственных экспериментов», экономических реформ и политических пертурбаций.

С другой стороны, планирование россиян в категориях «здесь и сейчас», патернализм, господство норм исполнительства и деперсонализированных (коллективных) решений как рудимента советской эпохи не способствует налаживанию обратной связи с государством, развитию гражданской

активности населения для выдвижения собственных инициатив на макроуровне.

Далее мы проанализировали прогностические свойства у индекса социальных настроений. Если подтвердить предположение математическими инструментами, посчитанный индекс можно будет включить в базу основополагающих показателей сводного индекса деловой активности, значение которого с опережением указывает на характер краткосрочных изменений в экономике. Такая практика широко распространена в США. Элементы *Consumer sentiment index* являются составной частью группы показателей *Leading economic indicators* – набора индикаторов, на основании динамики которых делается краткосрочный прогноз развития экономики США.

С целью выявления опережающих свойств у индекса социального самочувствия, был проведен корреляционный анализ данного показателя и индекса промышленного производства (ИПП). Результаты данного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Корреляционный анализ данного показателя и индекса промышленного производства

Период	Индекс промышленного производства	Индекс социальных ожиданий_1	Индекс социальных ожиданий_2	Индекс социальных ожиданий_3
июн.09	104,80			
авг.09	100,60	0,99		
окт.09	99,70	1,04	0,99	
дек.09	108,00	1,00	1,04	0,99
фев.10	99,67	1,01	1,00	1,04
апр.10	98,53	0,97	1,01	1,00
июн.10	103,32	1,06	0,97	1,01
авг.10	100,49	0,95	1,06	0,97
окт.10	102,35	1,04	0,95	1,06
дек.10	107,94	0,97	1,04	0,95
фев.11	98,63	0,95	0,97	1,04
апр.11	96,96	0,98	0,95	0,97
июн.11	104,37	1,01	0,98	0,95
авг.11	100,71	1,06	1,01	0,98

Продолжение таблицы 1

окт.11	101,98	0,98	1,06	1,01
дек.11	106,91	0,96	0,98	1,06
фев.12	100,35	1,06	0,96	0,98
апр.12	96,80	1,00	1,06	0,96
июн.12	102,50	0,95	1,00	1,06
авг.12	100,00	0,98	0,95	1,00
окт.12	102,70	1,03	0,98	0,95
Коэффициент корреляции		-0,01	0,10	0,07

Корреляционный анализ показал, что гипотеза о наличии опережающих свойств у индекса социальных ожиданий отвергается. Коэффициенты корреляции не превышают 10% даже при лаге в полгода. Поэтому увязать данный индекс и динамику экономического развития достаточно сложно, несмотря на распространение подобной практике в зарубежных странах. Это может свидетельствовать о том, что на субъективное ощущение финансовой защищенности населения влияют другие факторы, действующие на микроуровне. Кроме этого, существуют социально-психологические факторы, влияющие на ответы респондентов. Согласно теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, индивид, идентифицируя себя с некоторой рефератной группой, стремится подогнать под ее стандарты свои нормы и ценности. Это минимизирует диссонанс, вызывает чувство принадлежности к группе, обеспечивает субъекту ее поддержку [6]. Поэтому респонденты называют уровень доходов, который считают "приличным" для своей группы. Например, они могут зависить доходы, чтобы дистанцироваться от других, с их точки зрения, менее уважаемых групп; или, считая свою семью учительской, не включить в суммарный доход выручку от продажи овощей с личного подсобного хозяйства [6].

Несмотря на это, мониторинг индекса социальных настроений, является механизмом управления социальными процессами, так как в социальном настроении отражен уровень политической и социальной напряженности в обществе. Эта информация может стать одним из действенных каналов для широких групп населения о социальных тенденциях в стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Красильникова М.Д. Комплексная оценка динамики социальных настроений населения России [Электронный ресурс] <http://www.socpol.ru/grantprog/pdf/Krasilnikova.pdf> (03.10.2012)
2. Лепешкин Н.Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: Региональный аспект [Электронный ресурс] <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-samochuvstvie-naseleniya-na-sovremennom-etape-transformatsii-rossiiskogo-obshches> (07.10.2012)
3. Лескова И. В. Социальные настроения российских граждан как инструмент общественной саморегуляции. [Электронный ресурс] http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/660.pdf (03.10.2012)
4. Яценко И.Н. Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города: социологический анализ. – Автореф. дисс. [Электронный ресурс] <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-nastroenie-i-samochuvstvie-naseleniya-malogo-severnogo-goroda-sotsiologicheskii-a#ixzz27ffdXZHX> (29.09.2012)
5. The Herald/Age-Lateral Economics Index of Australia's Wellbeing. [Электронный ресурс] <http://www.lateraleconomics.com.au/outputs/Fairfax%20Lateral%20Economics%20Index%20of%20Australia%27s%20Wellbeing%20Final%20Report.pdf> (07.10.2012); Constructing Summary Indices of Social Well-Being: A Model for the Effect of Heterogeneous Importance Weights. [Электронный ресурс] <http://faculty.gsm.ucdavis.edu/~mrhagert/Papers/CompositeInd.pdf> (07.10.2012)
6. Г.В. Градосельская. Субъективные и объективные оценки благосостояния <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115029#1>
7. Индексы. Индекс социальных настроений [Электронный ресурс] <http://www.levada.ru/indeksy>(02.10.2012)

8. Обновленная методика измерения индекса социальных настроений (ИСН) [Электронный ресурс] <http://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroenii-isn> (02.10.2012)
9. Нагимова А.М., Зайнуллина М.Р., Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Экономико-социологический анализ индекса социального самочувствия населения РТ. Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 3. С. 72-76.
10. Ермолаева П.О., Носкова Е.П., Шакирова А.Ф. Внутренний имидж Республики Татарстан: методологические подходы к изучению, результаты социологического исследования. Казань, 2014.

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНО - ПРАВОВЫЕ АКТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН,
РЕГУЛИРУЮЩИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.
СТРУКТУРЫ, НАДЕЛЕННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ
РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР ПОДДЕРЖКИ МСП**

**LEGISLATIVE AND NORMATIVE LEGAL ACTS OF THE
RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TATARSTAN,
THOSE REGULATE THE IMPLEMENTATION OF MEASURES OF
SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP**

Аннотация: В данной статье рассматривается перечень законодательных и нормативно правовых актов, которые регулируют осуществление мер поддержки предпринимательства в Российской Федерации и, в частности, в Республике Татарстан. Также рассматривается перечень операторов, наделенных полномочиями по разработке и реализации мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, включая разработку и реализацию ведомственных целевых программ.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, малый бизнес, поддержка малого бизнеса.

Abstract: This article discusses the list of legislative and normative legal acts those regulate the implementation of measures of support of small and medium entrepreneurship in Russian Federation and the Republic of Tatarstan.

Also the list of operators are discussed which have the authority to develop and implement measures of support of subjects of small and medium entrepreneurship, including the development and implementation of departmental target programs.

Keywords: small and medium entrepreneurship; small business; the support of SME.

В соответствии с пунктом 5 статьи 3 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 209-ФЗ) под поддержкой субъектов малого и среднего предпринимательства (далее — субъекты МСП) понимается деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП, осуществляемая в целях развития МСП в соответствии с государственными программами (подпрограммами) Российской Федерации, государственными программами (подпрограммами) субъектов Российской Федерации и муниципальными программами (подпрограммами), содержащими мероприятия, направленные на развитие МСП.

Частями 1 и 2 статьи 16 Федерального закона № 209-ФЗ установлено, что поддержка субъектов МСП и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП, включает в себя финансовую, имущественную, информационную, консультационную поддержку данных субъектов и организаций. При этом условия и порядок оказания поддержки субъектам МСП и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов МСП, устанавливаются нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами, принимаемыми в целях реализации государственных программ (подпрограмм) Российской

Федерации, государственных программ (подпрограмм) субъектов Российской Федерации, муниципальных программ (подпрограмм).

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 13 октября 2008 года № 753 полномочиями по разработке и реализации мер поддержки субъектов МСП, включая разработку и реализацию ведомственных целевых программ, наделены: Министерство экономического развития Российской Федерации; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Министерство энергетики Российской Федерации; Министерство транспорта Российской Федерации; Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации; Министерство промышленности и торговли Российской Федерации; Федеральное агентство по делам молодежи; Федеральное агентство водных ресурсов; Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям; Федеральное агентство по недропользованию; Федеральное агентство связи; Федеральное агентство морского и речного транспорта; Федеральное дорожное агентство; Федеральное агентство по рыболовству; Федеральное агентство воздушного транспорта; Федеральное агентство железнодорожного транспорта; Федеральное агентство по туризму.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 316 утверждена государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (далее — госпрограмма «Экономическое развитие и инновационная экономика»), в рамках которой реализуется подпрограмма 2 «Развитие малого и среднего предпринимательства» (ответственный исполнитель Минэкономразвития России).

Кроме того, мероприятия по государственной поддержке субъектов МСП осуществляются:

1. Минсельхозом России в рамках подпрограммы 4 «Поддержка малых форм хозяйствования» государственной программы Российской Федерации «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков

сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 года № 717 (до 13 апреля 2017 года).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2017 года № 396 «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы» госпрограмма «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы» изложена в новой редакции, в которой отсутствует подпрограмма 4 «Поддержка малых форм хозяйствования».

В новой редакции госпрограммы «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы» мероприятия по поддержке малых форм хозяйствования консолидированы в рамках основного мероприятия «Субсидии на содействие достижению целевых показателей региональных программ развития агропромышленного комплекса» Подпрограммы «Развитие отраслей агропромышленного комплекса».

2. Минпромторгом России в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 328, не закрепляющей государственную поддержку субъектов МСП в отдельные подпрограммы.

3. Государственной некоммерческой организацией Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, созданным постановлением Правительства Российской Федерации 3 февраля 1994 года № 65 «О Фонде содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» в форме федерального государственного бюджетного учреждения.

Фонд осуществляет финансовое обеспечение проектов на основе договоров (контрактов), а также путем предоставления грантов физическим и юридическим лицам на финансовое обеспечение проектов, в том числе проектов, результаты которых имеют перспективу коммерциализации и которые реализуются субъектами малого инновационного предпринимательства, и проектов по вовлечению молодежи в инновационную деятельность, реализуемых центрами молодежного инновационного творчества или в интересах центров молодежного инновационного творчества и других элементов инновационной инфраструктуры в целях последующего создания малых инновационных предприятий.

4. Акционерным обществом «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», созданным Указом Президента Российской Федерации 5 июня 2015 года № 287 «О мерах по дальнейшему развитию МСП» и Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития МСП в Российской Федерации», которое осуществляет деятельность в качестве государственного института развития МСП.

Этим же нормативным правовым актом были определены основные задачи Корпорации МСП: оказание финансовой, инфраструктурной, имущественной, юридической, методологической и иной поддержки субъектам МСП; привлечение денежных средств российских, иностранных и международных организаций в целях поддержки субъектов МСП; организация информационного, маркетингового, финансового и юридического сопровождения инвестиционных проектов, реализуемых субъектами МСП; организация мероприятий, направленных на увеличение доли закупок (в годовом объеме) товаров, работ, услуг государственными корпорациями, государственными компаниями, хозяйственными обществами, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации превышает 50 процентов, и дочерними хозяйственными

обществами, более 50 процентов уставного капитала которых принадлежит указанным юридическим лицам, а также иными заказчиками у субъектов МСП; осуществление оценки соответствия закупок товаров, работ, услуг требованиям законодательства Российской Федерации, предусматривающего участие субъектов МСП в закупках; обеспечение информационного взаимодействия Корпорации МСП с органами государственной власти Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными органами и организациями в целях оказания поддержки субъектам МСП; подготовка предложений о совершенствовании мер государственной поддержки субъектов МСП, в том числе в части, касающейся нормативно правового регулирования в этой сфере.

Кроме этого, пунктом 6 Указа Президента Российской Федерации рекомендовано органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления при участии Корпорации МСП организовать работу по поддержке МСП.

5. Акционерным обществом «Российским Банком поддержки малого и среднего предпринимательства», созданным на основании Федерального закона № 36-ФЗ «О федеральном бюджете на 1999 год» и во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 10 марта 1999 года 391-р «О создании Российского банка развития».

В соответствии с пунктом 2.3 Устава АО «МСП Банк», утвержденного решением единственного акционера от 17 декабря 2014 года № 29, основными задачами являются:

- обеспечение возможности доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам на всей территории Российской Федерации;
- организация финансовой и имущественной поддержки субъектов МСП, в том числе предприятий производственной сферы и компаний, участвующих в реализации высокотехнологичных, инновационных, модернизационных и энергоэффективных проектов.

С 21 апреля 2016 года 100 процентов акций АО «МСП Банк» принадлежат Корпорации МСП путем внесения в качестве вклада в уставной капитал в порядке оплаты, дополнительно размещаемых по закрытой подписке акций.

6. Федеральным государственным автономным учреждением «Российский фонд технологического развития», созданным Российской Федерацией и являющимся государственным фондом развития промышленности, входящим в состав инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности, и не закрепляющим государственную поддержку субъектов МСП как отдельное направление деятельности.

Частью 1 статьи 30 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ) установлена обязанность заказчиков осуществлять закупки у субъектов малого предпринимательства:

- до 4 июня 2014 года в размере не менее чем пятнадцать процентов совокупного годового объема закупок, предусмотренного планом-графиком.

- с 4 июня 2014 года в объеме не менее чем пятнадцать процентов совокупного годового объема закупок, рассчитанного с учетом части 1.1 статьи 30 Федерального закона 44-ФЗ.

Пунктом 2 частью 8 статьи 3 Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее - Федеральный закон № 223-ФЗ) установлено, что Правительство Российской Федерации вправе установить: особенности участия субъектов МСП в закупке, осуществляемой отдельными заказчиками, годовой объем закупки, который данные заказчики обязаны осуществить у таких субъектов, порядок расчета указанного объема, а также

форму годового отчета о закупке у субъектов МСП и требования к содержанию этого отчета.

В соответствии с пунктом 2 частью 8 статьи 3 Федерального закона № 223-ФЗ утверждено постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (вместе с «Положением об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, годовом объеме таких закупок и порядке расчета указанного объема», «Требованиями к содержанию годового отчета о закупке товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц у субъектов малого и среднего предпринимательства»).

В соответствии с пунктом 5 «Положения об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, годовом объеме таких закупок и порядке расчета указанного объема», утвержденного Постановлением № 1352, годовой объем закупок у субъектов МСП устанавливается в размере не менее чем 18 процентов совокупного годового стоимостного объема договоров, заключенных заказчиками по результатам закупок. При этом совокупный годовой стоимостной объем договоров, заключенных заказчиками с субъектами МСП по результатам закупок, осуществленных в соответствии с подпунктом «б» пункта 4 настоящего Положения, должен составлять не менее чем 10 процентов совокупного годового стоимостного объема договоров, заключенных заказчиками по результатам закупок.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2014 года № 1605 «О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства,

включая крестьянские (фермерские) хозяйства в 2015 году» утверждены «Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, в рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» в 2015 году».

В соответствии с Правилами № 1605 Минэкономразвития России используется методика определения расчетного лимита субсидии из федерального бюджета для каждого конкретного субъекта Российской Федерации, в том числе с учетом уровня его социально-экономического развития и эффективности реализации мероприятий по поддержке МСП.

Согласно Правилам № 1605 уровень софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации за счет субсидии из федерального бюджета был увеличен и составил от 80% до 95% расходного обязательства субъекта Российской Федерации, за счет не востребуемых субсидий 95% расходного обязательства субъекта Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 36 Правил № 1605 срок заключения соглашений между Минэкономразвития России и высшими органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации не позднее 15 августа текущего финансового года.

Пунктом 5 постановления Правительства № 1605 предусмотрено проведение Минэкономразвития России ежегодного мониторинга реализации мероприятий государственной поддержки малого и среднего предпринимательства и направление в Правительство Российской Федерации до 1 июля каждого года соответствующего доклада об использовании средств федерального бюджета на государственную поддержку субъектов МСП и оценке эффективности реализации мероприятий государственной поддержки МСП в Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1538 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» государственная программа дополнена Приложением №10 «Правила предоставления и распределения субсидий на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, а также на реализацию мероприятий по поддержке молодежного предпринимательства в рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства».

Правила № 1538 устанавливают цели, порядок и условия предоставления и распределения в 2017 - 2019 годах субсидий на государственную поддержку МСП, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, а также на реализацию мероприятий по поддержке молодежного предпринимательства в рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика».

Постановлением Правительства Российской Федерации от 06 сентября 2016 года № 887 утверждены общие требования к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам - производителям товаров, работ, услуг.

Основополагающим документом Республики Татарстан, регулирующим развитие МСП, стал принятый 24 декабря 2009 года Государственным Советом Республики Татарстан Закон Республики Татарстан № 7-ЗРТ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан».

Настоящий Закон регулирует отношения, возникающие между органами государственной власти Республики Татарстан и органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами в сфере

предоставления поддержки субъектам МСП в Республике Татарстан, определяет принципы, условия, формы и виды такой поддержки, источники средств и ресурсов поддержки, а также предусматривает иные меры, направленные на развитие МСП в Республике Татарстан.

Задачами настоящего Закона являются:

- 1) определение принципов, условий и форм поддержки МСП;
- 2) определение особенностей поддержки МСП в отдельных отраслях экономики;
- 3) совершенствование инфраструктуры поддержки субъектов МСП;
- 4) развитие механизмов финансовой поддержки МСП;
- 5) обеспечение доступа субъектов МСП к неэффективно используемому государственному имуществу;
- 6) повышение эффективности деятельности органов государственной власти Республики Татарстан и органов местного самоуправления по поддержке МСП.

Указом Президента Республики Татарстан от 11 октября 2012 года ЛФ УП-871 «Вопросы осуществления государственного регулирования в области поддержки и развития малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан» установлено, что функции государственного регулирования в области поддержки и развития МСП закреплены за Министерством экономики Республики Татарстан.

В Республике Татарстан реализуется подпрограмма 2 «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан на 2014 - 2017 годы» государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан на 2014-2020 годы», утвержденной постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 31 октября 2013 года № 823.

Целью подпрограммы является создание условий для эффективного функционирования и развития МСП как важнейшего компонента

формирования инновационной экономики, а также увеличение его вклада в решение задач социально-экономического развития Республики Татарстан.

Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 19 июня 2013 года № 416 утвержден Порядок отбора субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Татарстан для предоставления государственной поддержки в форме субсидий, в котором определены требования к заявителям, перечень документов для участия в конкурсном отборе, прием и рассмотрение конкурсных заявок, порядок обжалования решений, отбор субъектов для получения государственной поддержки.

Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 27 августа 2014 года № 616 утвержден Порядок аккредитации субъектов инфраструктуры имущественной поддержки малого и среднего предпринимательства Республики Татарстан в целях систематизации субъектов инфраструктуры имущественной поддержки МСП и определения процедуры проведения их аккредитации.

В целях реализации мероприятий по поддержке МСП Кабинетом министров Республики Татарстан с 2014 года приняты следующие постановления:

- от 9 июля 2014 года № 474 «О создании некоммерческой организации «Фонд финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Татарстан»; от 30 августа 2014 года № 626 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии некоммерческой организации «Гарантийный фонд Республики Татарстан»; от 8 октября 2014 года № 739 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии некоммерческой организации «Гарантийный фонд Республики Татарстан»;

- от 1 ноября 2014 года № 841 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии автономной некоммерческой организации «Камский центр кластерного развития субъектов малого и среднего предпринимательства»;

- от 1 ноября 2014 года № 843 «О создании акционерного общества «Региональный центр инжиниринга биотехнологий Республики Татарстан»;
- от 21 ноября 2014 года № 894 «О создании акционерного общества «Центр прототипирования и внедрения отечественной робототехники»;
- от 24 ноября 2014 года № 900 «О создании акционерного общества «Центр цифровых технологий»;
- от 5 декабря 2014 года № 944 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Татарстан»;
- от 11 июня 2015 года № 427 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии некоммерческой микрокредитной компании «Фонд поддержки предпринимательства Республики Татарстан» и признании утратившим силу Постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 29.08.2014 № 624 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии некоммерческой организации «Фонд финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан»;
- от 29 апреля 2016 года № 265 «Об утверждении Порядка подписания и утверждения заключений и уведомлений по результатам проведения Министерством экономики Республики Татарстан оценки соответствия и мониторинга соответствия, предусмотренных Федеральным законом от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;
- от 30 сентября 2014 года № 699 «О создании автономной некоммерческой организации «Камский центр кластерного развития субъектов малого и среднего предпринимательства»;

- от 6 октября 2014 года № 728 «Об утверждении Порядка отбора заявок, претендующих на включение в общую заявку от Республики Татарстан на получение федеральной субсидии по мероприятию «Создание промышленных (индустриальных) парков»;

- от 12 февраля 2016 года № 90 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета Республики Татарстан на возмещение части затрат юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам, осуществившим перевод транспортных средств на газомоторное топливо в Республике Татарстан»;

- от 1 июня 2016 года № 367 «О мерах по реализации дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда Республики Татарстан, в 2016 году»;

- от 7 октября 2016 года № 720 «Об утверждении Порядка представления грантов Правительства Республики Татарстан на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере народных художественных промыслов».

Также в Республики Татарстан действуют законы, предусматривающие налоговые льготы и преференции для субъектов МСП:

- от 29 сентября 2012 года № 65-ЗРТ «О введении на территории Республики Татарстан патентной системы налогообложения»;

- от 17 июня 2009 года № 19-ЗРТ «Об установлении дифференцированных налоговых ставок для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения»;

- от 28 ноября 2003 года № 49-ЗРТ «О налоге на имущество организаций»;

- от 13 февраля 2016 года № 5-ЗРТ «Об установлении налоговой ставки по налогу на прибыль организаций для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на

территориях монопрофильных муниципальных образований (моногородов) Республики Татарстан».

Кроме того, государственная поддержка субъектов МСП в Республике Татарстан осуществляется в соответствии с подпрограммой 4 «Поддержка малых форм хозяйствования» государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Республике Татарстан на 2013 - 2020 годы», утвержденной постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 8 апреля 2013 года № 235.

Целью подпрограммы является поддержание и дальнейшее развитие сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности малых форм хозяйствования и улучшение качества жизни в сельской местности, а также развитие садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Электронное периодическое издание Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс»
2. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Прыгунова М.И. Устойчивость и перспективы развития деловой активности малого и среднего предпринимательства в региональной экономике Российской Федерации. Казанский экономический вестник. 2015. № 5 (19). С. 46-53.
3. Безруких Ю.А., Богунов Л.А., Галицких В.Н., Ельшин Л.А., Катайкина Н.Н., Кожемяко С.В., Лохтина Л.М., Мамонтова С.В., Медведев С.О., Пивоварова И.В., Прыгунова М.И., Рубинская А.В., Сафиуллин М.Р., Устинова О.В., Утешев Р.С. Проблемы экономики и управления предприятиями, отраслями, комплексами. монография / Под общей редакцией С.С. Чернова. Новосибирск, 2015. Том Книга 29

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна

Доктор социологических наук, главный научный сотрудник
Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
chulpanildusovna@gmail.com

ПЧЕЛОВОДСТВО КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ НА СЕЛЕ

BEE-KEEPING AS AN ADAPTATION MECHANISM OF ELDERLY IN A RURAL AREA

Аннотация: В статье по-новому осмыслено пчеловодство – редкий вид аграрно-сельского труда; отражена роль занятых в данном виде аграрной деятельности пожилых людей. Пчеловод – это социально-профессиональная роль, адаптированная для пожилого человека, предоставляющая возможность реализации его творческого, интеллектуального, физического потенциала. Пчеловодство как вид занятости является эффективной мерой культурной адаптации при переходе в пенсионный возраст и способствует позитивной возрастной идентичности пожилых сельчан.

Ключевые слова: пожилые, село, пчеловодство, аграрный труд, старение, Республика Татарстан

Abstract: The article views bee-keeping (rare type of agricultural-rural labor) in a new research aspect. The role of elderly people in this sphere of employment is analyzed. Bee keeper is a social and professional role that is adapted to elderly people and gives them an opportunity to fulfill their creative,

intellectual and physical potential. Bee keeping as a type of employment is an effective means of cultural adaptation in the period of transition to the retirement age and promotes positive age identity of elderly people.

Keywords: elderly, rural area, beekeeping, agricultural labor, aging, the Republic of Tatarstan

Современное мировое сообщество приняло на себя острый демографический вызов – старение населения. Соглашаясь с утверждением С. Биггза и И. Хапала, мы считаем, что старение представляет собой не только демографический, но и социально-культурный феномен [1].

Наиболее остро данное социально-демографическое явление затронуло сельские территории. С одной стороны, сельское пространство позволяет пожилым людям жить в соответствии с экономическими возможностями пенсионера, с другой стороны, данная территория предоставляет людям третьего возраста возможность успешно ресоциализироваться в условиях, когда они стали не нужны ни государству, ни работодателю.

Старение как процесс перехода из одного социально-физиологического состояния в другое сопровождается разными формами адаптации. Стратегии адаптивного поведения пожилых на селе варьируются. Обретению статуса пенсионера сопутствует освоение новой социальной роли, понимание которой, на наш взгляд, выражается в разных адаптационных паттернах [2]. Один адаптационный паттерн связан с принятием своего нового положения, допущением и восприятием пожилым человеком периода старости как активного. Данный тип пожилых характеризуется социальной активностью и создает себе формы самозанятости. Другой адаптационный паттерн подразумевает пассивное освоение роли пенсионера, ограничение своей физической, интеллектуальной деятельности. Третий адаптационный паттерн представляет собой деструктивное поведение (алкоголизм, пренебрежение гигиеной), негативную самоидентификацию со статусом пенсионера. Первый

обозначенный адаптационный паттерн является идеальной моделью адаптивного поведения пожилых людей, его мы и рассмотрим в статье.

В условиях роста продолжительности жизни стоит задача активизации человеческого фактора социально-демографической группой пожилых – возможности деятельности как в сфере труда, так и в обществе. Рост продолжительности жизни, связанный как с развитием медицины, так и улучшением качества жизни, сдвинул рамки категории «старость». Пожилые люди все дольше живут и дольше остаются активными, деятельными. В современном обществе роль пожилых людей заключается, в том числе, в уходе за еще более пожилыми родственниками. По наблюдению А. Риккарди, достижение 65 летнего рубежа не означает исключения из социальной и трудовой жизни, сопряжено с практиками, по своей сути попадающими под определение «социальная работа» – уход за другими пожилыми, брачным партнером, престарелыми родителями [3].

Стоит заметить, что в России, к примеру, практика ведения приусадебного хозяйства, а точнее активного садоводства, растениеводства, овощеводства, цветоводства, была и остается типичным образом жизни престарелых горожан, имеющих загородные участки. Это было стабильным способом добычи источников пропитания в советское время и по-прежнему остается таковым для большинства пожилых россиян базового слоя и ниже, способных по физическому состоянию заниматься земляными работами.

Несмотря на ограничение формальной оплачиваемой занятости по достижении пенсионного возраста, существует социально-территориальное пространство, в котором пожилые люди проявляют активность – творческую, трудовую, деятельностную. Таким социальным пространством выступает село [5]. Значимым для поколения нынешних пожилых, как непосредственно сельских, так и городских, является факт их деревенского происхождения.

Проживание в пожилом возрасте на селе в любом случае сопряжено с вовлеченностью в сельскохозяйственную деятельность. Если пчеловодство по России в целом со второй половины 20 века до настоящего времени

претерпело существенный спад, то в наименьшей мере он затронул любительский (приусадебный) сектор, где сокращение достигло около 9% (а в коллективных хозяйствах сократилось в 10 раз) [6].

Результаты эмпирического социологического исследования, проведенного автором на средства гранта Российского гуманитарного научного фонда № 16–03–00084 от 19 мая 2016 года «Социально-ролевая и профессиональная структура занятых в редких видах аграрно-сельского труда», позволяют проанализировать пчеловодство как адаптационный паттерн пожилых на селе. Выводы, представленные ниже, сформулированы по итогам этнографического кейс-стади 2016 г. в муниципальных районах Республики Татарстан [9].

В ходе исследования было выявлено, что пчеловодство выполняет несколько важных для жизнедеятельности людей третьего возраста функций.

1. Наличие трудовой деятельности, наполненной смыслом.

«Мы втроем пасеку держим, все одинакового возраста примерно. Возраст не имеет значения. Если в голове есть что-то такое, чтобы заниматься этим делом, доход приносить или что-то, то возраст не играет роли. Наш наставник, Паладьев, ему 87 лет, какой там возраст влияет? До сих пор мед продает», – муж., 63 года.

Пчеловодство как вид занятости предоставляет возможности и воплощения управленческих амбиций пожилых.

«Я знаю бабая одного, ему 94 года, он еще держится. Бабай он как бригадир только работает, 94 года, у него 110 голов. Там две дочери и зятья. Там целая бригада. Он только руководит ими», – муж., 65 лет.

«Мой коллега-земляк перетянул меня сюда, чтобы ему не скучно было, и чтобы на пенсии у них были одни интересы, он мне предложил пчеловодством заниматься. Сагитт просто пришел и сказал: «Давай, будем пчеловодством заниматься». Я спросил, что надо для этого и все. Подсказал он. Первый год вообще под его руководством, до сих пор его руководством», – муж., 65 лет.

2. Возможность заработка.

«Кто-то пытается заработать на меде в республике, кто-то на этом старается жить, кто-то на зарплату жены и это добавочный доход у них. Это параллельный труд, параллельное житие, параллельный доход», – муж., 72 года.

«Когда люди выходят на пенсию, возвращаются сюда. Все в село возвращаются – кто-то умирать возвращается, кто выживать, кто выпивать, кто пчеловодством заниматься», – муж., 72 года.

3. Включенность в сообщество.

«Для меня важно общаться с другими пчеловодами. Поспрашивать надо, переговорить надо. Он что делает, ты чего делать будешь, у кого какой урожай, почему у тебя меньше, а у меня больше, даже поскандалить можно», – муж., 63 года.

«Общаюсь с другими пчеловодами, друзья есть. Спрашиваем друг друга, как дела идут, какие виды работ уже по пчелам кто начал», – муж., 63 года.

Анализ жизненных траекторий пожилых сельчан выявил, что к активному адаптационному паттерну относятся индивиды, которые на протяжении всей жизни были включены в разнообразные виды деятельности. В данной подгруппе высоко число тех сельчан, кто за последние 20 лет, предшествующие опросу, избирался депутатом, входил в разные комиссии при муниципалитете, участвовал в общих работах по благоустройству села, оказывал помощь пострадавшим от стихийных бедствий, оказывал безвозмездную помощь старикам, инвалидам и др.

Новым в осмыслении пчеловодства – редкого вида аграрно-сельского труда – в статье отражена роль занятых в данном виде аграрной деятельности пожилых людей. Пчеловод – это социально-профессиональная роль, адаптированная для пожилого человека, предоставляющая возможность реализации его творческого, интеллектуального, физического потенциала. Пчеловодство как вид занятости является эффективной мерой культурной

адаптации при переходе в пенсионный возраст и способствует позитивной возрастной идентичности пожилых сельчан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биггз С., Хапала И. Долгая жизнь, взаимопонимание и эмпатия поколений / пер. с англ. А.А.Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. №2. – с. 46-58. – с. 46.
2. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с. – с. 340.
3. Рикарди А. Старость: крушение или надежный причал / Сила возраста: уроки старости для семей и молодежи / под ред. Дж. Батталья. – СПб.: Алетейя, 2016. – 325 с. – с. 34.
4. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер. с англ. и коммент. Ю.А.Асеева. М., «Наука», 1983.
5. Ильдарханова Ч. И. Модернизация жизненного пространства села: ресурсный потенциал [монография]. – Ижевск: ООО «Принт», 2015. – 227 с.
6. Лебедев В.И., Докукин Ю.В., Прокофьева Л.В. Состояние и перспективы отечественного пчеловодства // Пчеловодство, 2015, №5.
7. Саралиева З.М., Балабанов С.С. Пожилой человек в центральной России // Социс. – 1999, №12. – с. 54-65.
8. Николаева О.Г. Пенсионеры современной России: региональные модели стиля жизни // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. – Казань, 2011. – 174 с.
9. Ильдарханова Ч.И. Перспективы воспроизводства сельскохозяйственного ремесла: межпоколенческий аспект // Стратегическое управление социально-экономическим развитием агропродовольственного комплекса России в условиях роста глобальной конкуренции: Материалы Островских чтений 2016. - Саратов: Изд-во ИАГП РАН, - 2016. – 582 с

Княгинина Ксения Ивановна

аспирант

Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

Woody4545@yandex.ru

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

доктор социологических наук, профессор,

главный научный сотрудник

Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

[Yulduz Hayrullina@tatar.ru](mailto:Yulduz.Hayrullina@tatar.ru)

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА КАК ФУНКЦИЯ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

FROM THE INDIVIDUAL TO THE NATIONAL HUMAN CAPITAL

Аннотация. Массовое производство человеческого капитала является следствием функционирования учреждений высшего профессионального образования, которыми представлен институт высшего образования в регионах, следовательно, региональный уровень следует считать наиболее важным в производстве человеческого капитала. Помимо выполнения своей прямой функции – массового производства высококачественного человеческого капитала для нужд региона – он обеспечивает иммиграцию человеческого капитала из других регионов.

Ключевые слова: региональный человеческий капитал, институт высшего профессионального образования, качество жизни в регионе, миграция, городская инфраструктура, социальный капитал.

Abstract: Mass production of human capital is a consequence of access to higher education, which represents the institution of higher education in the regions, region, region, and regional level. In addition to fulfilling its direct function of mass production of high-quality human capital for the needs of the region, they ensure the immigration of human capital from other regions.

Keywords: Regional human capital, institute of higher education, quality of life in the region, migration, urban infrastructure, social capital

Важнейшим фактором повышения благосостояния общества является развитие его человеческой составляющей, того что Карл Маркс называл производительными силами. В современных условиях повсеместного применения высоких технологий это развитие наиболее целесообразно проводить путем повышения количества и качества практически применимых для удовлетворения потребностей членов общества знаний, умений и навыков каждого члена общества – того, что Теодор Шульц называл человеческим капиталом. Исходя из определения человеческого капитала через общественно полезные знания, умения и навыки можно с уверенностью говорить о том, что институтом, отвечающим за производство человеческого капитала, является институт высшего профессионального образования.

Человеческий капитал можно разделить по субъектам, обладающим им. Здесь следует выделить индивидуальный, человеческий капитал организации, региональный, национальный и глобальный человеческий капитал. Причем в случае индивидуального человеческого капитала следует иметь в виду, что, во-первых, важен не только уровень человеческого

капитала, которым обладают индивиды, включенные в организацию либо регион, но и количество индивидов, обладающих высоким человеческим капиталом, а во-вторых, поскольку человеческий капитал при передаче только увеличивается за счет своего информационного характера, человеческий капитал организации или региона не равен сумме человеческих капиталов входящих в них индивидов, а значительно превышает ее[1].

Массовое производство человеческого капитала является следствием функционирования учреждений высшего профессионального образования, которыми представлен институт высшего образования в регионах, следовательно, региональный уровень следует считать наиболее важным в производстве человеческого капитала. Поскольку целенаправленное производство человеческого капитала происходит путем передачи накопленного и систематизированного в научной литературе и учебных пособиях опыта одних людей другим в ходе специфического учебного процесса, а не самостоятельной аккумуляции опыта индивидами в ходе трудовой деятельности, оно требует большой концентрации человеческого капитала в одном месте[6]. Из этого следует необходимость с одной стороны децентрализации учреждений, представляющих институт высшего образования, на национальном уровне и с другой стороны концентрации этих учреждений на уровне регионов в региональных центрах. Также из этого следует, что производство человеческого капитала неразрывно связано с его миграцией, благодаря которой, во-первых, происходит концентрация в одном населенном пункте большого количества людей, обладающих высоким человеческим капиталом, а во-вторых, приток людей, прибывающих с целью повысить свой человеческий капитал. Поскольку массовое производство высококачественного человеческого капитала требует его концентрации, произведенный капитал также изначально сконцентрирован в региональных центрах, что только увеличивает разницу в скорости его накопления в населенных пунктах внутри региона [2].

Однако формирование регионального человеческого капитала не ограничивается его производством внутри региона. Его значительной частью является миграция человеческого капитала, которую можно разделить на образовательную и трудовую миграцию. Межрегиональная образовательная миграция связана с разницей в количествах человеческого капитала в различных региональных центрах, то есть индивиды мигрируют в целях обучения в вузах, образование в которых считается более престижным и полезным при трудоустройстве и в процессе трудовой деятельности. Теория человеческого капитала не дает ответа на вопрос, каким образом этот процесс сказывается на количестве человеческого капитала в регионе, в который индивид прибыл с целью обучения, и в регионе, из которого выбыл, поскольку, согласно ей, индивид в процессе образования получает знания[2], умения и навыки, необходимые для определенной сферы трудовой деятельности, независимо от того, где эта трудовая деятельность происходит. Однако ответ на этот вопрос позволяет получить дополнение теории человеческого капитала достижениями теории социального капитала и теории городской инфраструктуры. Согласно теории социального капитала, индивид в процессе получения высшего профессионального образования помимо необходимых для трудовой деятельности знаний, умений и навыков приобретает полезные знакомства в лице индивидов, в результате личного общения знающих о его личных и профессиональных качествах и испытывающих к нему широкий спектр положительных чувств от профессиональной симпатии до личной эмоциональной привязанности.[4] И, поскольку речь идет о получении высшего профессионального образования в престижном вузе, то есть о производстве высококачественного человеческого капитала, многие из этих индивидов обладают таким капиталом и могут быть лицами, принимающими решения в какой-либо организации либо иметь друзей среди таких лиц. Также само понятие престижа вуза связано с теорией социального капитала, поскольку отражает не реальное качество производимого вузом человеческого капитала, а общественное мнение на

этот счет, то есть мнение, в том числе людей некомпетентных в данном вопросе и оценивающих вуз, ориентируясь на мнение других людей и такие показатели как процент трудоустроившихся по специальности выпускников. То есть при сочетании положений теорий человеческого капитала и социального капитала следует вывод о том, что регион, обладающий более престижными вузами имеет больше возможностей для концентрации в своей региональном центре высококачественного человеческого капитала, поскольку, во-первых, привлекает большую образовательную иммиграцию, а во-вторых, выпускники этих вузов имеют больше шансов на трудоустройство в регионе, в котором получили образование, чем в родном. Также следует рассмотреть сочетание положений теории человеческого капитала и теории городской инфраструктуры. Согласно этой теории, в населенных пунктах, в которых сосредоточено производство, люди организуют системы мер и организаций, которые не только обслуживают это производство, но и дополнительно способствуют развитию других предприятий.[3] В настоящее время принято выделять экономическую инфраструктуру города – систему дорог, информационных коммуникаций и финансовых организаций, и социальную инфраструктуру города – систему учреждений, направленных на всестороннее развитие населения и повышение его уровня жизни – образовательных, медицинских, спортивных, культурных и развлекательных. Развитие городской инфраструктуры способствует развитию как крупных предприятий, так и малого бизнеса, повышению уровня жизни населения, увеличению его численности за счет естественного прироста и трудовой иммиграции. Что в свою очередь приводит к росту текущих потребностей населения и возникновению новых, то есть способствует росту предпринимательства, привлечению предпринимателей и квалифицированных специалистов из других регионов. Центральными элементами этих инфраструктур являются производство товаров и услуг, удовлетворяющих человеческие потребности, и производство квалифицированных кадров, то есть человеческого капитала. Логично

предположить, что обе они развиваются параллельно и зависят от развитости друг друга. И, поскольку главным элементом трудовой деятельности, от которого зависит научно-техническое и экономическое развитие и уровень жизни в регионе является человек, развитие городской инфраструктуры следует считать результатом производства человеческого капитала. То есть, деятельность учреждений высшего профессионального образования способствует привлечению в регион человеческого капитала путем трудовой иммиграции.

Таким образом, учреждения высшего профессионального образования, которыми представлен институт высшего образования на региональном уровне, являются важнейшим фактором формирования регионального человеческого капитала. Помимо выполнения своей прямой функции – массового производства высококачественного человеческого капитала для нужд региона – они обеспечивают иммиграцию человеческого капитала из других регионов. Также, поскольку в местах производства человеческого капитала активно развивается городская инфраструктура, необходимая для его реализации, происходит трудовая иммиграция в региональные центры, производящие человеческий капитал, то есть обладающие учреждениями высшего профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аберкомби Н. Социологический словарь // Н. Аберкомби, С. Хилл, Б. С. Тернер; под редакцией С. А. Ерофеева. – 2-е изд. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.
2. Важенин С.Г. Социальная инфраструктура народохозяйственного комплекса // С. Г. Важенин. – М., 1984. – 357с.
3. Дубянская Г.Ю. Экономико-статистический анализ заработной платы в России. 1991-2001 гг. [Текст]. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 256 с.

4. Кузьмина Н. Г. Формирование и использование человеческого капитала на региональном уровне (На примере Еврейской автономной области) // Н. Г. Кузьмина; под редакцией Шкуркина А. М. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2007. – 179 с.

5. «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. Президентом РФ) // Сайт Президента Российской Федерации – <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 06.04.2017).

6. Носкова К.А., Носкова С.В. Влияние индивидуального человеческого капитала на формирование регионального человеческого капитала // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/11/6337> (дата обращения: 06.04.2017).

7. Хайруллина Ю. Р., Княгинина К. И. Человеческий капитал: теоретический и практический аспекты // Россия в пространстве глобальных трансформаций: в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике. XIX Вавиловские чтения: материалы международной междисциплинарной научной конференции / под общ. ред. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2016. С. 223–225.

8. Хайруллина Ю.Р., Княгинина К.И. СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Выпуск 4 (в печати.)

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Хайруллин Рустам Минхайдарович

аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

e-mail: Rustam83@rambler.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ)

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF STUDY OF RELIGIOUS TOLERANCE (SYSTEMATIZATION OF APPROACHES)

Аннотация: в статье представлен теоретико-методологический анализ различных точек зрения к изучению религиозной толерантности. Представлен авторский подход к их систематизации. Предлагается разделять исторический, территориальный, институционально-групповой и факторный подходы. Раскрываются положения, характеризующие специфику каждого подхода.

Ключевые слова: религиозная толерантность, подходы, теоретико-методологический анализ.

Abstract: the article presents theoretical-methodological analysis of different points of view to the study of religious tolerance. Presents the author's approach to their classification. It is proposed to separate the historical, territorial, institutional, group and factor approaches. Reveals the provisions that characterize the specificity of each campaign.

Keywords: religious tolerance, approaches, theoretical-methodological analysis.

Религиозная толерантность представляет собой одну из форм толерантности. Данный термин изначально применялся в естественных науках и был впервые использован в 1953 г. английским иммунологом П. Медавара для обозначения терпимости со стороны иммунной системы по отношению к пересаженным инородным тканям [2].

Стоит отметить, что на начальном этапе своего научного осмысления данный термин связывался с веротерпимостью и зародился в трудах Ф. Аквинского, Н. Кузанского, М. Падуанского, У. Оккамы, И. Солсберийского, И. С. Эриугена, С. Каstellиона и др. Расширение смыслового содержания термина «толерантность» происходит в трудах философов Нового времени. Именно в этот период в его понимание включается правовое и политическое содержание и устанавливается связь с принципами гражданского общества. Постепенно в значение термина «толерантность» начинают закладываться ценностно-нормативные аспекты, идеи свободы, равенства, уважения к человеку и его правам, свободолюбия, социальной справедливости и равноправия.

В современной научной литературе представлены социологические, философские, психологические и этнологические подходы к пониманию толерантности. Достаточно часто с целью создания всеохватывающей картины происходящих в обществе тенденций проводятся исследования междисциплинарного характера [7, 8, 9].

Детализация вопроса показывает, что в случае с религиозной толерантностью речь идет о взаимодействии представителей различных религий. И здесь ракурс исследований достаточно широк, поэтому в статье предлагается осуществить систематизацию различных направлений в области изучения данной темы.

В качестве первого направления считаем необходимым обозначить исследования, фокус анализа которых направлен на раскрытие истории вопроса. Его предлагается назвать историческим. В целом работы его представителей направлены на освещение исторических аспектов понимания термина «толерантность», его формирования в разные эпохи, империи, периоды правления различных политических лидеров и правителей. В данном направлении присутствуют работы, фокус анализа которых направлен на изучение становления основ религиозной толерантности в рамках отечественной истории. Анализируя толерантность в различных исторических периодах, исследователи изучают многообразные факторы ее формирования, в том числе и на политическом уровне, с точки зрения отношения глав и правителей к представителям иных конфессий, создание правовых основ взаимодействия представителей различных религий и специально созданных советов для улаживания споров по религиозным вопросам [5, 10].

Территориальное направление, для которого характерна внутренняя дифференциация научного анализа в зависимости от специфики территории, выбранной в качестве объекта исследования в плане решения вопросов толерантности. В частности, объектом может выступать отдельная страна, в том числе и страны бывшего СССР, регионы современной России, города и особенно мегаполисы. Как правило, объект исследования имеет следующие общие черты: он поликонфессионален; имеет опыт продолжительного взаимодействия более двух религиозных конфессий; реализует (или имеет стремление реализовывать) политику, основанную на принципах толерантности, и имеет свои отличительные разработки в этой области; представители религий на данной территории когда-либо сталкивались (или сталкиваются) с проявлением дискриминации по религиозному принципу; может иметь место усиление миграционных потоков, что воздействует на рост числа представителей иных религий и религиозных течений и возникновение проблем совмещения гражданской, этнической и религиозной идентичностей [1, 6, 12].

Особо стоит выделить работы, посвященные анализу религиозной толерантности в многоконфессиональных регионах России. Объектом их исследования является состояние религиозной толерантности в регионе, причины и факторы имеющейся напряженности или проявлений интолерантного отношения, представление итогов социологических исследований, посвященных изучению общественного мнения по данной тематике. В рамках данного направления также освещается проблема совместимости гражданской, этнической и религиозной идентичностей, влияния смены характера миграции на уровень толерантности населения, его социальные установки по отношению к представителям других религий [3, 13].

Институционально-групповое направление, в рамках которого можно выделить два поднаправления. Первое акцент ставит на изучении взаимодействия различных религий, и в данном значении толерантность рассматривается через институциональное измерение. Второй блок работ ориентирован на исследование вопросов религиозной толерантности у молодежи как социальной группы. Акцент на данную социальную группу вполне очевиден. Как демонстрируют итоги многих проанализированных в работе исследований, именно данная социальная группа внутренне достаточно дифференцирована, ее представители социально уязвимы, их положение в экономическом плане отличается нестабильностью. Именно данная социальная группа, а точнее некоторые ее представители, вследствие нарушенной религиозной идентификации может стать носителем каких-либо религиозных фобий, интолерантных установок и реализовывать их развитие [4, 11, 14].

В основу факторного направления заложено изучение религиозной толерантности как фактора развития различных аспектов общественной жизни. И здесь проблемное поле представляется достаточно широким и объемным, т.к. включает в себя вопросы религиозной толерантности как фактора политической стабильности и социальной интеграции, предотвращения экстремизма и пр.

Таким образом, проведенная систематизация проблемных аспектов в изучении религиозной толерантности позволила обозначить следующие направления: историческое (в центр ставит вопросы истории развития религиозной толерантности); территориальное (исследование толерантности на различных территориальных образованиях); институционально-групповое (толерантность различных социально-демографических групп и религий как социального института); факторное (изучение религиозной толерантности как фактора развития социальной жизни или ее отдельного процесса, а также сохранения безопасности в целом).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белозерова А.С. Религиозная толерантность в обществе социального транзита / А. С. Белозерова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – №3. – С. 38–41.
2. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1977. – Т. 26. – С. 46.
3. Булатова Т.А. Проблема религиозной толерантности в томских СМИ / Т. А. Булатова, Н. Б. Галашова, Н. А. Камарова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – №12 (127). – С. 208–214.
4. Жуков А.В. Толерантность жителей г. Читы / А. В. Жуков, Н. С. Зубакова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2007. – №1. – С. 237–244.
5. Ковальчук О.В. Диалог советского и религиозного и толерантность в средневековой культуре Западной Европы / О. В. Ковальчук, В. П. Римский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – №19. – С. 330–338.
6. Кузьмичева А.А. Проблемы религиозной толерантности российского общества (на примере православного раскола XVII века) / А. А. Кузьмичева, А. С. Жукова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – №12. – С. 408–413.

7. Махиянова А.В. Возрастная специфика социализации личности в современных условиях (на материалах Республики Татарстан) / А.В. Махиянова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. – 2012. – Вып. 6. – С.125–131.
8. Махиянова А.В. Интернализационный кризис в процессе социализации: понятие и эмпирическое обоснование / А.В. Махиянова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. – 2012. – Вып. 14. – С. 88–93.
9. Махиянова А.В. Факторы стабильности семьи как института воспроизводства духовной жизни общества [Текст]: дис. ...канд. социол. наук: 22.00.06 / А.В. Махиянова. – Казань, 2003. – 182 с.
10. Одинцова Ю.И. Расовая и религиозная гармония: сингапурская интерпретация толерантности / Ю. И. Одинцова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2015. – №1. – С. 204–214.
11. Прокофьева Е.Н. Этническая и религиозная толерантность студенчества – ключевой фактор противодействия как инструмент формирования толерантности в межкультурном взаимодействии народов Республики Татарстан. Материалы I научно-практической конференции: В 2 ч. / Сост. А. Р. Камалеева. – Казань, 2015. – С. 164–167.
12. Наднеева К.А. Толерантность и интолерантность, светское и религиозное в духовном пространстве юга России и Калмыкии / К. А. Наднеева // Философия права. – 2011. – №1 (44). – С. 97–99.
13. Харламов А.В. Религиозная толерантность в современной России / А. В. Харламов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – №2 (5). – С. 81–83.
14. Хаджаров М.Х. Социология конфессионально-культурных отношений: толерантность как основа диалога религиозных сознаний / М. Х. Хаджаров // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – №7 (126). – С. 144–151.

Мартынова Ольга Александровна

аспирантка Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан,

o.a_martynova@mail.ru

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической

социологии Казанского (Приволжского) федерального университета;

главный научный сотрудник Центра перспективных экономических

исследований Академии наук Республики Татарстан

Тюленев Александр Иванович

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук и

технологий Марийского государственного технического университета

СРЕДНИЙ КЛАСС И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ОСОБЕННОСТИ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

MIDDLE CLASS AND ENTREPRENEURSHIP: FEATURES AND RELATIONSHIPS

Аннотация: В статье дается обзор терминов «средний класс» и «предпринимательство». Представлены взгляды на социальную структуру общества, критерии систематизации.

Ключевые слова: средний класс, предпринимательство, доход, общество, потребления.

Abstract: The article provides an overview of the terms "middle class and «entrepreneurship». Presents views on the social structure of society, criteria of systematization

Keywords: middle class, entrepreneurship, income, society, consumption.

Термины «предпринимательство» и «средний класс», определяются по-разному, исторические и социальные контексты при этом учитываются далеко не всегда, а методологические подходы нередко грешат эклектичностью, объединяя в себе плохо совместимые исследовательские принципы, методы и приемы.

Принимая во внимание имеющиеся различия в трактовке упомянутых понятий, разномнений по поводу необходимости учета историко-социальных контекстов, целесообразности применения разноплановых методологий, методов и методик, кратко изложим авторскую позицию в отношении перечисленных аспектов и сторон выделенной для анализа проблемы.

Общий алгоритм подхода будет следующим: вопрос – разномнения – точка зрения автора статьи. Начнем с наиболее емкого вопроса. Является ли нынешняя Россия, включая такие региональные сообщества развитым индустриальным (модернистским, современным) обществом, к определению сути которого правомерно применить метафору «общество потребления»?

Сказать, что ответ на этот вопрос носит неоднозначный характер, значит, не сказать ничего. Достаточно обратиться к материалам дискуссии, завязавшейся по поводу выхода в свет книги Петра Померанцева «Россия: постмодернистская диктатура?» [1]. Дело совсем не в идеологической подоплеке, которую ревнители единомыслия по старой доброй традиции усматривают во всякой публикации, название которой имеет вопросительную форму. Проблема состоит в том, что диагностика состояния современного российского общества на предмет его соответствия или несоответствия модели социума типа «modern»/«postmodern» затруднена до крайности, как отсутствием объективной, правдоподобной информации о повседневной жизни, мыслях и настроениях российских граждан, так и не столько предвзятыми, сколько противоречивыми, клишированными

оценками российской действительности некоторыми зарубежными аналитиками.

Приведем всего два примера. В декабре 2016 г. Фонд «Общественное мнение» провел опрос 1,5 тыс. российских граждан, из которого выяснилось, что 65,0% опрошенных считают, что россияне живут в «развитой и передовой стране». Между тем как противоположной точки зрения – «в неразвитой и отсталой стране» - придерживаются всего 25,0% участников опроса [2].

Отнюдь не ординарный американский социолог и политолог Р.Инглегарт в своей работе «Модернизация и постмодернизация», с одной стороны, высказывает предположение, что от России и других стран Восточной Европы в настоящее время не следует ожидать высоких абсолютных уровней постматериализма. С другой, – заявляет, что «... последние 50 лет в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе сопряжены с развитием постматериалистических ценностей» [3, с. 283].

Неоднозначностью отличаются и оценки нынешнего российского социума как «общества потребления». Диапазон мнений здесь до крайности широк. От утверждений, что общество потребления – это реальность современной России [4]. До оценок потребительских возможностей большинства, трех четвертей российских граждан, чьи потребительские ориентации ограничены питанием и одеждой, имплицитно содержащих в себе вывод. Если в России и сложилось общество потребления, то пребывает в этом обществе максимум четверть населения страны.

Понятие «средний класс» имеет множество различных дефиниций, формулируемых в рамках разных подходов к изучению означенной категории лиц. В качестве подтверждения перечислим лишь некоторые подходы к определению среднего класса, упоминаемые во всех сколько-нибудь солидных научных и научно-популярных изданиях. Подход на основе оценки уровня материального благосостояния, с позиций которого средний класс характеризуется как «массовый социальный субъект», отличающийся относительно высокими жизненными стандартами и уровнем потребления.

Ресурсный подход, в соответствии с которым средний класс принято дифференцировать на «старый средний класс» и «новый средний класс». При этом обычно дается пояснение, что «старый средний класс» составляют в основном мелкие предприниматели, что важно для развиваемой в статье концепции о целесообразности и правомерности отнесения предпринимателей, по меньшей мере, их основной массы, к среднему классу. «Новый средний класс», согласно ресурсному подходу, образуют высокооплачиваемые и среднеоплачиваемые наемные работники, занятые преимущественно интеллектуальным трудом, включая высший слой менеджеров и высококвалифицированных специалистов. Субъективный подход к определению среднего класса основывается на самоидентификации людей или, как нередко пишут, «самозачисления ими самих себя в состав среднего класса». Наконец, комбинированный подход опирается на идею необходимости комплексного применения вышеперечисленных критериев, то есть величины дохода, размера имущества, находящегося в собственности, профессиональной принадлежности, уровня квалификации, самоидентификации [5, 6].

На наш взгляд, российское общество, если принимать в расчет уровень и качество жизни большинства граждан, характер межличностных взаимодействий и тип социальных коммуникаций, не только далеко от уровней постиндустриализма, постмодерна и постматериализма. Оно не достигло даже рубежей зрелого индустриального, модернистского, материально ориентированного общества, пребывая в плену иллюзий, будто является «пупом Земли», «передовым, развитым», социально справедливым, высокодуховным обществом. Что касается такой важной стороны жизни людей, как потребление, то покупательский потенциал основной массы российских граждан крайне низок. Современная Россия – это не общество массового потребления. Скорее, его можно причислить к обществам массового недопотребления. Подробное обоснование вышеприведенных выводов и оценок содержится в ряде авторских работ последнего времени [7; 8].

Теория предпринимательства весьма обширна отметим только имевшую место в прошлом и сохранившуюся до нашего времени неоднозначность в толковании самого явления предпринимательства, мотивов, которые вызывают и движут деловую активность людей, социальных условий и факторов, определяющих эту активность, а также типов, форм и видов хозяйственной практики, направленной на извлечение дохода (прибыли) из всякого предпринимательского начинания.

Заметим также, что наша интерпретация предпринимательства основывается на идеях М.Вебера, В.Зомбарта, Й.Шумпетера, Ф.Хайека, а также их российских единомышленников. Подробно эта интерпретация изложена в ряде специальных работ; суть ее состоит в следующем. Предпринимательство есть вид социальной активности людей, нацеленной на получение денежной или имущественной выгоды. Предпринимательство существовало всегда и везде, где имелись хоть сколько-нибудь благоприятные условия для проявления хозяйственно-деловой инициативы. Предпринимательство выражало и выражает себя в разных видах и формах. Субъектами предпринимательства последовательно становились разбойники, купцы, феодалы, чиновники; затем на авансцену деловой практики вышли предприниматели-спекулянты, отличавшиеся ориентацией на ненасильственные способы изъятия у населения имущества и денежных средств; в дальнейшем лидерство в бизнесе постепенно перешло к буржуазному купечеству, финансистам и промышленникам. По мере становления и развития индустриального (модернистского) общества степень рационализации предпринимательства усиливалась, в мотивации предпринимательской деятельности материальная рациональность сменялась рациональностью формальной, на смену извлечению выгоды любым путем приходило стремление получать прибыль за счет грамотной организации производственного процесса в рамках постоянно действующего предприятия, создаваемого, эксплуатируемого, модернизируемого для систематического получения дохода. Отличительной чертой современного

предпринимательства выступает инновационность, стремление к нововведениям, поиску новых комбинаций факторов производства и обращения. Тяга к предпринимательству в разной степени свойственно множеству людей. Исходя из характера отношения к предпринимательской деятельности, субъектов последней целесообразно дифференцировать на предпринимателей по призванию, предпринимателей по профессии, предпринимателей по совместительству и предпринимателей по случаю.

Проблема соотношения предпринимательства и среднего класса носит многосторонний и многоаспектный характер. Одна из граней этой проблемы уже была затронута в настоящей статье, а именно, что основную массу малого предпринимательства, мелких собственников обычно включают в состав «старого среднего класса». Следуя принципам формальной логики, правомерно предположить, что величина дохода, размер находящейся во владении или пользовании собственности, во многом определяемые в условиях модерна наличием предпринимательского потенциала и умением его реализовать в практической деятельности, прямо коррелируют с уровнем жизни, обуславливая место отдельного индивида, семьи, группы в социально-классовой структуре общества. Следовательно, представителей крупного бизнеса логично относить к высшему классу; мелких предпринимателей, едва «сводящих концы с концами», зачислять в ряды низшего класса; и, наконец, деловых людей «средней руки» включать в состав среднего класса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. . «Россия: постмодернистская диктатура?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imrussia.org/ru/1565-russia-a-postmodern-dictatorship> - Дата доступа: 14.01.17.

2. Большинство россиян считают страну развитой и передовой, показал опрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20170114/1485701607.html> - Дата доступа: 14.01.17.

3. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация / Р.Инглегарт //Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. - С. 261-291.

4. Заболотнов А.Ю. Общество потребления в современной России / А.Ю.Заболотнов // Электронный научно-практический журнал «Экономика и менеджмент инновационных технологий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/07/28/potreblenie-site.html> - Дата доступа: 14.01.17.

5. Хайруллина Ю.Р. Городской средний класс в современной России: критерии выделения, структура, трудовое и потребительское поведение (на материалах Республики Татарстан) // Электронный экономический вестник Татарстана. - 2012. - № 1. - С. 282-293.

6. Хайруллина Ю.Р., Мартынова О.А. Средний класс: теоретико-методологические подходы и критерия выделения, результаты прикладных исследований по Республике Татарстан // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2016 – № 4(38) – С. 81-86.

7. Тюленев А.И. Парадоксы восприятия потребления в обществе недопотребления / А.И. Тюленев // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. - № 1. – С. 311-313.

8. Тюленев А.И. Особенности страусинового бизнеса в России / А.И.Тюленев // Трансформация социальных отношений в региональном социуме. – Саранск, 2016. – С. 198-202.

Михайлов Александр Юрьевич

аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан»

E-mail: skygroove@mail.ru

**ГУАНЬСИ И РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК (К
ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ДАРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ БИЗНЕСЕ)
GUANGXI AND RUSSIAN REALITY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF
SOCIAL PRACTICES (TO A QUESTION ABOUT THE DONATION IN
RUSSIAN BUSINESS)**

Аннотация: Институт дарения имеет глубокие исторические и социально обусловленные корни. В условиях подданнической культуры взаимоотношений с властью происходит переход существующих социальных практик в законодательное закрепление. Существует сходная с российской практика дарения и взаимоотношения в бизнес-сообществе – гуаньси. В данной работе предпринята попытка сопоставления существующих отношений дарения в российском и китайском обществе, также анализируется наиболее существенная сторона социальных практик – возможность инициации коррупционных отношений.

Ключевые слова: Блат, гуаньси, институт дарения, коррупция, социология коррупции, коррупционные отношения в сфере малого бизнеса.

Abstract: Institute of donation has deep historical and socially constructed origins. In the face of poddannicheskoy culture relationship with power transition occurs, existing social practices in codification. There is similar to the Russian practice of gift-giving and relationships in the business community-Guangxi. In this paper, an attempt is made to map existing relations of donation in Russian and

Chinese society, also examines the most significant side of social practices-an opportunity to initiate a corrupt relationship.

Keywords: Blat, Guangxi, Institute of donation, corruption, corruption, corruption sociology relations in the sphere of small business.

Коррупция представляет собой наиболее опасное социальное явление, с которым на данный момент столкнулось российское сообщество. Коррупцию наряду с терроризмом можно назвать деструктивным для всего общества эффектом, сводящим на нет все возможные экономические достижения в отдельно взятых отраслях экономики.

Частным случаем возникновения коррупционных отношений являются так называемые отношения дарения во взаимоотношениях гражданских служащих и представителей бизнес-сообщества [1, с.79]. Как правило, для получения отдельных преференций или ускорения получения конкретного блага, предприниматель в своей деятельности прибегает к предсказуемым ухищрениям в виде поднесения подарков, возможности бесплатного оказания услуг непосредственно гражданскому служащему или кругу лиц, имеющих прямое отношение к гражданскому служащему.

Буква закона вполне конкретно определяет взятку как преступление, поэтому и получает свое отражение в пределах УК РФ. В то же время ГК РФ вводит неоднозначное допущение отношений дарения в функционировании гражданских служащих[9]. В частности, законодателем вводится понятие так называемых обычных подарков и вводится определенный денежный эквивалент подарка, не вводя при этом цензов их определения. Отметим также возможность пересечения значения эквивалента уже без возможности получения прав собственности и с необходимостью передачи подарка в пользу федерального бюджета, бюджета субъекта федерации или муниципального бюджета.

Данное положение до сих пор вызывает споры в научном сообществе относительно целесообразности введения такого рода правоприменительной

практики. В первую очередь, теоретики связывают данную позицию с реальной возможностью возникновения образа получения даров с целью личного обогащения и вероятного выхода на диалог в неофициальном, приватном контексте. Гражданская служба изначально ставится законодателем в достаточно ущербное положение в глазах пользователей их услуг.

Стоит отметить, что данная практика получила свое закрепление во многом благодаря существующим традициям подношения подарков во время официальных приемов. В силу исторических предпосылок развития России отношения с властью всегда носит своего рода сакральный характер, несущих традиционно одни и те же ценностные установки большинства населения, происходит появление вышеупомянутой правоприменительной практики. Для получения минимум снисходительного отношения к собственной персоне чиновнику всегда подносились подарки.

В российской истории существует множество примеров подношения подарков по предмету службы. С развитием разветвленной государственной системы всегда остро стоял вопрос о жалованьях. Поэтому первой коррупционной практикой в России становится ещё развитие приказной системы, где широкое распространение получило «кормление от дела», хотя и был введен строгий запрет «посулов» и «поминок» (посул – аналог взятки за нарушение закона, а поминок – дар с целью ускорения ведения дел) [5, с.94]. Историки разделяли различные виды материального воздействия челобитчика на приказного человека. В частности, к таковым относится и «почесть», которую предлагали заранее для успешного хода дела [5, с.94]. По справедливому замечанию В.В.Белова, данные обычаи существуют и сейчас, получив характер социетального явления, передаваемого из поколения в поколение и получавшее собственные различные формы при сохранении содержания [2,с.36].

Важно понимать, что сформировавшаяся в течение исторического развития подданническая культура взаимоотношений с представителями

власти накладывает определенный отпечаток в том числе и на бизнес-сообщество, поскольку они также являются носителями мощного кластера социальных установок и стереотипического поведения. Поэтому в данной работе предпринята попытка сравнительного исследования двух однородных понятий – практики дарения в российской действительности и практики гуаньси в китайском контексте.

Несмотря на отличную природу формирования данных явлений, попробуем отметить краеугольные точки их соприкосновения в социальной реальности. В частности, отправной точкой оценки является отклонение от стандартов западного общества, где данные практики однозначно оцениваются как коррупционные и выведены из практики деловых отношений. В то же время в самих обществах они входят в основу построения отношений в сфере бизнеса [3, с.104]. Отметим специфичные черты каждого из явлений, важных для анализа с точки зрения сравнительного анализа.

Китайская практика отношений гуаньси, подразумевает под собой процесс взаимного дарения подарков для последующего поддержания «добрососедских отношений» [6, p.129]. Гуаньси как часть социальной реальности поддерживается практически во всех сферах жизни общества – в том числе и в бизнесе (для поддержания отношений с партнером более важны многие неформальные признаки, нежели формальные в виде письменных договоренностей). Гуаньси в наиболее общем виде можно обозначить как уникальный вид связей, который выступает связующим звеном деловых партнеров через определенные социальные события, взаимной ответственности и приносящих пользу обменов [8, p.18].

Гуаньси предполагает процесс обмена ресурсами в той или иной форме для продолжения сотрудничества [7, p.3]. Поэтому данный момент вызывает неоднозначную оценку со стороны исследователей коррупции. В частности, даже китайские исследователи в открытую заговорили о тесной взаимосвязи процесса обмена подарками с коррупционной составляющей.

Весьма полезным инструментальным подходом в данном свете становится применение классификации практик гуаньси, приведенной Джейкобом Хардингом [6, p.131]. В частности, он рассматривал два типа практик гуаньси – легальную и нелегальную. Под первым типом отношений он понимал традиционный обмен подарками, влекущий за собой процесс «знакомства» заинтересованных групп, переходящий в многолетнюю историю взаимовыгодных отношений. В случае же перехода частоты и материальной ценности подарков в качественно иное русло Хардинг говорит уже о неэтичной части гуаньси, перерастающей в коррупцию [6, p.131].

Причем весьма серьезным фактом становится дальность связей человека с человеком в практике гуаньси. В частности, Таварес выделяет три категории дальности связей человека исходя из наличия родственных и деловых связей. Это, соответственно, самый дальний (если изображать совокупность знакомств человека в виде концентрических окружностей с центром, олицетворяющим изучаемый объект) – «шенгрэн» – люди, о которых человек не знает, с которыми приходится заводить отношения. Средняя дальность – «шурэн» - люди, которых встречал изучаемый объект или был представлен какой-либо третьей стороной или с которыми существуют уже налаженные связи, признаваемые с обеих сторон. Малая дальность или ближайший круг гуаньси – «кинрэн» – люди, с которыми исследуемый объект имеет прямые родственные связи «по крови» либо связан по факту вступления в брак [8, p.18].

В условиях подданнической культуры взаимоотношений с властью в российской действительности сформировалось специфическая форма воспроизводства социальных отношений в сфере распределения ограниченных ресурсов – блат. В современном повседневном дискурсе данное понятие используется все реже, хотя и используется в уничижительном контексте. Корректнее говорить о трансформации понятия «блат» в понятие «по знакомству». Блатом традиционно считают трансформацию патримониальных основ российского общества, где главным

инструментом и цензом вступления в отношения является наличие родственных или дружественных связей. Подобно первым двум кругам практики гуаньси, отношения в российской действительности носят схожую негативную социальную функцию, которая, в свою очередь, может послужить основой для возникновения коррупции.

Очень важной ступенью в обеих социальных практиках становится наращивание новых социально полезных для объекта связей. Институт дарения в китайском обществе (причем взаимного) является основой расширения сетей, причем оба участника транзакции должны быть одинаковыми по статусу [8, p.20]. В случае с российским обществом мы имеем несколько иную ситуацию – обычно проситель ниже статусом и зачастую характер отношений носит одноразовый, единичный характер. Совершенно другой подпиткой уже обладает дарение в пределах зоны комфорта изучаемого объекта – знакомых, родственников и друзей. Здесь происходит именно обмен подарками (пусть и не выраженный в одном моменте времени), делая схожими два разнородных по происхождению явления – блат и гуаньси.

Таким образом, блат и гуаньси как инструменты ведения бизнеса справедливо можно разделять по степени социальной опасности в зависимости от вовлечения или отсутствия общедоступных ресурсов, распределением которых занимается государственный аппарат [4, с.41]. Поэтому можно признать, как минимум несправедливым однозначно негативные оценки блата и гуаньси как вида коррупционного поведения – это касается лишь их крайней части – пересечения так называемой точки невозврата – незаконного распределения государственных ресурсов. В то же время взаимоотношения на базе блата и гуаньси в частном секторе нарушают лишь добросовестную конкуренцию в ее чистом, идеалистическом понимании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нагимова А.М. Коррупция как социально-экономическое явление современного общества // Экономический вестник Республики Татарстан – 2008. – №1. – С.79-84.
2. Белов В.В. Коррупция как социально-историческое явление // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2005. – № 11. – С.35-41.
3. Леденева А.В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе// – Мир России. – №2. – 1997. – С.89-106.
4. Нагимова А.М. Блат и гуанши как основа ведения бизнеса: антропоцентристский подход к исследованию коррупционных практик/ А.М. Нагимова, А.Ю.Михайлов// известия Саратовского государственного университета. Нов.сер.Сер.Социология, Политология – 2017. – Т.17. – №1.– С.38-41.
5. Шедий М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: дис. ... д-ра. соц.наук: 22.00.04 / М.В.Шедий. – Москва, 2014. – 393 с.
6. Hardin, J. Corruption or Guanxi? Differentiating between the Legitimate, Unethical, and Corrupt Activities of Chinese Government Officials// - Pacific Basin Law Journal. – Vol.31,№2. – 2014. – pp.125-146.
7. Schramm M.The Institutional Economics of Legal Institutions, Guanxi, and Corruption in the PR China [Электронный ресурс]// academia.edu, 2017. Режим доступа - http://www.academia.edu/18284889/The_Institutional_Economics_of_legal_institutions_Guanxi_and_Corruption_in_the_PR_China, свободный (08.05.2017)
8. Tavares D.R.F.The Importance of Guanxi for INVs Doing Business In China – A Case Study Approach: Phd Diss./D.R.F.Tavares. – Lisboa,2013. – 46р.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 [Электронный ресурс]:[от 26.01.1996 №14 ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.1995) (ред.от 17.07.2009)].//Российская газета. Статья 575. Режим доступа:[консультант плюс]. – Загл.с экрана.

Махиянова Алина Владимировна

ведущий научный сотрудник Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан,

доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета

socavm@rambler.ru

РОЛЬ БЕЗРАБОТИЦЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА НАСЕЛЕНИЯ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

THE ROLE OF UNEMPLOYMENT IN SHAPING SOCIAL-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE POPULATION (THEORETICAL-METHODOLOGICAL ASPECT)

Аннотация: в статье представлен теоретико-методологический анализ различных подходов в изучении роли безработицы в формировании социальных, экономических и психологических характеристик населения, которые являются основой формирования его социального портрета.

Ключевые слова: социально-психологический портрет, теоретико-методологический анализ.

Abstract: the article presents theoretical and methodological analysis of different approaches to explore the role of unemployment in shaping social, economic and psychological characteristics of the population, which are the basis of formation of his social portrait.

Keywords: socio-psychological portrait, theoretical and methodological analysis.

Социальный портрет населения является собирательной категорией, т.к. включает в себя достаточно разнообразные аспекты жизни людей. Это, в первую очередь, различные параметры качества и уровня жизни населения,

его материальное положение, социальное самочувствие. При этом определенную роль играет занятость населения, т.к. именно данный аспект формирует благосостояние и удовлетворенность жизнью в целом. Безработицу в таком аспекте стоит рассматривать как негативный фактор, ведущий к снижению качества жизни и тем самым деструктивно влияющий на социально-психологический портрет населения.

Проблема безработицы всегда привлекала внимание ученых различных направлений. Эта тема непосредственно затрагивает важные сферы существования и государства, и общества. Именно поэтому она является одной из наиболее острых практических проблем. Результаты научных исследований, проведенных в последнее время, документально подтверждают существование ряда эмоциональных, психологических, социальных, финансовых, семейных, медицинских и политических последствий безработицы.

В частности, отмечается, что невозможность получить работу практически напрямую приведет к снижению уровня жизни, что можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, безработице подвержены низкоквалифицированные работники, которые в случае потери работы получают пособия ниже прожиточного минимума, т.к. их размер она зависит от предыдущего заработка. Во-вторых, пособия по безработице ограничены определенным периодом времени, те, кто не сможет устроиться на работу в это временной промежуток, лишаются пособий. Чем дольше человек не может устроиться на работу, тем глубже он погружается в состояние бедности. Для государства важно не допустить длительную безработицу, т.к. в этом случае человеку впоследствии бывает тяжело влиться в рабочий процесс. Кроме официальной безработицы существует также скрытая безработица, к этой категории относят работающих, но не получающих заработную плату, занятых на неполную ставку, людей, имеющих случайные заработки, занятых поиском работы или не ищущих работу. Скрытая безработица постепенно переходит в открытую [1].

Неслучайным явлением называет массовую бедность в российском обществе С.В. Мареева. Она считает, что препятствием для занятия или стабильного положения является низкая ресурсобеспеченность групп. Нестабильное положение малообеспеченных категорий населения характеризуется тем, что по причине отсутствия властных, личностных и квалификационных ресурсов они вынуждены работать на легко замещаемых должностях, соответственно, малооплачиваемых. Из таких групп в дальнейшем формируются низшие слои, что, по мнению ученого, именно на такие группы населения должна быть направлена адресная государственная социальная помощь, т.к. ситуация, в которой они находятся, связана с их низким ресурсным обеспечением и недостатком других видов обеспечения. Потенциальной базой для формирования низшего класса является население, проживающее в небольших населенных пунктах, зачастую не имеющее качественного высшего образования, занятое в частном экономическом секторе. Низкий уровень культурного и человеческого уровня не позволяет им самостоятельно, без посторонней помощи, (государства и продуманной им социальной политики) преодолеть структурные ограничения и социально-психологические барьеры [4].

М.В. Чернина отмечает, что большей части экономически активного населения, проживающего в городской среде, бедность, как правило, сопряжена с потерей работы, а также с широким распространением скрытой безработицы (это случаи неполной занятости на предприятии, сокращенной рабочей недели, вынужденного выхода в отпуск без сохранения заработной платы) [7].

Причиной же снижения качества жизни в сельской местности, по мнению Г.А. Родионовой, является отсутствие рынка труда. На месте бывших сельскохозяйственных предприятий не создаются современные бизнес-проекты (агропредприятия, фермерские хозяйства и т.п.). Для преодоления безработицы необходимо создавать новые рабочие места, формировать инфраструктуру для облегчения поиска работы жителями села, повышать производительность личных хозяйств, развивать и

несельскохозяйственные виды деятельности, создавать альтернативные системы финансирования сельских товаропроизводителей [5].

Одной из основных причин бедности является низкий уровень заработной платы и ее невыплаты (задержки). Получаемых доходов человеку едва хватает на воспроизводство рабочей силы. Широкое распространение «дешевой» рабочей силы обуславливает массовую бедность среди работающих граждан [2].

Важной характеристикой бедности является состояние здоровья человека. Следствиями заболеваний являются серьезные финансовые траты на лекарства и медицинское обслуживание, они снижают эффективность занятости человека, особенно это касается людей, зарабатывающих физическим трудом, в данном случае человек очень сильно зависим от состояния своего здоровья [3].

Н.Е. Тихонова утверждает, что сегодня российская бедность имеет структурные предпосылки к массовому обеднению населения. Связано это, прежде всего, с наличием большого количества низкооплачиваемых рабочих мест, которые, по ее мнению, и ведут к массовой бедности среди работающего населения. Низкая заработная плата связана со спецификой работы отечественных профсоюзных организаций, которые препятствуют развитию диалога между работниками и работодателем. Имеет место невыгодное для работников соотношение спроса и предложения на определенных сегментах рынка труда. Предпосылки к массовой бедности не занятых на рынке труда людей трудоспособного возраста связывают в определенной степени с «ловушкой бедности», рабочие места становятся малопривлекательными для человека, т.к. при устройстве на работу он потеряет намного больше, чем сможет заработать (например, потеряет пособия, субсидии, льготы) [6].

Таким образом, основные параметры влияния безработицы на формирование социально-психологического портрета сложились в советском обществе в результате уравнительного распределения доходов, дискредитации мотивационной составляющей индивидуальной мобильности,

популяризации политики низких цен и невысоких жизненных стандартов, а также негативного отношения к богатству в целом.

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет утверждать, что, безработица способствует формированию «новой» бедности с ее новыми социально-психологическими чертами и характеристиками.

Теоретический аспект вопроса показал, что безработица способствует внутренней дифференциации социально-психологического портрета населения. Ее основой выступают место жительства (в сельской местности бедные доминируют), принадлежность к категориям граждан, неспособным реализовать активное экономическое поведение (пенсионеры, инвалиды, многодетные и пр.), наличие носителей как пассивных, так и активных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беглова Е.И. Безработица и ее роль в увеличении масштабов и степени распространения бедности // Экономические науки. 2010. Т.71. №10. С.155 - 160.
2. Красильникова М. Субъективные оценки уровня бедности в России // Мониторинг общественного мнения: экономические социальные перемены. – 2000. – 36(50). – С. 40–45.
3. Лежнина Ю.П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. – 2010. – №3. – С. 36–45.
4. Мареева С.В. Фокус социальной политики: бедные или низкоресурсные // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т.9. – № 2. – С. 233–254.
5. Родионова Г.А. Сельская бедность в России // Мир России. – 2000. – №3. – С.128-136.
6. Тихонова Н.Е. Структурные предпосылки и основные типы российской бедности // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 5 - 16.
7. Чернина М.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. №3. С.54 - 61.

Баскаков-Будайли Эмиль Николаевич

Аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

emilbaskakov@gmail.com

Нагимова Айсылу Мирзарифовна

Доктор социологических наук, кандидат психологических наук

Казанского (Приволжского) федерального университета

ПРОБЛЕМА СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ОРГАНИЗАЦИЯХ

PROBLEM OF THE SYMBOLICAL CAPITAL IN THE ORGANIZATIONS

Аннотация: Проблема не возникает у капитала. Она может возникнуть у индивида или организации. Раскрывая существующие современные интерпретации термина символический капитал, автор соотносит их с существующими вопросами, которые присущи современным организациям.

Ключевые слова: Питер Бурдьё, Элвин Тоффлер, символический капитал, организация.

Abstract: the problem does not occur at the capital. It can occur in an individual or organization. Opening existing modern interpretations of the term symbolic capital, the author relates them with existing issues inherent in today's organizations.

Keywords: Peter Bourdieu, Alvin Toffler, the symbolic capital of the organization.

Символический капитал как термин, как феномен требует определенной интерпретации. Представляется очевидным, что тонкости процесса интерпретации зависят от особенностей и специфики времени, места и непосредственно самого интерпретатора. Возникает вопрос о

необходимости понятия как такового, а если необходимо, то для решения каких целей может быть применено.

Сразу оговоримся, у капитала как такового проблем быть не может по своей природе. Проблема может возникнуть только у индивида или организации. Таким образом, мы подошли к рассмотрению вопроса с нескольких сторон, а именно что такое символический капитал и какие проблемы как таковые могут быть или возникнуть у организаций. Начнем с первого.

Символический капитал как термин был введен Пьером Бурдьё. Автор трактовки представлял его как определенный кредит доверия, который мог быть использован при социальных контактах для получения различных выгод [1, 2].

Американский исследователь Э. Тоффлер [3] понимал под символическим капиталом информационный капитал, знания, приводящие к экономической выгоде.

Эти две трактовки представили нам две специфики: от кредита доверия до знаний, приводящих к положительному экономическому эффекту.

В отечественной практике интерпретация термина подразумевает уровень образования и компетентности, способности индивида, которые могут приносить доход. В данном случае мы видим, что представленное толкование находится несколько в стороне от термина организация, не связано с ним непосредственно и прямо.

Относительно проблем как таковых в современной организации можно говорить достаточно обширно. Остановимся на наиболее существенных. К числу подобных по нашему мнению целесообразно отнести вопросы, связанные со стоимостью организации и условиями её (стоимости) роста, повышение степени управляемости и прозрачности процессов, определение и реализация конкурентных преимуществ, обеспечение эффективности деятельности в условиях динамической среды.

Анализируя существующие трактовки термина символический капитал и круг задач современных организаций, мы обращаем внимание на тот факт, что нет четкого механизма создания (получения) символического капитала

одновременно решения с этим существующей проблемы, вопроса организации. Появление символического капитала как такового на данном периоде развития ставит организации в ситуацию решения своей задачи и/или проблемы в уже «преобразованном виде», то есть инвестиции произведены, проблема полностью не решена, а дополнительный ресурс в виде рассматриваемого капитала появился.

В данном случае, на наш взгляд, и отражается одна из основных проблем символического капитала в организации.

Тем не менее, уже существуют практические примеры попыток использования информации, знаний и уровня компетентности индивида для решения вопросов и задач в организации. Существующие методы использования символического капитала носят сугубо индивидуальный характер, базирующийся полностью на специфике организации. Таким образом повторить в полной мере положительный опыт создания и реализации символического капитала не представляется возможным.

И эта особенность ситуации также отражает проблему символического капитала в организации.

Дополнительную сложность в практической реализации символического капитала создает несколько обширная интерпретация термина «капитал» как такового.

Учитывая многогранность представленных проблем, мы в то же время отмечаем их системную взаимосвязь. Таким образом представляется возможность системного подхода к решению поставленных задач. Представляется очевидным тот факт, что сразу создать и реализовать практический подход, универсальный для всех организаций достаточно сложно. Целесообразно подойти к решению задач, оперируя проработанной теоретической и методологической основой в сфере знаний, связанной с символическим капиталом.

По нашему мнению, наиболее целесообразная к применению теоретическая база может быть сформирована на основе теорий, представленных выше авторами: П. Бурдые и Э. Тоффлера.

Именно синтез их взглядов позволяет раскрыть существо проблем символического капитала на достаточно универсальной платформе современных знаний. Сочетание вопросов репутации и имджа, накопления и развития базы знаний организации в современном мире создают конкурентные особенности и преимущества, которые способны вывести организацию на траекторию развития условий по обеспечению роста стоимости (капитализации) организации.

В то же время целесообразно отметить, что проблемы символического капитала в организации носят не только «внутренний» характер. Здесь важно отмечать и социальную нагрузку современных организаций. Таким образом, проблема перестает ограничиваться рамками организации, а, следовательно, и рамками возможных инструментов и решений, связанных с организационной спецификой. В данном случае целесообразно учитывать специфику и динамику общественной, социальной среды, в которой существует рассматриваемая организация.

И как бы не звучали возникающие вопросы, мы снова подходим к пониманию символического капитала как ресурса – ресурса роста и развития, возникающего и реализующегося не только с чувственных и осязаемых позиций, но и активно вовлекающий в динамику развития нематериальные, нечувственные составляющие.

Данный ресурс (символический капитал) может быть использован для решения принципиально разных задач: от капитализации организации до изменения качества жизни членов какого-либо социума. Даже одна и та же база знаний, информации может быть применена для решения различных вопросов в зависимости от уровня решаемых задач.

И это специфика применения в зависимости от масштаба организации и задач выражается в формировании различных практических методов и подходов использования символического капитала.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что проблема символического капитала в организации — это не проблема как таковая. Это не «разовая» задача, которая может быть решена раз и навсегда. На наш

взгляд речь идет о некоторой динамике понимания, интерпретации, создания и применения символического капитала. А трудности этих процессов, особенно на этапе осознания, создают первые «проблемы». Таким образом проблема символического капитала – это не проблема капитала как феномена. Это определенный вызов, который целесообразно решить индивиду или организации для решения своего текущего вопроса. В то же время решение этого вопроса может создать условия по появлению дополнительных задач иного уровня и масштаба. И снова индивид или организация будет находиться на пороге вызова современности.

Таким образом, на наш взгляд проходят определенные процессы эволюции, как интерпретации, так и методов практической реализации символического капитала в рамках организации. Развитие организации также влечет развитие понимания и осмысления термина, развитие подходов к применению и выход на иной уровень осознания роли и места индивида, организации в современном мире.

Первые базовые теоретические основы сформированы. На наш взгляд, на современном этапе целесообразно обратить внимание на практическую реализацию всего осознанного потенциала символического капитала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурдые П. Практический смысл. - СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. - СПб.: Алетейя. 2005. – 576 с.
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.
4. Сафиуллин М.Р., Ефлова М.Ю., Нагимова А.М. Социальное самочувствие и самоидентификация среднего класса в Татарстане. Социологические исследования. 2012. № 10. С. 28-33.
5. Ермолаева П.О., Нагимова А.М., Носкова Е.П., Зайнуллина М.Р., Купцова А.И. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики. Казань, 2014.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Смирнова Анастасия Владимировна

аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан,

Руководитель сектора Государственного казенного

учреждения социального обслуживания

«Республиканский информационно-методический центр

в сфере социального обслуживания»

e-mail: malenkayachili@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

INFORMATION SUPPORT ACTIVITIES OF SOCIAL SERVICE ORGANIZATIONS

Аннотация: В статье представлен анализ информационной обеспеченности деятельности организаций социального обслуживания.

Ключевые слова: информационное обеспечение, информационные системы, социальное обслуживание.

Abstract: The article presents an analysis of the information security of the activities of social service organizations.

Keywords: Information support, information systems, social services.

Информационные технологии все чаще становятся спутниками повседневной человеческой жизни. Данное явление обусловлено техническим прогрессом и стремительным развитием общества.

Любая организация социального обслуживания, осуществляющая деятельность на территории Российской Федерации, нуждается в информационном обеспечении своей деятельности, включая применение информационных технологий. Стоит отметить, что информационные технологии становятся не только неотъемлемым атрибутом современной жизни, но и как отмечают многие исследователи, важным показателем качества жизни населения, обеспечения его благополучия и пр. [1, 2].

Согласно Федеральному закону от 28 декабря 2013 года №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» организации социального обслуживания обязаны обеспечить информационную открытость своей организации. Это значит, что организации, предоставляющие социальные услуги, формируют общедоступные информационные ресурсы в сети «Интернет», содержащие информацию о своей деятельности. Правила размещения данной информации утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2014 года №1239 «Об утверждении правил размещения и обновления информации о поставщике социальных услуг на официальном сайте поставщика социальных услуг в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [3, 4].

На уровне субъекта Российской Федерации определяются способы размещения информации, средства, а также конкретная структура размещаемой информации.

В данной статье рассмотрим организацию информационного обеспечения поставщиков социальных услуг на примере Республики Татарстан.

С целью создания системы информационного обеспечения поставщиков социальных услуг Министерством труда, занятости и

социальной защиты Республики Татарстан на своем сайте организован официальный портал организаций социального обслуживания населения Республики Татарстан. Портал имеет соответствующую структуру по видам организаций социального обслуживания, новостную ленту и полезные ссылки.

Каждое учреждение имеет персональные данные для входа на портал с целью размещения информации о своей деятельности и редактирования данных.

Кроме того, для упорядочения размещаемой информации на сайте, приказом Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан утверждена структура разделов и подразделов размещаемой информации, ее содержание, а также сроки обновления. Ежемесячно ведется мониторинг размещаемой информации на соответствие утвержденной структуре, с целью приведения информации об учреждениях к единой системе. В результате, создана удобная система поиска необходимой информации об учреждениях, предоставляющих социальные услуги на территории республики: адреса, контактные телефоны, условия предоставления услуг, тарифы на социальные услуги, информация о материально-техническом оснащении и т.д.

Тем же Федеральным законом от 28 декабря 2013 года №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определено понятие информационных систем в сфере социального обслуживания. Таковыми признаются реестр поставщиков социальных услуг и регистр получателей социальных услуг. Реестр поставщиков социальных услуг содержит всю информацию о поставщике, результатах деятельности, контактных телефонах и адресах учреждения, количестве свободных мест в стационарных учреждениях и т.д.

Регистр получателей является своеобразным информационным ресурсом, содержащим информацию о получателях социальных услуг.

Данные системы в Республике Татарстан реализованы через Государственную информационную систему «Социальный регистр

населения». Данная информационная система содержит в себе несколько подсистем, одной из них является подсистема «Организация предоставления социальных услуг населению в Республике Татарстан». Именно через данную подсистему реализована возможность ведения как регистра получателей социальных услуг, так и реестра поставщиков.

Каждое учреждение, предоставляющее социальные услуги, имеет персональные данные для входа в систему с возможностью заключения договора и заполнения сведений об оказанных услугах в конкретном временном периоде. Кроме того, каждый поставщик заполняет в подсистеме основную информацию о себе, в соответствии с требованиями законодательства о ведении реестра поставщиков. Полный перечень учреждений, включенных в установленном порядке в реестр поставщиков социальных услуг, размещен на сайте Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. Представленная информация содержит идентификационный номер поставщика, территорию обслуживания, контактные телефоны и адреса, информацию о руководителе и другую информацию.

Данная информационная подсистема содержит в себе и функциональные возможности: так, например, реализована функция отчетов по количеству обслуженных граждан, количеству обслуживаемых и оказанных услуг в заданном отчетном периоде. Кроме того, реализована функция ведения очередности в учреждения в электронном виде, что позволяет ускорить процесс формирования очереди к поставщику, заключить с гражданином договор согласно очереди, а также проследить снятие гражданина с очереди.

Таким образом, созданная в Республике Татарстан система информационного обеспечения деятельности организаций социального обслуживания полностью отвечает современным требованиям глобализации и технологизации общества, позволяет ускорить процесс обмена данными, улучшить качество и эффективность работы с населением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Махиянова А.В. Методика составления социального портрета населения / А.В. Махиянова // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2015. – № 1. – С. 77-81.
2. Минаев Н.Н. Развитие информационных технологий как фактор повышения жилищно-коммунального комплекса в процессе реформирования и модернизации / Н.Н. Минаев, Ю.А. Колыхаева, Н.Р. Шадейко // Современные проблемы науки и образования. – 2014. - № 6. – С. 375.
3. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442–ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»: [электронный ресурс] // Гарант – информационно-правовой портал / <http://www.garant.ru> (дата обращения к источнику 03.07.2017г.)
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2014 года №1239 «Об утверждении правил размещения и обновления информации о поставщике социальных услуг на официальном сайте поставщика социальных услуг в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»»: [электронный ресурс] // Гарант – информационно-правовой портал / <http://www.garant.ru> (дата обращения к источнику 03.07.2017г.)
5. Махиянова А.В. Казань в зеркале социально-экономических преобразований (по итогам социологических исследований 2008-2014 гг.). Казань, 2014.

Германова Лариса Владимировна

аспирантка Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан,

Зав.отделением Государственного казенного

учреждения социального обслуживания

«Республиканский информационно-методический

центр в сфере социального обслуживания»

e-mail: Germanova16tat@mail.ru

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ ИЗУЧЕНИЮ

REPRODUCTIVE BEHAVIOR: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ITS STUDY

Аннотация: В статье, на основе анализа литературы и источников рассматриваются понятие, сущность и функции репродуктивного поведения населения, а также теоретические подходы к его изучению.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, современное российское общество, демографическая политика.

Abstract: The article analyzes the concept, essence and functions of the reproductive behavior of the population on the basis of the analysis of literature and sources, as well as theoretical approaches to its study.

Keywords: Reproductive behavior, modern Russian society, demographic policy.

Реализация мер демографической политики несколько улучшила демографическое положение современного российского общества. Но режим

воспроизводства населения все еще остается проблемным. Это связано со следующими явлениями: обесценивание института семьи, высокий уровень разводов. В современной России каждый второй брак распадается, и каждый третий ребенок рождается у незамужней женщины. Только 5 % семей имеют трех и более детей [6, 9, 10]. Во многом это связано с тем, что с 1980-х годов в России происходит сексуальная революция, которая постепенно трансформирует репродуктивное поведение граждан. Данное явление также характеризуется «распространением раннего начала половой жизни, лояльностью к смене партнеров... и снижением установок детности вплоть до сознательного отказа от рождений...» [1]. Особо следует выделить проблему массового распространения абортов, которые приводят к бесплодию.

Обозначенные проблемы требуют пристального внимания ученых к такой категории как «репродуктивное поведение». Репродуктивное поведение – это вид демографического поведения населения, наряду с матримониальным, самосохранительным и миграционным [2]. Проанализировав ряд социологических работ можно дать следующее определение репродуктивному поведению – это система действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей или отказ от деторождения, регулирующийся биологическими, экономическими, психологическими и социальными факторами [7, 11]. Ученые выделяют компоненты репродуктивного поведения – собственно репродуктивное, направленное на деторождение, и абортивное и контрацептивное, задачей которых является регулирование сроков и числа рождений (или их отсутствие) [2]. Это определение показывает, что феномен репродуктивного поведения носит междисциплинарный характер, его изучают такие науки как биология, медицина, демография, психология, экономика и социология. В отличие от репродуктивного поведения животного, которое направлено на продолжение рода в целях естественного отбора, репродуктивное поведение человека направлено не только на продолжение рода, но и на получение удовольствия, в связи с чем возникает практика контрацепции. Субъектом

репродуктивного поведения является население способное к данному поведению, т.е. население, находящееся в репродуктивном возрасте.

Следует отметить, что государственный и научный интерес в нашей стране к феномену рождаемости и его факторам возник в 1960-х гг., т.к. в этот период начало происходить резкое снижение рождаемости: в городе интенсивно стали распространяться семьи с одним и двумя детьми, в сельской местности число детей тоже стало уменьшаться, хотя в этот период активно развивалась жилищная политика, уровень жизни все более повышался и население СССР постепенно восстанавливалось от ужасов войны [1].

В 50-70-х гг. XX века американскими учеными Р. Истерлин, Г. Бэкер, Т.П. Шульц исследовались причины снижения рождаемости, после чего они объясняли это снижение экономическими процессами: определенными изменениями на рынке труда и увеличением материальных затрат на воспитание детей [8].

К. Дэвис, Дж. Блейк и Дж. Бонгаартс выделяли социальные факторы рождаемости как первостепенные, среди них такие как: брачное, контрацептивное и абортное поведение, а также репродуктивное здоровье [2].

Р. Лестэг, Д. Ван де Каа, Ф. Арье, склоняясь к социально-психологическому подходу, выдвинули идею конкуренции потребности в детях с иными потребностями личности и семьи. К этой идее близки концепция кризиса семьи и убывающей полезности в детях, разработанные российскими исследователями Л.Е. Дарским, В.А. Беловой, В.В. Бодровой, А.И. Антоновым, Т.А. Гурко. В 1990-х годах впервые появляются социологические исследования, которые основную роль отводили ценностному подходу в формировании феномена рождаемости и репродуктивного поведения [12].

Существует теория так называемого «демографического перехода», согласно которой рост населения происходит циклически: период резкого увеличения популяции сменяется резким ее уменьшением, далее наступает период стабилизации.

Нам ближе всего социологический подход (по-другому его еще называют социодемографический) к репродуктивному поведению, представителями которого являются такие российские ученые как В.А. Борисов, В.М. Медков, А.И. Антонов, В.А. Белова, Л.Е. Дарский, Т.А. Гурко, Н.Е. Русанова и др. Главный фактор репродуктивной установки здесь – потребность в детях. Чем сильнее потребность в детях, тем выше репродуктивная установка. Поэтому чем больше детей в семье, тем репродуктивная установка меньше, т.е. эта установка уменьшается по мере реализации деторождения. Следовательно, установка зависит от потребности и в то же время подкрепляет ее. В случае значительного расхождения потребности в детях и репродуктивных установок личность испытывает психическое напряжение, дискомфорт. Стремление преодолеть это психическое напряжение может превратиться в побудительную силу, стимулирующую репродуктивное поведение [3]. Для уяснения понятия «репродуктивное поведение» следует ввести категорию «репродуктивная норма». Репродуктивная норма – это социальные образцы той или иной социальной группы по поводу рождения определенного числа детей. Данные социальные нормы могут быть ориентированы на малодетную семью (1-2 ребенка), среднететную (3-4 ребенка) и многодетную (5 и более детей). Репродуктивные социальные нормы оказывают на человека существенное влияние. Именно ими в большинстве случаев человек руководствуется при принятии решения о рождении детей.

Репродуктивные установки не сводятся только к количеству деторождения или к отрицательному отношению к рождению ребенка. Репродуктивные установки направлены на «число детей, пол ребенка, установки на беременность и благополучный ее исход, а также установки на интервалы между рождениями, беременностями и т.п.» [3]. Все эти установки регулируют репродуктивное поведение. Также есть репродуктивные установки иного плана. Эти установки направлены на контрацепцию и искусственное прерывание беременности.

В.А. Борисов представляет репродуктивное поведение, состоящее из: репродуктивных потребностей, установок, планов и решений, действий и результатов действий. Из них, репродуктивная установка – это один из главных элементов репродуктивного поведения. Репродуктивная установка изучается с помощью такого индикатора как желаемое, идеальное и ожидаемое число детей.

Таким образом, мы рассмотрели понятие, сущность и структуру такого социального явления как репродуктивное поведение. Несомненно, наша статья носит практическую значимость, потому что только изучение всех сторон данного феномена, выявление тех норм, которые служат мотивацией к деторождению, поможет улучшить демографическое положение нашей страны [4, 5]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. – М.: Статистика, 1972. – 144 с.
2. Борисов В.А. Демография. – М.: Издательский дом NOTABENE, 2001. – 272 с.
3. Бурганова Л.А., Ильдарханова Ф. А., Хадиева Л.Г. Репродуктивные установки молодежи. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 94 с.
4. Германова Л.В., Хайруллина Ю.Р., Соловьев М.М. К вопросу о качестве жизни, его духовных и социальных факторах // Научные труды Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. Выпуск 11. – Казань: Издательство «Артифакт», 2016. – С.99-104.
5. Германова Л.В., Хайруллина Ю.Р. Установки современной женщины на планирование деторождения: факторы влияния (на материалах конкретно-социологических исследований) // Вестник экономики, права и социологии, 2016, №2. – С.252-255.

6. Гильманов А.З., Соловьев М.М. К вопросу о проблеме насилия по отношению к детям в семьях, находящихся в трудной жизненной ситуации (на материалах Республики Татарстан) / Методическая и научно-практическая работа специалистов учреждений социальной защиты по оказанию помощи нуждающимся семьям и детям в Республике Татарстан // Сборник методических, научно-практических материалов и тезисов выступлений. Часть II. – Казань: Отечество, 2014. – С. 41-49.

7. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.

8. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. – Вологда, 2015. – 170 с.

9. Нурутдинова А.Н. Проблемы социальной адаптации приемных семей (на примере семей Казани) // Вестник экономики, права и социологии, 2012, № 12. – С.244-247.

10. Предварительные итоги переписи населения России в 2010 г. – URL.: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php, свободный (дата обращения: 15.06.2017)

11. Хайруллин Р.Р., Соловьев М.М. Факторы репродуктивного поведения молодой семьи: православные ценности // Вестник экономики, права и социологии, 2015, № 2. – С. 222-224.

12. Шестаков К.А. Аксиологический фактор репродуктивного поведения россиян: автореферат дисс... канд. соц. наук. – М., 2010. – 27 с.

Корунова Валерия Олеговна

Научный сотрудник

Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

Valeriya.Korunova@tatar.ru

**ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ
ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

**ELDERLY IN THE CONTEXT OF INFORMATION SOCIETY:
THEORETICAL REVIEW OF THE PROBLEM OF ASSIMILATION THE
ELDERLY FOR MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES**

Аннотация: В статье рассмотрена одна из проблем, возникающих в процессе информатизации всех сторон общественной жизни, – проблема не освоенности пожилыми людьми современных информационных технологий и, следовательно, их исключенности из системы взаимодействий информационного общества. Представлены точки зрения исследователей по данной теме, приведены данные опросов общественного мнения.

Ключевые слова: информационное общество, информатизация, современные информационные технологии, пожилые люди.

Abstract: In this scientific article was outlined one of the problems arising in the process of informatization that covered all aspects of life. Problems of technological learning for elderly in modern information society and, therefore, their exclusion from its system of interaction were considered. Approaches to the examination of a phenomenon and results of opinion polls were presented.

Keywords: information society, informatization, modern information technologies, elderly.

Время научных достижений, которое мы переживаем сейчас, коренным образом отличается от всего, что было ранее. С развитием технического и технологического оснащения, призванного служить человеку, мы переносимся в информационное общество, организованное по принципу всесторонней информатизации.

Информатизация, по определению Федерального закона РФ от 25 января 1995 г., – это «организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов» [12]. Иными словами, под информатизацией понимается преобразование всех видов деятельности в опосредованную использованием информационных технологий, и цель этого преобразования – снижение затрат физического труда, повышение качества результатов деятельности и ускорение самого процесса ее протекания. Любая такая деятельность направлена на удовлетворение потребностей, а для наиболее эффективной ее реализации нужны знания о социальной действительности, информация, которая позволит действовать самым подходящим образом.

Наиболее успешные операции с информацией сегодня возможно производить лишь с помощью новейших информационных технологий, что в принципе меняет характер социальных взаимодействий в обществе. Причем речь идет также и о коммуникативных процессах между людьми: распространенное явление – общение посредством сотовой связи и социальных сетей в интернете [2]. Разумеется, средства добычи, хранения, обработки и передачи информации не ограничиваются одними лишь техническими средствами, а вступать в социальные взаимодействия можно

вживую, однако общество не стоит на месте – оно осваивает средства связи, интериоризирует принцип постоянной работы с ними и оставляет прежний этап, с его собственными принципами, порядками и приверженцами, далеко позади.

В действительности общество оставляет позади многих своих членов. Целые массы людей не пользуются современными информационными технологиями, несмотря на их широкое распространение и ценовую доступность. Тому могут быть разные причины: низкая покупательная способность, неприятие информационных новшеств, неумение пользоваться и в целом – неусвоенность модели образа жизни типичного пользователя. Такое информационное неравенство является серьезной проблемой, так как неиспользование информационных технологий влечет отсутствие быстрого, всеохватывающего доступа к информации и приводит к исключению из общественной жизни в принципе. Эта проблема – одна из важнейших проблем всех информационных обществ, в том числе – общества России.

На становление российского информационного общества направлена государственная политика нашей страны, выраженная в принятии программы «Информационное общество» на 2011–2020 годы. Ее цель – «создание целостной и эффективной системы использования информационных технологий, при которой граждане получают максимум выгод» [5], то есть в основе своей это такое развитие информационной сферы, при котором неизбежно повысится качество жизни российских граждан. Причем это повышение должно выражаться в простых и доступных сервисах, которыми граждане пользуются ежедневно: запись на прием к врачу через интернет, оплата штрафов с мобильного телефона, недорогой широкополосный доступ.

За показатель успешной реализации программы берется рост индекса РФ в международном рейтинге стран по уровню развития информационных технологий и увеличение количества граждан, пользующимися ими в повседневной жизни [5]. При этом в ряд первоочередных мер, помимо создания электронного правительства и развития новых информационных

технологий, входит преодоление неравного к ним доступа, что говорит о наличии реальной, осознанной проблемы.

Низкий уровень включенности пожилых людей в информационную сферу – одна из сторон этой проблемы, однако крайне показательная, так как в повседневной жизни неумение обращаться с современными средствами связи в первую очередь приписывают именно старшему поколению. Более того, зачастую на уровне обыденного сознания отсутствует даже допущение о том, что хотя бы некоторые из них могут быть на высоком уровне осведомлены. Что характерно, данное мнение вполне обосновано: пожилые люди в России, по статистике, составляют наименьшую долю суточной интернет-аудитории. Около 13% не желают пользоваться интернетом, имея, однако, возможность, еще 55% говорят, что такой возможности у них нет, но она им и не нужна, 10% и вовсе не знают, что это такое [6]. К тому же они не видят в возможностях современных информационных технологий особой ценности. Так, всероссийский опрос ФОМ в сентябре 2013 г. показал следующие результаты – среди опрошенных разных возрастных групп пожилые люди намного чаще остальных отвечали, что внезапное исчезновение интернета изменит их жизнь очень незначительно (57% против 45% по населению РФ в целом). «Совсем не изменит», – считают 20% респондентов пожилого возраста, и это самый высокий показатель среди всех опрошенных. «Значительно изменит», – ответили 14%, и это, напротив, самый низкий показатель [8].

При такой слабой заинтересованности в пользовании современными информационными технологиями еще хуже дела обстоят с интерактивным получением госуслуг, что также является принципиальным направлением государственной программы РФ «Информационное общество». Во-первых, стоит оговориться и отметить, что возможность пользоваться услугами электронного правительства в принципе не встречает активного отклика: слышали о ней меньше половины опрошенных россиян (40%), воодушевились на ее использование примерно столько же (43%). Что

касается пожилых россиян, то их желание пользоваться госуслугами через интернет стремительно падает с возрастом и встречается не более чем у 20% энтузиастов [6].

Говоря о неумении пользоваться интернетом, персональными компьютерами, сотовыми телефонами, то есть в целом – современными информационными технологиями, нужно помнить о возможности обучения. Однако существующие в России стереотипы указывают на принципиальную необучаемость пожилых людей. И сами они в действительности дают немало поводов так думать. Дело в том, что среди пожилых людей, желающих продолжить образование, выучиться на другую специальность или получить дополнительные навыки и знания (под которыми чаще всего подразумевались навыки использования компьютера) – меньшинство, тогда как категорически несогласных – почти 95%; таковы результаты опроса общественного мнения августа 2014 г. [4]. Эти данные ставят под сомнение тезис о низкой обучаемости пожилых людей, так как большая часть из них учиться не желает и, соответственно, не учится, не давая свои способности оценить. Однако появляется новый вопрос: почему пожилые люди не стремятся к образованию?

Ответ, на наш взгляд, лежит на поверхности – его также знают правительство и общественные организации, разного рода социальные службы. Речь идет о соответствующих условиях, об учебных учреждениях, специализированных под интересы и особенности людей старшего возраста. Базой геронтообразовательной политики является существование университетов третьего возраста, в которых действует множество разнообразных курсов, в том числе и курсы повышения компьютерной грамотности. Надо сказать, что их деятельность весьма эффективна, причем с точки зрения как качества даваемых знаний, так и успешности их усвоения, а также с точки зрения ее оценки самими обучающимися. Ниже приведен показательный пример.

Министерством социальной политики Нижегородской области в 2007 г. был приведен в действие проект обучения пользователей старшего поколения основам работы с компьютером и интернетом – «Доступный интернет». С 2012 г. осуществляется мониторинг и анализ итогов работы. Результаты таковы:

– прошедшие обучение пожилые люди в день пользуются компьютером и интернетом как минимум 2 часа в сутки, занимаясь преимущественно поиском информации (80%) и общаясь с друзьями и семьей (60%), а треть опрошенных даже играет в компьютерные игры;

– более 10% освоили сервисы оказания госуслуг в интернете;

– 5% респондентов оценивают полученные знания на отлично, 80% – как средние и хорошие, которые позволяют им выполнять все базовые операции самостоятельно;

– более 80% помимо всего прочего отметили приятный процесс обучения и хорошее отношение к себе педагогов и изъявили желание обучение продолжать [13].

Однако не всем пожилым людям подходит такой способ обучения, а иных форм помощи освоения ими новых информационных технологий в нашей стране практически нет. Распространены, впрочем, интернет-курсы обучения компьютерной грамотности, такие как neumeika.ru, teryga.com (Компьютер для начинающих – это просто!), целый курс на сайте microsoft.com и т. д., которые совершенно бесполезны при нулевых знаниях и умениях пользования информационными технологиями. Также очень много частных учебных центров; благодаря интернет-поиску мы обнаружили сайт kazan.zoon.ru, который выдал 26 результатов по запросу «курсы обучения компьютерной грамотности в Казани», среди них «Центр дополнительного образования А.Ф. Конто», «Арсенал», «Парк знаний» и многие другие. Но речь, разумеется, идет о формах помощи, вызывающих доверие, дающих гарантии качества.

Из вышеизложенного следует, что образовательный потенциал у пожилых людей имеется и его лишь нужно правильно реализовать, а значит – проблема их оторванности от информационных технологий и, соответственно, неполного включения в социальную систему современного общества потенциально решаема. Причем с огромной пользой для пожилых людей: умение пользоваться современными информационными технологиями обеспечивает их социальную активность, хорошее социальное самочувствие, трудоустройство и безопасность [1].

Угроза безопасности, трудоустройству и социальной активности, самочувствию пожилых людей – это три аспекта имеющейся проблемы, которые выделяют все без исключения авторы, работающие по этой теме.

Г. Б. Кошарная и Е. В. Щанина отмечают пагубные последствия общественной информатизации для пожилых людей по всем трем пунктам. Они говорят о реальном существовании такого явления как эйджизм, который характеризуется отрицательной оценкой участия пожилых людей в жизни общества и приводит к его искусственному сужению. В результате, это приводит к следующему:

- пожилые люди не могут трудоустроиться по специальности, так как стереотипы восприятия отождествляют старость физическую с отставанием от эпохи;

- эти стереотипы распространяются не только среди молодежи и людей среднего возраста – им подвержены и сами пожилые люди, которые начинают считать себя априори неспособными получить новые знания, а, следовательно, и решать собственные проблемы в условиях современного общества;

- последнее делает их жизнь социально-пассивной, понижает в них интерес к самообразованию, а также самооценку и чувство нужности; ускоряет процесс старения.

Старость, – считают авторы, – один из этапов развития человека, во время которого у него ярко выражены потребности быть значимым и

самостоятельным, и поэтому пожилой человек должен развиваться в соответствии со своими интересами и потребностями, переключаясь на новые, соответствующие современности виды деятельности. В первую очередь – на использование в процессе этой деятельности современных информационных технологий. Так жизнь пожилого человека становится по максимуму лишенной опасностей, яркой и продуктивной, наполненной общением, творчеством, смыслом [11].

Однако для пожилых людей, не желающих жить спокойной жизнью, этого мало, потому что они хотят работать, во-первых, для себя, а во-вторых – на пользу общества [3]. Из двух этих желаний превалирует стремление к стабильному заработку и занятости в целом, что и вынуждает их решать проблему – проблему с их трудоустройством в современном обществе – собственными силами. Пожилые люди начинают обучаться основам компьютерной грамотности в целях удовлетворения своих насущных потребностей, то есть развиваться в соответствии со своими интересами, как об этом говорили Г. Б. Кошарная и Е. В. Щанина.

При этом пожилым людям необходима помощь со стороны общества в целом и государства в частности. О. М. Киселева предлагает следующий выход: это создание учебных учреждений, специализированных под их нужды. Автор говорит о необходимости создания университетов третьего возраста с множеством разнообразных образовательных программ, в число которых входит и курс обучения компьютерной грамотности. Как ясно из названия («университет третьего возраста») методики преподавания подразумеваются отличными от обычных [9]. Это следует из наличия ряда особенностей у студентов старшего возраста, на которые М. А. Земнякова и Н. Н. Помуран советуют обращать пристальное внимание, и с учетом которых строить образовательные программы. Речь идет о медленном усваивании информации и выполнении заданий, а также о снижении способностей к абстрактному мышлению [7].

Т. М. Кононыгина более глубоко раскрывает данный аспект проблемы. В своей книге она группирует множество факторов-блокираторов образовательной активности пожилых людей, отмечая влияние следующих из них:

- возрастных факторов (рост числа болезней, снижение подвижности, часто упаднические настроения);
- биографических факторов (ранний негативный опыт обучения);
- ситуативных факторов (случаи невозможного получения знаний);
- личностных факторов (психологические особенности личности);
- социокультурных факторов (социальное окружение и общественные стереотипы, препятствующие принятию решения о получении дополнительного образования);
- пространственных факторов (далекое расположение места проживания от здания учебного учреждения) [10].

В общем и целом, исследователи этой проблемы своими позициями не выказывают разногласий: абсолютно все констатируют наличие информационного неравенства и необходимости его преодоления средствами геронтообразовательных программ, выделяя для этого идентичные причины. В первую очередь такие, как существование проблемы незащищенности пожилого человека, его предоставленности самому себе, пассивности, склонности к низкой оценке своих способностей и заслуг, его трудовой незанятости и т. д. Также они призывают к особому подходу к пожилым людям в процессе их вхождения в информационную среду, который разворачивается в этот самый момент.

Подводя итоги, скажем, что процесс информатизации предполагает повсеместное и обязательное внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества. Причем традиционные каналы социальной связи, ныне замененные всевозможными техническими новшествами, устаревают и теряют былую эффективность. Иными словами,

освоение новейших технологий становится обязательным условием полноценной жизни в информационном обществе, а обратное приводит к так называемому информационному неравенству, от которого страдают в первую очередь пожилые люди. Оторванность от остального мира, обусловленная тотальным неиспользованием новых технических средств, опасна, как говорят многие авторы, работающие по этой проблеме, для жизни и здоровья людей старшего поколения, для их социального самочувствия и социальной активности. Проблема, впрочем, решается средствами образования – существуют специализированные курсы в университетах третьего возраста, которые подтверждают эффективность своей деятельности положительными результатами студентов. Однако такая практика не распространена, и пожилые люди в основном «входят» в информационное общество без квалифицированной поддержки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алимова О. В., Хайруллина Ю. Р. Социальное самочувствие и модели стиля жизни пенсионеров в современных условиях (на примере конкретного социологического исследования в г. Казани) // Гуманизация образования. – 2013. – № 6. – С. 31–40.
2. Валиуллин Н. А., Хайруллина Ю. Р. ИТ образование и его специфика // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2014. – № 8. – С. 183–186.
3. Васильева Е. Н. Ресурсный потенциал «пожилых»: технологии реализации // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1 [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/115-11993 (дата обращения: 21.03.2015).
4. Востребованность дополнительного образования [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11701> (дата обращения: 27.11.2014).

5. Государственная программа «Информационное общество» (2011–2020 годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 21.03.2015).
6. Госуслуги в интернете: востребованность [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11461> (дата обращения: 27.11.2014).
7. Землякова М. А. Специфика проблем в процессе адаптации пожилых людей в современном российском обществе // Медицина и образование в Сибири. – 2014. – № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://ngmu.ru/cozo/mos/article/abauthors.php?id=1360> (дата обращения: 21.03.2015).
8. Интернет-зависимость [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11104> (дата обращения: 27.11.2014).
9. Киселева О. М. Проблема адаптации пожилого населения к современной информационной среде // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.sëauka.ru/2014/04/2959> (дата обращения: 21.03.2015).
10. Кононыгина Т. М. Геронтообразование: навстречу потребностям пожилых // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г. А. Ключарев. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 248–273.
11. Кошарная Г. Б. Особенности обучения пожилых людей // Интеграция образования. – 2013. – № 4 (73). – С. 57–61.
12. Раецкая О. В. Социальные последствия информатизации // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 68–72.
13. Результаты опросов граждан пожилого возраста о результатах обучения, использовании компьютера и интернета [Электронный ресурс]. URL: <http://computer.minsocium.ru/about/surveys> (дата обращения: 21.03.2015).

ГОРОД КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Пепеляев Антон Андреевич

аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

pepelyaevanton@gmail.com

ОБЩИЙ ГОРОД: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ. ГЛОБАЛЬНЫЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ

COLLABORATIVE CITY: SOCIAL PREREQUISITES FOR THE GROWTH OF THE CITY'S SHARING ECONOMY. GLOBAL EXPERIENCE

Аннотация. В статье раскрывается понятие экономики совместного пользования. Дается описание социальных предпосылок развития экономики совместного потребления. Описывается мировой опыт развития городской экономики совместного пользования.

Ключевые слова: Экономика совместного пользования, долевая экономика, уберизация, экономика доверия

Abstract. The article deals with the concept of economy of sharing. Provides a description of the social prerequisites of development of economy of collaborative consumption. Describes the global experience of development of urban economy of sharing.

Keywords: Sharing economy, collaborative consumption, uberization, Economics of trust

Экономика совместного потребления (Sharing economy) открывает новые пути развития городского пространства и социума, создавая более совершенную, умную рабочую и жизненную среду. Экономика совместного потребления имеет большой потенциал сокращения транзакционных издержек и отходов в сравнении с традиционной экономикой владения.

Экономику совместного потребления в большей степени принято относить к городским феноменам. Возникновению модели связано с высокой стоимостью собственности в крупных городах. Большинство крупнейших компаний, использующих модель совместного потребления были созданы в больших городах и для больших городов [1].

Развитие технологий открывает доступ людей с ресурсам друг друга. Пользователи различных сервисов (Uber, Airbnb, Lyft, LocoLo и многих других) передают в экономический оборот свои избыточные активы, перераспределяют их и получают доход [2].

Большое количество сервисов возникших на стыке новых технологий и идеи об эффективном перераспределении ресурсов в настоящее время прочно заняли нишу в экономике города [1]. Существование таких сервисов меняет существующую экономику потребления в настоящее время, снижает неразумное использование ресурсов и создает новое городское сообщество, которое не считает владение достойной целью экономики своего времени.

Как устроена экономика совместного потребления?

Экономическая модель совместного потребления основана на коллективном использовании товаров и услуг, аренде и обмене вместо владения. Такими товарами или услугами могут быть: жилье, автомобили, парковки, оборудование, инструменты, знания и умения. Появлению такой модели способствовало развитие технологий, распространение интернета и социальных сетей [3].

Долевая модель была описана впервые Рейчелом Боцманов и Ру Роджерс в книге *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption* [4].

Социальные предпосылки возникновения

В исследовании *The Consumer Potential of Collaborative Consumption* (Потребительский потенциал долевой экономики) выделяется две группы причин участия в совместном потреблении:

- 1) Внешние: экономическая выгода, практическая необходимость, получение похвалы;
- 2) Социальные: помощь другому человеку, знакомство с новыми людьми.

В исследовании также показана корреляция желания участия с финансовыми показателями. Так рост дохода снижает желание делиться, а более высокий уровень образования увеличивает вероятность участия.

В работе *Sharing is Good* Р. Бакзински связывает возникновение экономики совместного потребления SE (Sharing Economy) с эволюционным человеческим стремлением делиться с другими. Кооперация является следствием социальной эволюции человека. Появление сети Интернет и новых технологий расширило число «совместных» объектов [5].

Однако, помимо технологий динамику развития отрасли определяет уровень межличностного доверия в обществе. Экономику совместного потребления иногда называют экономикой доверия: отдавать в пользование свои активы может быть достаточно рискованным занятием.

Вопросы доверия часто рассматриваются в поведенческой экономике. В эксперименте Coolican D., Coffman L. *Trust, the Sharing Economy and Behavioral Economics* доказывалось, что если один человек ограничивает или контролирует другого, не проявляя доверия, контролируемый не будет действовать желаемым образом [6].

Мировой опыт

Об успехе платформ, использующих модель SE говорят многие исследования. В работе *Estimating The Impact of Airbnb On The Hotel Industry* выявлено взаимосвязь показателей: 1% увеличения прибыли Airbnb на

локальном тexasском рынке ведет к 0,05% снижению прибыли отелей. Такое влияние на традиционный бизнес показывает значимость новых моделей экономических взаимодействий [7].

Исследователи Боцман и Рожерс говорят о 4 критических факторах успеха [4]:

- 1) вера в общность;
- 2) неиспользуемые ресурсы;
- 3) доверие;
- 4) существующая критическая масса пользователей.

Значимость каждого из факторов варьируется в зависимости от специфики той или иной платформы.

Вера в общность позволяет поддерживать существующие системы, основанные на SE (Sharing economy) и улучшать ее. Исследования показывают, что главной мотивацией участника экономики совместного потребления является именно чувство помощи другому. Это может быть не прямая помощь одного актора другому, а, например, вклад в общее развитие городского социума или среды.

35% респондентов в исследовании экономики совместного потребления, проведенного чикагским подразделением Leo Burnett The Sharing Economy, сообщили что были мотивированы в участии сервисов совместного потребления альтруизмом, чувством приобщения к социуму и сохранением окружающей среды, помимо экономики, нужды и удобства.

В развитии SE также важно доверие участников обмена. Пользователи сервисов должно быть уверены в предсказуемости и рациональном поведении друг друга. Защищенность от непредсказуемого поведения дается с помощью внедрения рейтинга, оценок и отзывов о пользователях.

Неиспользуемые активы главный объект обмена в экономике совместного потребления. Свободная комната позволяет владельцу квартиры зарабатывать с помощью сервиса Airbnb, свободное время и автомобиль основа экономики сервиса Uber. Люди владеют собственностью, но не

обязательно или не всегда ее используют. Поэтому неиспользуемые активы стали основным капиталом SE.

Устойчивость работы систем совместного потребления определяет наличие критической массы пользователей — достаточное количество людей с двух сторон (имеющих неиспользуемые активы и тех, кто заинтересован в предложении). Так Uber разворачивает сервис в крупных городах, население которых достаточно по количеству и технологическому развитию для составления критической массы пользователей.

Правительства многих городов мира осознает необходимость развития долевого экономики города. Сеть совместных городов (Sharing cities) включающая в себя 50 городов мира, позволяет жителям обмениваться опытом и развивать инициативы совместного потребления [4].

Экономика совместного потребления меняет жизнь городов и городского социума по всему миру. Широта распространения долевого модели зависит как от распространения технологий и доступа к Интернету, так и от уровня доверия и желания горожанина участвовать в развитии своей городской среды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Соловова Е. А. Факторы развития экономики совместного потребления в мегаполисах: межстрановое сравнение. – М.: ВШЭ. – 2017.
2. Ульянова Н., Аржанова Я. Мистер и миссис Шеринг. – Бизнес журнал. – №1, 2015.
3. Как долевая экономика может улучшить жизнь города // Strelka Magazine URL: <http://strelka.com/ru/magazine/2015/07/02/share-economy>
Режим доступа: доступно.
4. Боцман Р., Роджерс Р. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. – London: Collins. – 2010.

5. Buczynski B. Sharing is good: How to save money, time and resources through collaborative consumption. – New Society Publishers, 2013. – URL: https://newsociety.com/var/storage/blurbs/9780865717466_excerpt.pdf (Дата обращения: 14.03.2017).
6. Coolican D., Coffman L. Trust, the Sharing Economy and Behavioral Economics // BehavioralEconomics.com – 2016. – URL: <https://www.behavioraleconomics.com/trust-the-sharing-economy-and-behavioral-economics/>
7. Zervas G., Proserpio D., Byers J. W. The Rise of the Sharing Economy: Estimating The Impact of Airbnb On The Hotel Industry // Journal of Marketing Research. – 2014.

Соныгина Аделия Рустемовна

Аспирант Центра перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан

sonygina.adeliya@gmail.com

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ

DEVELOPMENT TREND OF URBAN INFRASTRUCTURE: CHARACTERISTICS OF URBANIZATION

Аннотация: в данной статье мы пытаемся разъяснить некоторые стороны заявлений, что все города могут рассматриваться с теоретической точки зрения как структура, которая объединяет процессы урбанизации и соответствующей связи местоположения, землепользования и человеческого взаимодействия. Определены переменные, который обозначить как возможность применения конкретного способа понимания пространственной интеграции и взаимодействия в городе.

Ключевые слова: город, инфраструктура, урбанизация, интеграция городское пространство, городская идентичность.

Abstract: In this article we explain some part of the statement that all cities can be considered from a theoretical point of view as a structure which combines the processes of urbanization and the relevant connection location, land use and human interaction. Defined variables, which denote the possibility of applying a specific way of understanding spatial integration and interaction in the city.

Keywords: city, infrastructure, urbanization, integration of urban space, urban identity.

В современном мире широко распространено представление, что города настолько большие, столь сложные и не имеющие легко идентифицируемых границ, что любая попытка определить их существенные особенности обречена на неудачу. Та же самая проблема обычно преследует городские исследования, как правило, с множеством расходящихся утверждений о природе городов, которые при этом конкурируют за внимание. Несмотря на эту путаницу, у большинства из нас есть мало сомнений в работе с повседневными суждениями скажем, что города теперь растут быстро во всем мире или что урбанизация, продвигается вперед с большей силой, чем в любое другое время в истории человечества. Действительно, урбанизация - столь видная особенность нашего мира, что академические повестки дня, настроенные к этой проблеме, продолжают распространяться, даже при многократных противоречиях относительно того, как точно города должны осмысляться и изучаться.

В настоящий момент в истории, процессы урбанизации глубоко формируются под влиянием социальных и имущественных отношений капитализма, хотя они не могут быть сведены к функционалистским выражениям этих отношений, поскольку они также сформированы идеями, интересами и политикой. Таким образом, города сегодня предоставляют существенные основания для большинства экономических систем выполнять свои функции, но не автоматически выполнять эту роль в любом оптимальном образом. Напротив, города часто порождают условия, которые оказывают негативное воздействие на жизнеспособность более широких экономических, политических и социальных механизмов.

Города всегда включаются в более широкие системы социальных и политических отношений во многих разных масштабах. В этом контексте городские центры с разнообразными отличительными признаками и дают начало многочисленным изменениям в их форме и функции через время и пространство. Следовательно, некоторые города вступили в

постиндустриальную фазу, другие во власти производственной занятости; некоторые расположены в относительно процветающих странах, другие находятся в странах, где необузданная бедность преобладает; некоторые включены в общества, которые являются относительно гомогенными с точки зрения их расового и этнического состава, и другие, общество которых характеризуются огромным разнообразием в этих отношениях; над некоторыми главенствуют авторитарные социальные и политические структуры, другие можно характеризовать более открытыми и демократическими видами отношений; и так далее, фактически до бесконечности. Мы можем спросить, заслуживают ли, по общему признанию, огромные изменения эмпирического состава городов, обусловленные этими различными контекстуальными обстоятельствами, множественности различных концепций городов? Или мы можем прорваться через этот гордиев узел, чтобы выявить целостную концепцию города как объект теоретического исследования?

Можно ответить положительно на последний вопрос, настаивая, на том, что суть процесса урбанизации заключается в двойном статусе городов, как кластера производственной деятельности и жизни человека, которые затем разворачиваются в плотную, внутренне разнообразную паутину взаимодействующего землепользования, местоположений и союзного институционального / политического механизма. Этот довод стоит определить ошибочным и обесценить практические изменения, которые существуют от города до города или пропустить контекстные переменные, которые формируют индивидуальность конкретных городов. Пять таких переменных играют особенно важную роль, однако, не отрицают общий характер урбанизации в качестве конкретного способа пространственной интеграции и взаимодействия. Их смысл и значение для городских исследований можно суммировать следующим образом:

1. Общий уровень экономического развития варьируется чрезвычайно через время и пространство. Одновременно, города в противопоставлении контекстов развития показывают широко контрастирующие профили в таких вопросах как их экономические базы, их инфраструктурные дары и их дополнения богатых, бедных и людей со средним доходом.

2. Правила, регулирующие распределение ресурсов, оказывают значительное воздействие на развитие городов. Общество, которое распределяет ресурсы через рынки, будет обычно делать по одному, в отличие от того, кто имеет дело с распределением ресурсов через не рыночные правила или через некоторую гибридную договоренность, такие как система рынка, объединенная с прочными инструкциями городского планирования.

3. Преобладающие структуры социальной стратификации, в том числе расовых и этнических вариациях, оказывают сильное влияние на формирование района.

4. Дополнительный важный источник различия происходит от культурных норм и традиций. Они затрагивают множество методов и образов жизни, которые затрагивают городской пейзаж, включая формирование, развитие и постоянство районов и операцию местных рынков труда.

5. Всеохватывающие условия политической власти. Власть оставляет глубокие следы развития городов в любом конкретном обществе. Эти условия, как правило, определяют сферу деятельности органов местного самоуправления и городского планирования и, следовательно, влияют на детальное пространственное функционирование городской общности, так же, как они почти всегда имеют серьезные последствия для динамики местного политического соперничества.

Учитывая особенности эмпирических явлений, происходящих в городах, и способы, при которых контекстуальные переменные,

перечисленные выше, усугубляют чувство необратимого разнообразия, города неизменно представляют на первый взгляд определенную степень индивидуальности. Неудивительно, что многие социологи и антропологи склонны рассматривать каждый город как особый случай.

Данный подход подчеркивает общности через все типы городов и организационных процессов, которые формируют их. Кроме того, подходит позволяет подчеркнуть, что города по всему миру не сходятся с общим эмпирическим шаблоном. Однако основная специфика развития инфраструктуры города в современном обществе выходит далеко за рамки области города в строгом смысле этого слова, ибо она сводится к самому ядру общественной жизни, взаимодействия индивидов с социальным пространством города в трех его проявлениях: материально– вещественном, личностном и географическом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Линч К. Образ города. М., 1982. [Электронный ресурс] http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm (дата обращения: 12.08.2017)
2. Хайруллина Ю.Р., Соныгина А.Р. Образ городского пространства г.Казани: представления в сознании горожан // Научные труды Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. Выпуск 9. – Казань: Издательство ООО «Офсет- Сервис» – С. 122-127.
3. Хайруллина Ю.Р., Соныгина А.Р. Качество жизни населения и влияние городской инфраструктуры г.Казань (на материалах эмпирических исследований) // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2016.– №1. – С. 36-42
4. Saunders, P. Social Theory and the Urban Question. L.: Hutchinson, 1981.
5. Slater, T. Your life chances affect where you live: a critique of the ‘cottage industry’ of neighbourhood effects research// International Journal of Urban and Regional Research.- 2013.- 367–87.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 12

Подписано в печать 29.12.2017 г.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ.л. 11,86 Тираж 100 экз. Заказ 17Г-401

Отпечатано ООО «ЛИМ-Групп»